

МИЛИССА РОМАНЕЦ

Стажировка
БОГИНИ

Альфэй — начинающая богиня. Получив своё первое задание, она твёрдо намерена показать чего стоит. Однако в каждом из сотворённых ею миров что-то идёт не по плану. Словно её преследует злой рок. Или совершенно конкретное зло.

Пролог

Альфэй — начинающая богиня. Получив своё первое задание, она твёрдо намерена показать чего стоит. Однако в каждом из сотворённых ею миров что-то идёт не по плану. Словно её преследует злой рок. Или совершенно конкретное зло.

— Поздравляю с официальным завершением тридцатилетнего периода обязательного обучения. С этого дня вы перестали быть учениками и становитесь стажёрами. Начинается практика по созданию миров. Отныне в Золотом павильоне вы будете появляться только, чтобы сдать мне результат своего сотворения. Не торопитесь. Подойдите к работе и своим ресурсам ответственно. Возможно кому-то перед тем, как бездумно уйти в свой первый закрытый тренировочный мир стоит освежить память. Полистайте лекции, наведайтесь в библиотеку. Не возбраняется спросить совета у товарищей или старших богов. Помните, что свой статус начинающего бога вам ещё только предстоит подтвердить, — кустистые брови наставника Ли сурово сошлись на переносице, в то время как спокойный, глубокий голос ни разу не дрогнул. — Старший ученик Е раздаст вам чётки с нанизанными на зачарованную нить заготовками под ваши будущие миры.

Занимавшая место сразу напротив наставника, Альфэй заёрзала от нетерпения. Она считала, что со стажировкой справится лучше кого бы то ни было, и жаждала приступить к испытанию. А вот глупое доисторическое правило Небес сидеть на коленях перед низким столиком её страшно утомило за годы обучения. И маленькая подушка-подкладка не могла смягчить её боль. Ещё и эта старческая мода, из-за которой приходилось мучиться с волосами, спускавшимися ниже пояса, путаться в длинных полах и рукавах ханьфу. Словно они находятся на съёмках сериала в декорациях Древнего Китая. Однако ностальгирующие по седым временам старшие боги были неумолимы, и обучающиеся строго соблюдали своеобразный дресс-код. Традиции, чтоб их тёмные боги побрали. Впрочем, во время стажировки эти правила уже будут не властны над ней.

Из мыслей о том, что отныне начинается совсем другая жизнь, Альфэй вырвал старший ученик Е — её главный соперник за место личного ученика наставника Ли. Несмотря на то, что она объективно умнее, исполнительнее и продуктивнее, наставник всё равно выделял мужчине, назначив его старшим учеником и всячески поощряя. Альфэй видела в этой несправедливости лишь следование патриархальному строю Небес.

Приходилось признать, что старший ученик Е и, правда, обладает незаурядными данными. Она невольно замирала, стоило попасть под прицел глаз тёмных, словно безлунная ночь. Этот острый, настойчивый, достающий до нутра взгляд цеплял. Красивая, отзывающаяся теплом внутри, улыбка беспокоила. Ученик Е обладал утончённой, но не лишённой мужественности внешностью. Был высок и силён. А его умение себя подать и расположить окружающих вызывало зависть. Но Альфэй считала, что красивая мордашка в человеке не главное.

— Твои чётки, ученица А, — мужчина с приятной улыбкой протянул ей последнюю искусно сотканную зачарованную нить с шестью прозрачно-голубыми бусинами

сингулярностей, которые ей предстоит довести до полноценных обитаемых миров.

— Теперь стажёр, — недовольно поджала губы Альфэй.

— Прощу прощения за мою неучтивость, — ещё шире заулыбался он.

Альфэй только фыркнула. Она не верила этой доброжелательной улыбочке, идеальной выдержке и слишком прилизанному... всему! Начиная от внешнего вида, заканчивая речью и поведением. И хоть доказательств у неё не было, Альфэй была уверена, что мужчина сознательно обратился к ней по более низкому званию, чтобы в очередной раз задеть и уязвить, «показать её место».

— Опять ты придираешься к старшему ученику Е! Признай уже, что он слишком хорош, и ты просто запала! — послышался писклявый голосок миловидной ученицы И, которую кроме нарядов, собственной внешности и мужчин ничего не интересовало. Разодетая как на приём к императору, та негодуяще и выверено прикусила накрашенные губы.

— Точно, втюрилась и бесится! — вторили такие же гламурные подружки-сплетницы.

Поскольку организационное занятие уже закончилось, а наставник Ли оставил их одних, Альфэй решила, что просто уйдёт: молча и грациозно, как настоящая богиня. Она считала ниже своего достоинства ввязываться в споры и выяснение отношений с глупыми девицами, словно у неё самой ровно столько же мозгов, сколько у этих куриц.

Но проходя мимо ученицы И, заметила её ядовитую усмешку.

— Кто бы говорил о предвзятости и слепоте, так только не ты! Главная курица курятника, — шагнула к обидчице Альфэй.

Ученица И стрельнула взглядом в старшего ученика Е, который нарочно или нет, торопливо шагал прочь, и улыбка сползла с пухлых губ.

Характер Альфэй называли тяжёлым и склочным, пару раз она ввязывалась в драки, поэтому с ней старались не ссориться, но почему-то это всё равно происходило. Впрочем, не в этот раз, поняв, что лишена поддержки, ученица И скромно потупила взгляд.

Зато стоило Альфэй отойти на приличное расстояние, как в спину полетели остроты и упрёки.

— Только и умеет, что кулаками махать. Какая вульгарность!

— Но рука у неё тяжёлая. Ученик В сказал, что не у каждого Бога войны столько силы.

— Вот поэтому, как на женщину, на неё никто не смотрит.

Приподнятое из-за начала стажировки настроение испортилось

К сожалению, по возвращению в собственный павильон, сразу приступить к созданию своего первого мира не удалось.

Время до вечера Альфэй потратила на подготовку наряда и прихорашивание. Праздник по случаю окончания учёбы следовало посетить хотя бы для того чтобы выказать уважение наставнику. К тому же боги только и делали что танцевали, музицировали и набивали брюхо — светские мероприятия являлись неотъемлемой частью жизни Небес.

— Смотри-ка, Зазнайка явилась! — громко оповестила соучеников о появлении Альфэй, ещё более неотразимая, чем обычно, ученица И. — Неужели сложно было подобрать какой-то менее скучный и невзрачный наряд? Подумать только, белый! Без вышивки и украшений. Словно у неё траур. Ещё и распущенные волосы, как у какой-то деревенщины. А этот минимум косметики? Убожество.

Отвращение Альфэй к яркому макияжу, сложным причёскам и тем более многослойным аляповатым нарядам оставалось неизменным. Она считала, что неважно как хорошо или дорого выглядит наряд, он не подойдёт, если его нельзя самостоятельно надеть и снять.

Такие взгляды выдавали в ней «простолюдинку» и являлись источником постоянных насмешек.

Высоким происхождением Альфэй действительно не могла похвастаться. Она родилась в техногенном мире, в котором волшебные и сверхъестественные способности вообще считались мифом. В возрасте тридцати шести лет Альфэй при жизни вознеслась на Небеса. Радовало, что в тот же момент она перестала стареть. Хотя выглядела и не так молодо как прочие богини, которые ради этого шли на всевозможные ухищрения, но всё же и не на свой фактический возраст.

Первое, что она узнала после вознесения, что Небеса едины для множества миров объединённых культурой Китая. От Древнего до Сверхбудущего. Тех, в которых используют энергию Ци, чакру, магию, сверхспособности. И лишённые всего этого. Миры населённые зверолоудьми и захваченные инопланетными расами. Бесконечное множество самых разнообразных миров.

Теория мироустройства, которую преподавал наставник Ли, стала настоящим откровением для Альфэй. Если честно, она не очень верила в богов и будд, скорее в некую расу сверхлюдей и инопланетян, но для того чтобы в будущем суметь поддерживать вверенный мир и беречь его от саморазрушения её вера и не требовалась.

Родной мир Альфэй, населённый обычными людьми, был на довольно высоком уровне технического развития, но как она теперь знала не самом высоком в бесконечном множестве вселенных.

Ради празднования окончания обучения пришлось сдержаться. Хотя очень хотелось подойти к ученице И, чтобы вцепиться той в идеальную причёску.

Понаблюдав за весело щебечущими богинями в ярких нарядах, богатых украшениях, раскрашенных до неузнаваемости и радуясь, что не опустилась до поведения одной из этих «пеструшек», Альфэй выбрала дальний от суетящихся богов столик. Теперь её внимание сосредоточилось на мужчинах, которые в большинстве своём вели себя сдержаннее, да и выглядели менее броско. Приходилось признать, что порой даже Альфэй понимала, отчего наставники так предвзято относятся к богиням.

— Принести тебе вина? Выглядишь так, словно совсем заскучала, — подсел за её столик старший ученик Е, тем самым прервав уединение и размышления Альфэй о том, когда уже прилично будет покинуть планомерно надиравшихся богов.

Его наряд замысловато вышитый серебряной нитью и серебряная же заколка украшавшая причёску смотрелись в меру скромно и нарядно.

— Как будто вино делает этот вечер менее скучным, — грубо отозвалась Альфэй и потребовала ответ: — Что тебе от меня нужно?

— Ты, как всегда, прямолинейна, — чуть замявшись, засмеялся он. — Мы стали стажёрами и теперь вряд ли удастся так же часто видеться. У каждого своя задача и миры, будет сложно найти предлог для встречи...

— И зачем тебе предлог? — удивилась Альфэй.

— Чтобы случайно пересечься с тобой в Золотом павильоне, — как будто ещё больше смутился старший ученик Е, неловко потирая затылок.

— Я и не случайно могу туда зайти. Нужно только договориться о встрече. У тебя есть какие-то вопросы? Это касается создания миров?

— Не такие вопросы...

— Тогда что?

— Может, прогуляемся? Луна сегодня как никогда близка и прекрасна, — уклончиво ответил старший ученик Е.

Ночной воздух терпко пах цветами. Луна, занимавшая одну четвёртую небосклона, нависла, словно грозя сорваться и раздавить. Альфэй ступила в тёплое облако, лежавшее между шапками белоснежных пионов. Но зачарованный наряд и обувь, тем не менее, выдержали и остались комфортно сухими.

Альфэй вновь посетила мысль, что тот, кто создал Небеса, видимо, очень сильно не любил дождь. В этом мире совершенно не было осадков. Образующиеся облака ложились на землю с вечера и таяли утром. Бывали дни, когда облака не рассеивались и днём.

Горные пики с хрустально переливавшимися водопадами, долины, утопавшие в цветах и облаках, — такими представляли Небеса перед вознёсшимся богом.

Когда Альфэй только попала сюда, ей объяснили, что Небеса — это ещё один мир. Такой же, как и любой другой, только населённый исключительно богами рождёнными или вознёсшимися. Правда рождённых богов, про которых рассказывали самые невероятные истории, за всё обучение Альфэй не видела ни разу.

— Ну что? — резко спросила Альфэй, не выдержав того, что старший ученик Е то смотрит на неё, то быстро отводит взгляд.

— Ты сегодня просто очаровательна. Не могу отвести от тебя взгляда.

— А?.. Так не отводи, — не очень поняла эти метания Альфэй, а выражение лица старшего ученика Е на мгновение застыло в нечитаемой маске. — Ты уже определился с тем, каким хочешь видеть свой первый мир?

— Не думал ещё над этим. Переживаю, что мне не хватит энергии, — замялся он.

— Это проблема, — согласилась Альфэй. — Я подсчитала свои расходы маны, на один мир должно хватить, но в случае непредвиденной ситуации, без накопителя сама не справлюсь.

— Думаю, у тебя всё получится, — мягко улыбнулся старший ученик Е, вдруг опережая её на несколько шагов и заступая дорогу. — Ведь ты смелая, решительная и очень способная. Я восхищаюсь твоей выдержкой.

— Правда? — от неожиданности Альфэй остановилась.

— Ты поразительна, — воодушевлённо подтвердил свои слова он. — Мне очень жаль, что теперь мы будем видеться реже, ведь я... Ты мне нравишься! Потому что отличаешься от других богинь. Потому что ты... это ты.

— Я не знаю, что сказать, — призналась Альфэй, ощущая, как от приятных слов внутри разлилось тепло, а сердце забилось быстрее.

Родной мир Альфэй отличался двуличием: весьма свободные нравы, особенно среди мужчин, и официальная жёсткая цензура. Молодые люди редко хранили невинность до свадьбы, хотя обзавестись семьёй всё же желательно было до двадцати пяти лет.

Альфэй предпочла остаться свободной, независимой женщиной.

Родители с каждым годом пилили всё настойчивее, и даже после двадцати пяти не оставили попыток свести её с каким-нибудь холостым сыном друзей семьи. Они ожидали от неё удачного замужества и внуков. Ставили в пример семейного старшего брата и «более удачливых» подруг выскочивших замуж сразу после школы и перманентно беременных.

Альфэй же хотела доказать, что чего-то стоит сама по себе без мужа и детей. Считала, что уж сходить замуж всегда успеет.

На Небесах нравы оказались ещё более свободными, если не сказать распущенными, и

без цензуры. Боги и богини редко клялись в верности, за каждым тянулся шлейф больших и малых любовных побед. А прошедшие тридцать лет обучения не оставили ни одной «не попорченной» по несколько раз богини.

У Альфэй ещё до вознесения дважды случались короткие, но бурные романы, правда даже тогда от мужчин она не слышала столь приятных слов и признаний. После вознесения личная жизнь отошла далеко на задний план, она слишком сосредоточилась на учёбе.

Теперь же хотелось вспомнить, каково это быть желанной женщиной.

— Заглянешь в мой павильон на чай? — решительно предложила она старшему ученику Е.

Альфэй не знала, что может стать Богиней. Её случай, по словам наставника Ли, был действительно уникальным, ведь из техногенных миров если и возносились, то очень редко. Поэтому за свой шанс стать самой настоящей богиней она держалась крепко.

Все эти годы Альфэй посвятила обучению. Она очень хотела доказать, что её вознесение не случайность и не ошибка, а закономерность. Потому что она упорная и трудолюбивая, аккуратная и внимательная. Впрочем, сама не веря в это до конца.

В своей человеческой жизни она работала на благо общества — была чиновником Комитета по управлению городским хозяйством, а по факту попросту девочкой на побегушках. Начальник не стремился выше и ей не позволял вырасти по карьерной лестнице.

На работе Альфэй пахала одна за весь отдел, и поэтому ей не горели желанием давать отпуск, не позволяли уезжать на учёбу или по обмену опытом, посещать выездные совещания. Буквально заперли в четырёх стенах среди шкафов забитых папками с документами. Зато когда поднимали зарплату или давали премию, то тут она оказывалась на последнем месте. Всем было нужнее: молодым специалистам, старшим коллегам, юбилярам, декретным, коллегам-мужчинам, которым нужно кормить семьи. Всем тем, кому необходима была её помощь, чтобы выполнять свои трудовые обязанности.

Начиная с тридцати, её преследовали проблемы со здоровьем: недосып и бессонница, депрессия, выгорание, простуды, ноющий желудок и боли в спине из-за долгих часов просиживания за сметами и жалобами. А ещё отчаяние из-за беспросветного и бесперспективного будущего, ощущение тщетности всех усилий, потеря смысла жизни.

Заметили Альфэй в тридцать шесть лет на совещании, на котором она замещала начальника, и предложили повышение. В эйфории от того, что её старания, наконец, заметили, она вознеслась на Небеса.

Однако стоило эйфории немного улечься и оказалось, что на Небесах вся та же самая «канцелярия», что и в её родном мире. Только ставки в борьбе за место под солнцем тут выше.

Боги и богини не гнушались использовать своё тело, чтобы получить привилегию, выгодное назначение или более лёгкое экзаменационное задание. Стоило заметить, что о старшем ученике Е ничего подобного не говорили, но в романах с наставницами он отметился, и поэтому Альфэй до настоящего момента считала, что это не спроста, и мужчина не гнушался любых методов.

Но, может, она просто была предвзята к своему главному сопернику?

Всё же то, что сама она считала умышленными подколками и унижением её достоинства, остальные соученики и начинающие боги рассматривали, как неудачные попытки пошутить или неловкость в общении. Возможно, она действительно чересчур чувствительна и подозревает всех и каждого в нехороших намерениях, как пеняла ей ученица

И.

Старший ученик Е на самом деле не был замечен ни в чём плохом. А вот его фанаты вечно раздували из мухи дракона, в чём Альфэй убеждалась ни раз.

Собственный любовный опыт Альфэй был небогат. Впервые она влюбилась, будучи студенткой, только покинувшей родительский дом. Избранник — сокурсник и богатенький молодой господин, лишь играл на её чувствах, доказывая какой крутой мачо и что она будет бегать за ним, как собачонка. Попался на том, что снимал её откровенные видео, похваляясь ими перед друзьями. Она не простила, ещё и поколотила прилюдно. Их расставание вышло скандальным и некрасивым.

В следующий раз её очаровал коллега, который, казалось, искренне ей сочувствовал, а позже воспользовался, чтобы получить повышение. Из-за болезненного унижения, она ещё десять лет шарахалась от мужчин, как от огня. Боялась влюбиться и довериться, как дурочка. Да и времени на глупости не находилось. А после вознесения появились задачи важнее мужчин.

Альфэй зареклась завязывать серьёзные отношения и тем более любить. Впрочем, ничего против лёгкого романа она не имела. У богов интрижки были в порядке вещей. И, в конце концов, если мужчинам так можно поступать, то почему не могла она?

Все эти мысли огненными кометами промчались в её сознании, пока она вела ночного гостя в свой павильон, выставляла угощения на низкий столик в гостиной, грела и разливала чай.

— Я интересовался, свободна ли ты. Ведь за все годы обучения не было никаких слухов о том, что ты с кем-то встречалась, — признался старший ученик Е, разглядывая пиалу с чаем в своих руках.

— Просто спроси, — пожала плечами Альфэй.

— Так, стажёр А, ты свободна? — он напряжённо уставился ей в глаза.

— Меня зовут Альфэй. И, да, я свободна, — хмыкнула Альфэй, заметив радость, загоревшуюся во взгляде напротив. — А твоё имя?..

Начинающие свой путь боги хранили в секрете свои имена. Потому что были ещё слишком слабы, чтобы справиться с проклятиями, которые можно наслать, зная истинное имя бога. Только самые сильные боги не боялись открыть миру своё имя. Более слабые довольствовались статусными прозвищами: Восточный бог, Западный бог, Бог войны, Богиня плодородия, Богиня красоты. Порой последователи даже не знали о смене бога занимавшего пост, например, Бога литературы.

— Ежан, — чуть менее уверенно улыбнулся он, и Альфэй окончательно поверила в искренность мужского интереса к ней.

Боги никогда не ввали. Зато виртуозно недоговаривали. А вот прямую ложь мог почувствовать даже самый слабый из них.

Ежан не врал ей. Альфэй, больше не сомневаясь, встала с подушки и потянула мужчину за рукав, увлекая за собой.

— Альфэй? — собственное имя в устах Ежана прозвучало подобно нежной песне иволги.

Развернувшись, Альфэй встретила эти искушающие губы, разрешая себе упасть в надёжные объятия и перестать контролировать происходящее. Она словно отдалась могучему течению, которое подхватило и понесло, потоком ярких картин и ощущений.

Тёмный взгляд, наполненный страстью, оказался ещё прекраснее и пленительней.

Ежан сполна оправдал репутацию дамского угодника, одним поцелуем заставив позабыть обо всём. Альфэй ещё никогда не было так хорошо с мужчиной. От каждого прикосновения по телу, прокатывались горячие чувственные волны, а чужие губы разжигали что-то запредельное и давно позабытое. Возможно, всё дело было в том, что она стала богиней или в том, что её партнёр — бог. Это не имело ровным счётом никакого значения, когда голова блаженно опустела, тело, словно потяжелело, откликаясь на каждую ласку, низ живота томительно тянуло, в груди поселилась приятная нега, растекаясь лавой желания.

Альфэй казалось, что давно атрофировавшая за ненадобностью страсть, мощным взрывом вернула ей вкус жизни, заставляя трепетать и молить о большем. Ощущения стремительно нарастали, захватывая и возвращая запретные до этого момента чувства.

Альфэй задохнулась восторгом и обрушившимся на неё всепоглощающим удовольствием.

— Не знала, что у богов это так... — поделилась Альфэй своим открытием, расслабленно нежась рядом с любовником.

— Понравилось? Секс богов не сравнить с человеческими переживаниями, — пренебрежительно дёрнул плечом Ежан. — Я уже и забыл, как пресно и скучно это когда-то было. Кстати, не советую развлекаться со смертными. Энергообмен между богами ни с чем не сравнится. Даже маги и заклинатели не так хороши для этого.

— Но на Небесах обитают только боги...

— Вот именно. Боги, которые могут создавать собственные миры, населённые кем угодно. Но кому оно надо, когда богини лучше всего, — нежный поцелуй увёл мысли Альфэй далеко от богов и их игр со смертными. Ежан был прав то, что происходило между богами, не шло ни в какое сравнение.

Утром Альфэй не торопилась гнать Ежана, потакая собственной слабости и желанию насладиться неожиданным подарком судьбы ещё чуть-чуть.

— А у меня бусины тёмно-красного цвета, — сказал Ежан, вертя в руках её чётки с заготовками под будущие миры.

— Наставник Ли говорил, что такие заготовки не очень отличаются друг от друга. Вот если бы они были напитаны божественной энергией, так чтобы светиться, тогда другое дело. Но нам придётся напитать их собственной энергией, что в разы усложняет процесс сотворения.

До стажировки их всех снабдили специальными артефактами-накопителями, которые следовало заблаговременно зарядить под завязку. Разумная предосторожность, ведь новички, истратившие больше божественной энергии, чем могли себе позволить, рисковали оказаться запертыми в ловушке закрытого тренировочного мира.

— Когда мы сможем увидиться в следующий раз? — отложив чётки, Ежан подошёл, чтобы коснуться её губ сладким поцелуем.

От полноты ощущений, Альфэй прикрыла глаза. Внутри вновь расплавленным золотом разлилась сияющая и горячая волна тяжёлого желания. Она нехотя оторвалась и с трудом сглотнула, ставшую вдруг вязкой слюну.

Почему она так долго отказывала себе в удовольствии? Почему боялась почувствовать себя вновь желанной? Альфэй не хотела вспоминать.

Все обиды и страхи казались мелкими в сравнении с волшебными ощущениями, которые дарил ей Ежан.

— Пришлю тебе божественного посланника, как только справлюсь с сотворением

первого мира, — пообещала Альфэй.

— Возможно, я не смогу придти сразу же, — заботливо предупредил он.

— Ничего, я подожду.

— Тогда, до встречи, — прощальный поцелуй обжёг обещанием новой сказочной ночи.

Оставшись в одиночестве, Альфэй не медля больше ни минуты, активировала защиту павильона и взяла в руки чётки. Первая среди одинаковых бусин замерла в пальцах. В прозрачно-голубой глубине словно пробегали блики солнечного света, завораживая и маня окунуться.

Альфэй всей собой потянулась за игрой света и тени.

Часть 1

Глава 1. Сотворяющая богиня

Альфэй словно нырнула в поток прохладной прозрачно-голубой воды с пробежавшими по поверхности бликам. Звуки и запахи как отрезало. Перестали ощущаться температура, влажность, движение воздуха. Тело сдавило со всех сторон. Она застыла в самом сердце ничто и нигде.

Сосредоточившись, Альфэй затянула песнь созидания.

Напротив неё сгустилась энергия, в виде маленькой, всё разрастающейся чёрной дыры. Вскоре окружающую голубоватую прозрачность затянуло в эту чёрную дыру, внутри которой далёкой звёздочкой сиял сотворённый мир.

Усилием воли Альфэй переместилась на поверхности планеты, ноги утонули в рыхлой почве, до слуха донёсся приятный шелест волн и крон деревьев. Света, исходящего от самой Альфэй, едва хватило, чтобы разглядеть песчаный морской берег. Она подняла взгляд, и вновь запела, наблюдая за рождением звёзд, солнца и луны.

С каждым новым актом сотворения божественная энергия покидала её. Последнее на что ещё хватило Альфэй — населить этот мир людьми, пока силы окончательно не оставили её.

Очнулась Альфэй от колющего во все места сена, заменявшего ей постель, в маленькой хижине, сделанной из бамбука. На ней оказалось всего две холщёвые тряпки: одна прикрывала грудь, другая опоясывала бёдра. Ноги же и вовсе оказались босыми. После десятилетий ношения многослойных одежд, казалось, что она неприлично обнажена.

— О, ты очнулась? Твои тряпки вымазались, так что я их сожгла. Покаходишь в том, что я для тебя нашла. Иди, поешь, а то в чём только и душа держится? Такая бледная и тощая. А чтобы прокормиться, нужны силы, — в хижину вошла высокая, ширококостная, загорелая женщина, чьи мышцы и полные груди, казалось, были натёрты маслом и упруго перекатывались от каждого движения.

Ничего удивительно в том, что Альфэй поняла обращённые к ней слова, не было. Всё же именно она создала этот мир и само собой понимала всех его обитателей, как и они её. Тут неприятных сюрпризов не предвиделось.

Женщина тоже носила холщёвые тряпки, но поверх них блестели стальным плетением кольчужный лиф и юбка, на ремне висели ножны с внушительным тесаком, обута она была в кожаные сапоги до голени. Её чёрные, коротко стриженные волосы были выбриты у висков. Ни грамма косметики, ни единого украшения на женщине или в её жилище Альфэй не заметила.

За грубосколоченным низким столом они с женщиной разделили скудную трапезу, состоявшую из овощей, вяленого мяса и фруктов, запив всё это простой водой. Женщина

попросила звать её сестрицей Юн, а Альфэй сократила своё имя до Фэй.

— Мы находимся на большой земле. Бывает, к нам прибывает кого-то из варваров. Таких же щедрых и маленьких. Видимо жизнь за большой водой совсем тяжёлая, вот вы там и хиреете, — поделилась своими умозаключениями Юн.

— Ничего я не щедрая! — возмутилась Альфэй под задорный грудной гогот.

— Не обижайся, малышка, но тебя бы откормить как следует. Я живу охотой. Места у нас изобильные, в лесу полно дичи, так что мясо всегда есть. Можешь жить у меня, пока не придумаешь, как быть.

— Пожалуй, я приму твоё предложение, сестрица Юн, — согласилась Альфэй.

Она почти не чувствовала согревавшую изнутри и дарующую ощущение всемогущества божественную энергию, и по всему выходило, что застряла в сотворённом мире до восстановления резерва. В крайнем случае, можно было воспользоваться накопителем, который на неснимаемой цепочке, невидимый для посторонних глаз висел на шее. Однако Альфэй хотела по-честному сделать задание от начала и до конца сама. Она нуждалась в испытании собственных сил, чтобы доказать чего на самом деле стоит.

— Вот и славно. А теперь идём, поможешь мне продать тушки кроликов и фазанов, — позвала её Юн.

Они шли по обычной утопанной множеством ног тропинке между однотипными бамбуковыми хижинами. Всю дичь в холщёвом мешке несла Юн, не мешая Альфэй вертеть головой по сторонам.

В центре поселения на единственной улице, где расположились торговые ряды, им всё ещё не встретилось ни одного мужчины. Создавалось впечатление, что здесь живут только женщины, причём такие же высокие и мощные как Юн. Среди местных Альфэй чувствовала себя карликом, попавшим в мир великанов. Женщины торговали мясом, рыбой, овощами, фруктами, оружием, тканями, кожей. Они громко переговаривались, смеялись и ругались.

— Кто это с тобой, Юн? — спросила торговка соседнего прилавка, когда они с Юн разложили тушки кроликов и фазанов на одном из деревянных столов.

— Чужеземка Фэй. Нашла её сегодня на берегу у большой воды.

— Ох, и тощая она у тебя, — покачала головой женщина.

— Ничего, я её ещё откормлю!

— Да не тощая я! — не смолчала Альфэй под дружный гогот женщин.

Юн продавала свой товар за круглые медяшки, на которых был отчеканен местный номинал.

— Монеты куют в кузнице. Ещё наконечники для стрел и копий, ножи, мечи, кольчуги, орудия для возделывания полей. Сложное ремесло, но за него и платят хорошо, — Юн указала на стол особенно внушительной женщины продающей товары из железа.

— Это жена кузнеца? — предположила Фэй.

— Она и есть кузнец. А кто — это жена? — поползли брови Юн вверх.

— Эм... а мужчины у вас есть?.. Ну, самцы? Пара для создания семьи? Как у вас вообще дети появляются? — видя всё больше непонимания во взгляде Юн, постаралась, как могла, уточнить Альфэй.

— Приходит нужный возраст. Вот смотри, — указала на одну из женщин Юн.

Альфэй не заметила особых отличий этой женщины от других: такая же большая и объёмная, разве что живот чуть более выпуклый и кожа на нём натянута как на барабане.

— Рождение новой жизни — это естественный ход вещей. Мы не охотимся на

животных в период вынашивания и кормления потомства — это табу. А община помогает женщинам в тяжести, ведь дети — это будущее общины.

Среди покупательниц Альфэй увидела женщину с маленькой девочкой, очень похожих внешне. Промелькнула мысль, что шутки про гомозиготных самок, в этом мире воплотились буквально: делением на две особи.

От изучения местных и их обычаев Альфэй отвлек громкий трубный звук.

— Это охотницы на крупную дичь вернулись, — разулыбалась Юн.

Торговки и покупательницы оживились, расступаясь и озираясь в одном и том же направлении.

Между рядами с видом королевы вышагивала особенно высокая и накачанная женщина. Внешне она не очень отличалась от Юн: всё те же холщовые тряпки с вязью кольчуги поверх, кожаные сапоги и наручи, тесак на поясе, а за плечами колчан со стрелами и луком.

— Сестрица Тай, как всегда, великолепа: ни на ком из охотниц и царапины нет, да ещё и с богатой добычей вернулись, — восхищённо выдохнула Юн.

За этой самой Тай показалась группа таких же накачанных дылд с бамбуковыми палками, на которые были подвешены пара косуль и дикая свинья. Группа охотниц подошла к центральному, особенно большому прилавку, где женщина торговала мясом, завернутым в литься лотоса.

— Давай скорее наши деньги. Сегодня пришлось побегать... — распорядилась Тай.

— Но я ещё вчерашнее не продала, — неуверенно возразила торговка мясом.

— Так нам что, теперь не охотиться?

Собравшиеся вокруг женщины загалдели, не одобряя торговку, и та, соглашаясь всё же купить дичь, снизила цену.

— Ты хочешь нас обмануть? — схватилась за рукоять тесака на поясе Тай.

— Я хочу всё продать. Но кто будет покупать вчерашнее мясо, когда есть сегодняшнее?!

— Хватит ссориться, — к спорившим, мимо расступающихся зевак, вышла седовласая, но всё ещё не утратившая живость и гибкость женщина.

— Глава общины Джу, — пояснил Альфэй гул голосов.

— Тай, ты слишком увлеклась. Впредь тебе следует согласовывать свои действия с остальными членами общины. Мяса действительно слишком много, поэтому сегодня цена на него будет другой.

— Как скажет глава общины Джу, — недовольно надула губы Тай.

Народ вокруг них загудел, как улей рассерженных пчёл.

— Но это же несправедливо! Тай хорошо постаралась! Охота опасное дело!

— Тихо, — зычно велела Джу. — Если вам что-то не нравится, так купите вчерашнее мясо. Чтобы купить сегодняшнюю дичь, нужно выручить деньги за вчерашнюю. Справедливость в ваших руках.

К удивлению Альфэй женщины и даже Юн потянулись к прилавку с мясом и смели всё под чистую. Так что цена на косуль и дикую свинью всё же устроила Тай.

— Вот видите, всегда можно найти выход, если действовать сообща. Этим и сильна община — своим единством, — удовлетворённо сказала Джу.

— Если бы кое-кто так не наглел, всё было бы проще, — не согласилась Тай.

— Нельзя осчастливить всех чьим-то несчастьем, — покачала головой Джу, но Тай уже развернулась, чтобы уйти и явно не слушала наставлений мудрой женщины.

— Нехорошо жадничать, — неодобрительно нахмурилась Юн. — Но здорово, что всё

так удачно сложилось.

— Только благодаря главе общины всё так вышло. Это она подумала и позаботилась обо всех, — не согласилась Альфэй, но и она была рада, что назревающий конфликт разрешился. Всё же тут жили добрые и отзывчивые люди, несмотря на отдельных заносчивых особ.

Покончив с торговлей. Юй помимо уже купленного мяса, приобрела ещё свежих овощей и фруктов, а так же кожаные сапоги для Альфэй. Теперь ноги не кололи камешки, палочки и сухая трава.

Они вернулись в хижину, чтобы пообедать. Пока Альфэй мыла овощи и фрукты, Юй развела костёр и на углях приготовила мясо. Нарезанных овощей с мясом хватило буквально на одну трапезу. Вместо сладкого очень быстро ушли фрукты. Впрочем, Альфэй не видела тут холодильников или их замены, так что забота о пропитании только на текущий день была понятной.

— Теперь развлечёмся, — Юй радостно ударила по спине так, что Альфэй покачнулась и едва не улетела носом в земляной пол хижины.

— Эй, полегче! — возмутилась было она.

— Всё забываю, какая ты слабая, Фэй, — гоготнула Юн.

— Я не слабая! — сквозь зубы высказала своё мнение Альфэй под залиvistый смех.

Развлечением в этом мире считались бои между женщинами общины. Пока они шли, Юн, размашисто жестикулируя, захлёб рассказывала о том, какая сильная Тай, и как она всех удельывает. У освещённой кострами широкой арены они оказались, когда уже стемнело.

В песчаном кругу, отгороженном по краю от зрителей кострами, один на один боролись женщины. Без оружия, наручей и кольчуг. Зрительницы горячо поддерживали, выкрикивая имена.

— Ну, я пошла! — нетерпеливо сообщила Юн, сбросив к ногам Альфэй кольчугу и тесак.

— Постарайся Юн! Удачи в круге, сестрица Юн! — раздались подбадривающие восклицания.

Противницей Юн стала женщина-кузнец, которую Альфэй видела днём на рынке. Те сошлись как заправские сумоисты, обхватывая друг друга поперёк тела и пытаясь оторвать от земли. Они расходились и сходились снова. Женщины дрались грубо и прямолинейно, толкаясь и пинаясь. Юн проиграла, когда женщина-кузнец уложила её на лопатки, но к Альфэй вернулась весёлой.

— Видела, какая сильная? Ух! — восторженно поделилась Юн.

Стало ясно, что женщины выбывают из круга, когда их побеждают. В самом конце подтянулась Тай со своей шайкой и завалила всех, кто вызвался с ней побороться.

— Она такая классная! Добывает крупную дичь и побеждает всех, — трещала на обратном пути Юн.

— Знаешь... По-моему она сэкономила силы до последнего. До неё женщины в круге держались по пять-шесть боёв. А на Тай пришлось всего три, — не согласилась Альфэй.

— Ну так головой тоже надо уметь пользоваться.

— Вот тут я с тобой полностью согласна.

Насыщенный первый день в сотворённом мире закончился в охапке сена, которую для неё кинула Юн. Уснуть никак не получалось, Альфэй не привыкла к столь грубой и колючей постели, к сквознякам и крику ночных животных.

Конечно, она была богиней, а значит более крепкой, чем любой смертный. Простуда и

переохлаждение ей точно не грозили, как и местные болезни. К тому же в сотворённом мире её не то что комар или змея, но и любое животное не тронуло бы. Исключение составляли разумные расы, вот у тех хватило бы ума или же его отсутствия, чтобы убить собственного бога-создателя и обречь тем самым свой мир на гибель.

Об опасности миров созданных богами недоучками наставники не раз рассказывали. И большую часть посвящённого сотворению миров обучения составляли рекомендации что и как надо делать, чтобы точно выжить. Альфэй в отличие от прочих серьёзно относилась к учёбе, она очень не хотела стать героиней новой байки о том, как позатейливее убится в собственноручно созданном мире. Поэтому у неё давно был составлен подробный план работы на каждом этапе сотворения мира. Альфэй рассчитывала, что у неё уйдёт на это меньше времени и энергии и с бытовыми неудобствами сталкиваться лично не придётся. Но не вышло. По какой-то причине на сотворение мира ушло вдвое больше сил, чем в её пессимистичном прогнозе.

Её, как уроженку более продвинутого мира, особенно удручало в нынешних обстоятельствах отсутствие комфортных условий для соблюдения личной гигиены. Хотелось уединения и удобств, хотя бы когда справляешь малую и большую нужду. Кустики для таких дел Альфэй совершенно не устраивали. Она же не кошка, чтобы ямки в земле рыть!

Резерв всё так же оставался пугающе пуст. А это значило, что придётся какое-то время жить в подобных условиях, и вот на это Альфэй была категорически не согласна. Ворочаясь с боку на бок, она принялась составлять новый, более приближенный к нынешним реалиям план действий.

Часть 1

Глава 2. Обживающаяся богиня

Утром первым делом Альфэй сплела из бамбука циновку. На чём-то подобном в исторических фильмах спали бедняки. Конечно, циновка вышла жёсткой, но и охалка сена, если подумать, не очень-то мягкая, да ещё и колется. Так что, по крайней мере, от одного из неудобств во время сна удалось избавиться.

Получившаяся циновка выглядела неказисто, а по краям разваливалась. Всё потому, что Альфэй знала о процессе изготовления только в теории. Но главное на этом можно было спать.

Следующим по плану она соорудила отгороженный стеной из воткнутых в землю стеблей бамбука уголок для туалета. Вот где сено действительно пригодилось!

— Ты рано встаёшь. Пойдёшь со мной на охоту? — спросила Юн, когда проснулась.

— Нет. Лучше прогуляюсь по берегу и поищу что-нибудь полезное. Есть запасной нож?

— А то как же. Найдётся!

Охоту Альфэй не любила и не понимала. Ей претило убийство живых существ. Что, впрочем, не мешало, есть мясо в уже готовом блюде. Так что стоило подыскать себе какое-то другое дело, которые позволило бы обеспечить сытое проживание в нынешних реалиях. И для начала, она решила осмотреть берег. Потому что накануне заметила, что в общине торгуют только рыбой. Но в непосредственной близости от моря, можно только гуляя по берегу набрать много полезного. Ведь как-то же добывали: мидий, морских гребешков, крабов, морскую капусту и даже янтарь.

Из бамбука она сплела корзину для своих будущих находок и вырезала флягу, которую дальновидно наполнила пресной водой.

Чтобы добраться до моря пришлось долго идти под гору. Чем ниже Альфэй спускалась,

тем ошутимее теплел пропитанный солью и влагой воздух.

На кромке песчаного берега Альфэй обнаружила пальмы, а на них те самые фрукты, которыми торговали в общине. За бананами даже не пришлось лезть, дерево само сбросило плоды, стоило обратиться к нему. Всё же в том, чтобы быть создательницей мира, крылась уйма выгод и возможностей!

В родном мире Альфэй жила в мегаполисе и о таком богатстве и разнообразии флоры и фауны только слышала. Кажется, подобным славилась Сычуаньская провинция. Она не была уверена, существуют ли такие места на самом деле, но, в конце концов, это был её собственный мир, так почему бы ему не быть щедрым?

Альфэй застыла, любуясь бесконечной лазурной гладью. Всей собой, впитывая и наслаждаясь солнечным утром, приятным, тёплым ветерком и морем, лениво катящим белые барашки к берегу. Такую безмятежность она видела только на фотографиях и видео в родном мире. На Небесах стремительные, бурные реки, берущие начало из ледников горных вершин срывались со своеобразного «края мира» и терялись в Облачном море. Небеса представляли собой не привычную Альфэй планету — круглый шар, а паривший в облаках искусственно созданный материк со своей атмосферой и законами, закрытый от вмешательства извне, других вселенных и миров.

На теории мироустройства наставник Ли рассказывал о бесконечном множестве различных миров: плоских, круглых, параллельных, зеркальных и прочих. Альфэй же были ближе миры похожие на её собственный — круглый зелёно-голубой шар, плывущий среди звёзд во времени и пространстве.

По щиколотку утопая в песке, Альфэй побрела к воде. В какой-то момент ей померещилось движение у самой кромки прибоя. Присмотревшись, она заметила ребёнка с выбеленными на солнце вьющимися волосами. Людей с такой расцветкой волос Альфэй тут не встречала, как и красок: никакой косметики или красящих пигментов.

— Привет, где твоя мама? Разве ты не знаешь, что убегать нехорошо? — спросила Альфэй, подходя мягко и неторопливо, чтобы не спугнуть играющего с песком ребёнка.

В ответ к ней обернулся белокурый ангелочек, как тех представляли в христианских канонах. От взгляда больших пронзительно-голубых глаз захватило дух.

— Смотри! — на маленькой ладошке оказалась ракушка, а яркая, открытая улыбка, сияла таким восторгом, что Альфэй ощутила, как помимо воли улыбается.

— Красивая. Так, где твоя мама, милая... — Альфэй споткнулась об обращение, когда опустила взгляд и поняла, что ребёнок никак не может быть девочкой. — Откуда ты?

— Отсюда, — обнажённый малыш самозабвенно сгребал к себе песок, из которого уже образовалась приличная гора.

— Как тебя зовут?

— Сибилл, — уверенно ответил мальчик.

— Кто дал тебе имя, Сибилл? — продолжала допытываться Альфэй, не оставляя попыток направить разговор в нужное русло.

— Сам.

— Хочешь банан? Он очень сладкий, — Альфэй порылась в сплетённой из бамбука корзине и отломала от связки бананов один. — Помой руки, и я дам тебе его.

Сибилл, наконец, отвлекся от горы песка. Пока Альфэй чистила ему банан, он добежал до лениво лижущих берег волн и, поболтав руками в воде, вернулся за угощением.

Маленькие ручки выхватили фрукт, и Сибилл моментально запихал его в рот, став

похожим на хомяка с набитыми щеками.

— Вкусно?

— М-мгм!

— Тогда расскажи, как ты тут оказался и что помнишь. А я почищу тебе ещё один, — улыбнулась Альфэй, доставая новый банан и радуясь, что удалось заполучить всё внимание Сибилла.

— Так всегда было. Солнце, вода и песок, — прожевав и проглотив, ответил он.

— Кто приносит тебе еду и воду? — Альфэй отдала ещё один банан и достала из корзины сделанную из бамбука флягу с водой.

— Ты! — уверенно заявил Сибилл, и Альфэй поняла, что выпытывать подробности совершенно бесполезно.

Возможно, Сибилл относился к тем самым варварам, о которых говорила Юн. Может быть, он действительно не помнил своей жизни до этого самого момента. В конце концов, Альфэй только вчера создала этот мир. Но решила понаблюдать за «феноменом мужчины» в мире, который населён исключительно женщинами.

— Что же тогда я о тебе позабочусь раз больше некому. Зови меня сестрицей Фэй, Сибилл. И для начала можешь помочь мне найти что-нибудь интересное на этом берегу?

— Конечно, сестрица Фэй!

— Я на тебя рассчитываю, — она ободряюще улыбнулась, радуясь, что с ребёнком удалось быстро найти общий язык.

В жизни Альфэй не часто доводилось общаться с детьми. Достаточно близко и плотно только со своими племянниками. И насколько она помнила: с малышами ещё можно договориться, а вот когда те становились постарше, задача усложнялась в разы. Повезло, что Сибилл достаточно мал и послушен. На вид мальчику было около шести лет, когда ещё не начали меняться молочные зубы.

Всё утро Альфэй и Сибилл провели на берегу моря, собирая красивые ракушки и камушки, которые очень нравились Сибиллу. А потом наткнулись на место, где обитали крабы, и палочкой затолкали в корзину несколько копошащихся членистоногих. Пришлось быстро делать крышку для корзины из коры дерева и, подоткнув её палкой, нести свой улов Юн.

— Кто это с тобой, Фэй? — неподдельно удивилась Юн, разглядывая Сибилла.

— Его зовут, Сибилл. Я думала, что он один из варваров.

— Нет. Варвары похожи на женщин, которые живут в общине. Только тощие и тщедушные, прямо как ты, — усмехнулась она. — Таких, как Сибилл, я никогда не видела.

— Но ведь мы его всё равно не бросим. Правда?

— С маленькими община всегда поможет. Пусть остаётся.

— Спасибо! Сибилл, это сестрица Юн, она очень добрая и приютила нас обоих. Правда, здорово?

— Очень добрая сестрица Юн! — на детском личике появилась такая наивная и милая улыбка, что дрогнуло бы сердце и у самого жестокого человека.

— Скажете тоже, — засмушалась Юн.

Чтобы отварить на костре крабов, Юн одолжила железный котёл. Сибилл сидел рядом, запихивая палочкой пытающихся выбраться крабов обратно в воду. И хоть Альфэй ушла в хижину, чтобы не видеть этого, но свою порцию она всё равно съела с большим аппетитом вместе со всеми.

Сибилл остался, и они зажили втроём. Юн и ему выделила тряпку для набедренной повязки. В общине на неожиданное блондинистое пополнение поглядывали настороженно, но поскольку главный секрет был скрыт набедренной повязкой, то женщины не особенно любопытствовали, удовлетворившись историей о ещё одном найденном на берегу варваре.

Сибилл помогал Альфэй собирать фрукты и морепродукты, плести циновки, шляпы, корзины и делать из бамбука другую посуду и мебель. У Альфэй появился собственный ассортимент товаров на продажу, свой прилавок и заработок. Это дарило чувство уверенности в себе, своих силах, а также в будущем.

За повседневными делами незаметно наступили по-настоящему жаркие дни.

— Я не буду покупать детёныша тигра! Его мясо у меня никто не купит, — однажды раздался злой возглас от мясной лавки, когда Альфэй и Сибилл продавали свои корзины и другую утварь из бамбука.

— Но охотницы так старались! Они же поймали целого тигра, пусть и детёныша, — возмутились зеваки.

— Хорошо, что только детёныша, а не целого тигра. Но его мясо всё равно не продать.

— Так продай шкуру, — возразила Тай, которая и затеяла новый спор.

— Я не торгую шкурами, Тай. И тебе это отлично известно.

Подобные стычки происходили часто. Тай не умела договариваться, она только требовала и злилась, когда ей предлагали невыгодные условия.

— А как же запрет на убийство матерей с детёнышами? — неуверенно прозвучало в толпе.

— Охотницы ведь не убили мать, как и детёныша, так что не считается.

— Я слышала, что Тай хотела проверить свои силы охотой на тигра.

— Но она же не принесла тигрицу в общину. Значит, детёныш остался один и умер бы даже без вмешательства Тай, — рассудил кто-то.

— Сестрица Фэй, они хотят убить малышку? Но она же такая хорошенькая, — сидевший рядом Сибилл схватил её за руку, и, обернувшись, Альфэй увидела в его глазах слёзы.

Сердце кольнуло болью.

— Да, — честно ответила она, отстраняясь от собственных чувств и эмоций. Судьба чьей-то добычи точно не её дело!

— Но я не хочу, — затряс головой Сибилл. — Давай купим? Пока её не убили.

— Зачем? Что ты будешь делать с тигром? Она же дикая. Таких животных не приручить.

— Ну, пожалуйста, сестрица Фэй! Ты же добрая, я знаю.

— Это бесполезная трата денег, — Альфэй отвернулась от беспокоящего, слишком жалобного взгляда.

— Сестрица Фэй, я всегда помогал тебе и сестрице Юн. Я тоже плёл корзины и подстрелил несколько кроликов и фазанов, но вы никогда не отдавали мне мою часть заработка, — зашёл наглец с другой стороны. — Купи мне эту малышку, и я больше никогда и ничего у тебя не попрошу!

Альфэй задохнулась от возмущения и сжала кулаки на коленях. Да как он посмел попрекать её! Они его кормили, одевали, учили...

Более рациональная часть говорила что, тем не менее, любой труд должен быть оплачен, и неважно, чей он: женский или детский. Но злость никуда не делась, свив гнездо у сердца.

— Она маленькая и не сможет жить одна. Отдать тигрёнка матери, скорее всего, не

удастся, потому что мелкая уже пахнет людьми. Да и где искать мать неизвестно. Кроме того, думаю, потребуется молоко. Много молока, — предприняла Альфэй последнюю попытку достучаться.

— Я выхожу её, найду молоко. Я всё смогу!

Альфэй тяжело вздохнула и, прекращая спор Тай с торговками, выкупила у охотниц тигрёнка.

— Только держи её в лесу, подальше от общины. Если она вырастет и, перестав бояться людей, начнёт на нас охотиться — это будет целиком и полностью твоя вина, — с такими словами она вручила маленького пищашего зверя сияющему в щербатой улыбке Сибиллу.

— Спасибо тебе, сестрица Фэй! Я знал, что ты самая лучшая!

Сердце в который раз дрогнуло, но Альфэй всё равно была слишком раздосадована и зла.

Сибилл утащил тигрёнка в лес и держал где-то там. Заметной переменной стали козы, которых Сибилл теперь разводил около хижины Юн.

— Ну хоть от коз польза есть, в отличие от камней, цветов и раковин моллюсков, — проворчала Юн.

Однако стоило отдать должное, с полочками, на которых Сибилл хранил свои сокровища, их хижина стала выглядеть уютнее. Он сам сообразил использовать узлы, показанные ему Альфэй, чтобы обвязать понравившийся синий камень и таскать тот на шее, в качестве украшения.

— Смотри, сестрица Фэй! — Сибилл появился в хижине и несколько раз повернулся вокруг своей оси, чтобы Альфэй могла в полной мере оценить его «наряд». — Правда, здорово?

В волосах мальчика кое-как торчали цветы: маленькие беленькие и большие с красными помятыми лепестками. Шею украшала большая ракушка, грубо скрученная кожаным шнуром.

Альфэй уже и забыла, когда в последний раз видела хоть кого-то стремящегося принарядиться. У Сибилла же, похоже, была настоящая страсть к украшательству жилища и себя. Причём довольно странная для данного мира. Альфэй заметила, что местные женщины не очень-то понимают его тягу к прекрасному, быстро теряя интерес к его непрактичным изобретениям.

— Сибилл, это совсем не по-мужски, — нахмурившись, заметила Альфэй и осознала, что деления на мужчин и женщин тут попросту нет.

Если уж говорить о женщинах этого мира, то они совершенно не стремились себя украшать, ничему не умилялись, и их ничто не трогало. Они дрались по вечерам ради развлечения, проявляли себя асексуально, как некий «средний род».

Поведение Сибилла сильно отличалось от повадок смертных, населявших этот мир. И даже Альфэй не могла подать ему пример утончённости и стремления к прекрасному. Последнее отчего-то было особенно неприятно, раздражало и злило. Захотелось отругать мальчишку.

— Что значит «не по-мужски»? — вслед за ней нахмурился Сибилл.

Альфэй вдруг стало стыдно за то, что расстроила его. Но злость только усилилась.

— Не бери в голову. Просто это слишком... необычно, — постаралась выкрутиться Альфэй.

— Но красиво же!

— Эм... как скажешь.

— О, ходячий стог сена для наших козочек! — оценила вид Сибилла Юн и загоготала.

— Ничего вы не понимаете! — психанул тот и вылетел из хижины.

— Чего это он?

— Просто чересчур чувствительный, — пожала плечами Альфэй.

— Неженка что ли?

Альфэй помимо воли ухмыльнулась, а на душе отчего-то стало гадко.

С той поры Сибилл завёл бесящую привычку вплетать в волосы тряпицы, кожаные ремешки, ракушки, цветы и камушки. Он постоянно экспериментировал с перьями, веточками, шерстью коз. Альфэй же старалась игнорировать это и никак не комментировать.

Так пришла пора холода и тумана.

Часть 1

Глава 3. Расстроенная богиня

Сибилл не знал, как угодить сестрице Фэй, отличавшейся от всех кого он видел: изяществом, хрупкостью, аккуратностью. Внешне она была больше похожа на него, чем на других жителей общины. Их обоих называли «варварами» и «чужаками». Сибилл слышал, что другие дети называют, заботившихся о них взрослых женщин, мамами. Иногда он думал о том, как бы всё сложилось, если бы Фэй действительно была его мамой. Она гладила бы его по голове? Держала за руку? Говорила, какой он замечательный и как хорошо у него получается плести корзины? Эти мысли вызывали тянущее чувство в груди. И в то же время от таких фантазий хотелось прыгать и кричать, как мартышке.

С самого начала ему понравилась добрая улыбка сестрицы Фэй, а потом оказалось, что она это делает не часто. Больше хмурится и поджимает губы. Он честно старался помогать ей с корзинами и другими вещами из бамбука, охотился вместе с сестрицей Юн, научился разделявать и готовить дичь, ухаживать за животными, доить коз. Хотел быть полезным.

Сестрице Фэй точно нравились цветы, красивые камни и ракушки, которые он приносил в их жилище. Но отчего-то ей не нравилось, когда Сибилл украшал не хижину, а себя. Сестрица Юн смеялась над ним и почему-то это было особенно больно и обидно. Он не мог точно выразить словами, что с ним происходит, но чувство несправедливости и одиночество преследовали его. Из-за этого хотелось поступать наперекор, всем назло.

Сибилл видел, как неприятно делается сестрице Фэй от его вида, как она отвергает его и, молча, злится. Он чувствовал, что с каждым разом из него будто уходит что-то хорошее, светлое, то, что радовало и согревало изнутри.

Сибилл стал замечать, что в общине никто больше не вплетает в волосы цветы и перья, не носит на шее ракушки и камешки.

Сестрица Фэй тогда сказала, что его поведение стало «слишком». А раньше, когда он просто приносил красивое, было не «слишком». Закралась мысль, что он сделал что-то не то, что-то ужасное, из-за чего сестрица Фэй резко перестала его любить. Он поделился с ней прекрасным, интересным, новым и... реакция сестрицы Фэй ощущалась как удар: больно и обидно, потому что не ожидал. Вернее рассчитывал совсем на другую реакцию, но просчитался.

Раньше сестрица Фэй всегда и во всём его поддерживала. И улыбалась очень красиво, так что хотелось делать её ещё счастливее, чтобы она не переставала улыбаться. Особенно страшно было понять, что именно из-за него она стала печалиться и злиться. Он хотел стать

причиной её радости, но у него больше не получалось.

Ему ничего не сказали! Не объяснили. Не попросили чего-то «не делать». Не растолковали, как надо и как принято. Одно только «слишком» не говорило ни о чём!

Накатившие из глубины сердца растерянность и злость. Вот, что было «слишком»!

И если со злостью Сибилл пока что не знал, что делать, то растерянность можно было развеять разговором. Получив конкретные ответы, не важно плохие или хорошие, стало бы понятнее, что делать дальше.

Нужно было просто поговорить... Вот только снова расстраивать и так постоянно недовольную им сестрицу Фэй совсем не хотелось.

— Я вызываю на бой главу общины Джу! — прервал его беспокойные мысли голос охотницы Тай.

Собравшиеся поглазеть и поучаствовать в вечерних боях женщины возбуждённо зароптали.

— Вот как? А ты уверена, что справишься, малышка Тай? — вышла в круг освещённый огнями костров женщина с цветом волос почти как у самого Сибилла.

— Да уж получше, чем такая старая развалина, как ты! — крикнула Тай и набросилась с кулаками.

Обе женщины вкладывали всю свою силу в каждый удар, отчаянно сражались. Глава общины явно экономила силы и очень расчётливо делала выпады, уходила от ударов, не стремясь заблокировать их. Она словно использовала силу Тай против неё самой же. Вот только движения Тай ощущались более свободными, сильными, взрывными!

В какой-то момент Сибиллу показалось, что вот так же решить свои разногласия с сестрицей Фэй было бы здорово. Подрались, выпустили злость, решили кто из них прав, а кто виноват. Урегулирование разногласий подобным способом показалось таким простым и правильным!

А потом Тай опрокинула главу общины на песок и, будто этого было мало, поставила ногу на поясицу старой женщины, отчего та страшно закричала.

— Прекрати, ты делаешь ей больно! — не выдержал Сибилл и рванул в круг.

— Хочешь, чтобы я и с тобой разобралась, маленькая паршивка? — зло сощурилась Тай.

— Детям сложно понять мир взрослых. Прошу простить, — его перехватила сестрица Фэй и, несмотря на сопротивление, вернула за пределы круга. Руки у неё оказались очень сильными.

— Но вообще-то Тай перестаралась. Глава общины Джу в летах и такое обращение просто немыслимо, — раздалось откуда-то из толпы.

— Она больше не глава общины! С сегодняшнего дня это — я! — закричала Тай.

— И всё же со старшими нужно обращаться более уважительно, — вновь послышался ропот.

— Как хочу, так и поступаю! Я тут главная! Потому что самая сильная и приношу больше всего пользы общине. А кто не согласен, может покинуть общину хоть сегодня! — ещё больше разозлилась Тай и потянула с песка старую женщину. — И первой будешь ты, Джу. От тебя уже никакого толка, только пищу на тебя тратить. Ну, пошла вон!

Тай оттолкнула женщину от себя, но той удалось сохранить равновесие и вместо того чтобы послушаться она остановилась, глядя Тай в глаза.

— Я уйду. Вот только ты совсем забыла, чему тебя учили, Тай. Община — это не один человек и его интересы, а все от мала до велика. Счастье одного влияет на всех так же, как

счастье всех влияет на одного. Не сумев создать своего счастья, другим ты ничего хорошего не принесёшь.

— Прочь, Джу! — зашипела от злости Тай.

Община ничего не сделала. Ни одна женщина и слова не проронила. Не защитила. Все они просто смотрели, как бывшая глава покидает круг и уходит прочь в темноту.

Только когда стал задыхаться, Сибилл понял, что, оказывается, давно уже плачет.

— Заткните свою малявку, иначе её заткну я, — прикрикнула Тай, и сестрица Фэй потянула его за руку, прочь от страшных молчаливых женщин.

Они медленно брели, казалось, совсем не разбирая дороги. Сибилл часто спотыкался, потому что из-за слёз не видел куда ступает.

— Не принимай близко к сердцу, у взрослых часто случаются такие вот разборки, — сказала сестрица Фэй, но даже по голосу он понял, что она тоже расстроена.

— Но ведь это было несправедливо. Неправильно бить старую женщину и выгонять её из дома.

— Неправильно. Но так всё равно происходит.

— Но ведь нас было много. Мы могли что-то сделать, ещё можем. Пойдём и скажем всем, что так нельзя!

— Они знают, Сибилл. И если уж люди подчинились правилам, когда творится несправедливость, то так им и надо.

— Как «так»? Нам тоже «так» надо? Мне «так» совсем не надо! Пойдём, сестрица Фэй!

— Не будь ребёнком, Сибилл! — вдруг закричала она. — Мы с тобой всего лишь варвары. Чужаки здесь. И вот за нас-то уж точно никто не вступится.

— А как же сестрица Юн?

— Она обожает эту Тай. Да и если бы пошла против общины, её бы просто выгнали вместе с нами. Вот и всё. Понимаешь, я не говорю тебе ничего не делать, — присела на корточки рядом с ним сестрица Фэй и стала вытирать его слёзы. — Можно сейчас перехватить главу общины... бывшую. Помочь ей устроиться и носить пищу.

— Ты пойдёшь? — удивлённо выдохнул Сибилл, а внутри словно развязался какой-то тугой ком, и дышать стало легче.

— Я? С какой стати? — усмехнулась сестрица Фэй. — Это ты ревёшь и всех жалеешь. Я же знаю, что такое случается сплошь и рядом. Если я буду за каждого тигрёнка и старушку трястись в истерике, то никаких нервов не хватит.

— Ч-чего не хватит?

— Здоровья. Если так сильно за всех переживать, то что останется мне самой?

Сибилл не понял её, но разбираться именно сейчас не было времени. Он взял флягу с водой, корзину с продуктами и циновку, которую сплёл для продажи сам. Он всё же догнал старую женщину и помог ей устроиться на ночь, пообещав, что будет приходить ещё.

Он был слишком занят, чтобы вникать в дела общины. Всё так же помогал сестрицам Фэй и Юн, заботился о своей тигрице и теперь ещё старой женщине. Но даже так улавливал нехорошие предзнаменования.

— Тай, велела платить за любую дичь и назначила свою цену. Теперь-то заживём! — радовалась сестрица Юн.

— Она поделила общину на высших — охотников и низших — собирателей, ремесленников, скотоводов и земледельцев. Ни к чему хорошему это не приведёт, — хмурилась сестрица Фэй.

— Те, кто ничего не добывает и не производит, теперь изгоняются из общины.

— Что решили насчёт женщин, которые ждут детей?

— Если их берётся кто-то кормить, то они остаются, а если нет...

— Это уже слишком! — категорично заявила сестрица Фэй, и Сибилл вздрогнул, услышав то самое слово.

— Как это «слишком»? — он вспомнил, что давно хотел разобраться с этим.

— Это когда «последняя черта», то, чего нельзя было делать, страшное табу.

— Такой ужасный поступок?

— Да, — не задумываясь, ответила она.

— И что ты будешь делать с тем, кто совершил такое страшное? — пересохшие от волнения губы плохо слушались.

— Я? Мне ничего и не придётся делать. Жизнь отомстит.

— И ты просто будешь сидеть и ждать? Ничего не сделаешь с этим? Не скажешь провинившемуся? Не объяснишь? Тебе настолько безразлично?

— Да чего им объяснять? Сами виноваты, — легко отмахнулась сестрица Фэй.

На глаза навернулись слёзы. Сестрица Фэй не отрицала, что Сибилл был ей безразличен. Он думал, что после разговора станет легче. Но не стало. Наоборот сковавшая грудь боль не давала как следует вздохнуть, голова потяжелела, изнутри словно выдуло оставшиеся там крохи тепла, а потом на место пепелища хлынула кипящая ярость.

— Ты чёрствая и безразличная. На самом деле тебе просто всё рано на всех и даже на саму себя. Потому что себя ты предала самой первой, — выпалил Сибилл.

— Что ты сказал? — смешно стала хватать ртом воздух сестрица Фэй.

— Ты несчастна и делаешь такими же других. Как только ты перестала улыбаться сама, больше ничего хорошего от тебя никто не увидит.

— Да это я тебя нашла и привела к нам, чтобы накормить и дать крышу над головой! — сестрица Фэй всё больше распалялась и расстраивалась, и от этого Сибиллу становилось всё хуже и хуже.

— И это даёт тебе право издеваться надо мной и причинять боль?

— Чего вы разошлись? Успокойтесь оба, — попыталась остановить ссору сестрица Юн.

— Это когда я издевалась? — даже не посмотрела в её сторону сестрица Фэй.

— Прямо сейчас! Ты делаешь это прямо сейчас.

— Ты сам это делаешь со мной!

Сибилл поражённо застыл. Он что?.. Это он причиняет сестрице Фэй боль? Возможно то самое страшное «слишком», которое нельзя было делать.

Но он не хотел!

И тогда Сибилл принял решение. Если он причинял сестрице Фэй такую боль, то он больше не будет. Он же мог просто уйти. Тогда она будет рада? И снова начнёт улыбаться?

Нож всегда был при нём, он схватил колчан и лук и, не слушая больше сестриц Фэй и Юн, вылетел из дома. Он сам может позаботиться о себе и тех, за кого взял ответственность. И больше никто не будет злиться и расстраиваться.

Уходить от любимых сестриц совсем не хотелось, но Сибилл уже не понимал, как всё исправить и сделать, как было раньше.

Часть 1

Глава 4. Негодующая богиня

Этот маленький... паршивец убежал. Альфэй из принципа не стала его искать. Да и не

таким уж беспомощным он был: умел охотиться и готовить пищу, знал, как добыть съедобные фрукты и растения, найти воду и развести огонь. Она посчитала, что мальчишка подует, помается один и придёт обратно. Но Сибилл не вернулся. Ни в тот день, ни на следующий, ни потом.

— И чего вы так раскричались? Была бы важная причина. А так... Эх! На ровном месте, — проворчала Юн.

— Мальчишка совсем распоясался, — не смогла сдержаться от оправданий Альфэй.

Она действительно чувствовала себя виноватой, потому что старше, опытнее, мудрее. А вспыхнула, словно соплячка, из-за слов пацана, которому в действительности чуть больше года! Ведь от момента сотворения мира прошло именно столько по местному летоисчислению.

Да и Сибилл хорош. Убежал, словно она какой-то монстр и прогоняла его. Одного, в лес, на ночь глядя. Он всё же был ребёнком, но почему-то это так легко забывалось, особенно когда Сибилл спорил с ней и поучал.

На самом деле перед какими-то смертными Альфэй не боялась потерять лицо. Они жили-то всего ничего, как бабочки однодневки сгорали, надолго не задерживаясь в памяти богов. А вот перед самой собой стало совестно. Она мнила себя очень умной и рассудительной, способной справиться с кем и чем угодно. А теперь нет-нет да проигрывала в голове диалог с Сибиллом, раз за разом придумывая, как можно было всё повернуть иначе и утереть сосунку нос. Правда от таких мыслей ничего не менялось, но Альфэй поверила, что мальчик просто слишком чувствительный и поэтому так на всё реагирует. Не понимает он жизни и проблем взрослых.

— Иногда ты говоришь совсем странно. Может ваша ссора из-за недопонимания? — вздохнула Юн.

— Я так не думаю.

Уж чего пацану было не занимать так это ума. Порывистый, доверчивый, искренний, он интуитивно понимал очень сложные вещи. И в тоже время оказался совсем не гибким, категорично мыслящим, местами слишком наивным, да ещё и капризным.

За всеми переживаниями и размышлениями Альфэй не сразу заметила, что её резерв резко наполнился до половины. Об этом стоило хорошенько поразмыслить...

— Охотница Юн, выходи! Есть разговор, — раздался голос Тай снаружи хижины.

Юн просияла, приосанилась и заторопилась к новоиспечённой главе общины. Альфэй потянулась следом, её гложило нехорошее предчувствие. Тай явилась не одна, а с неизменной свитой подпевал, и это был недобрый знак.

— С сегодняшнего дня община не принимает варваров, — объявила Тай, не глядя на Альфэй и обращаясь исключительно к Юн.

— Но ведь они приносят пользу общине. Охотятся, собирают, плетут корзины... — от недоумения вытянулось лицо у той.

— И забирают этим работу у других членов общины. Они чужаки. Нам своих ртоё хватает. Чтобы завтра ни одного варвара тут не было!

— Я поняла, — опустила голову Юн.

Тай со свитой удалилась, а они с расстроенной Юн вернулись в хижину.

Альфэй тоже молчала. Она видела, как тяжело Юн принять решение главы общины, и не сомневалась в том, чью сторону та выберет.

— Фэй, я... мне правда жаль, что всё так получилось.

— Ты выгоняешь меня? — уточнила Альфэй.

— Я бы никогда не стала, но... пожалуйста, подчинись Тай.

— И ты будешь говорить, что Сибилл что-то не понял, когда убежал? У пацана отличная интуиция. Он может и не осознавал к чему всё идёт, но чувствовал, что это будет конец. Оглянись вокруг, Юн, из общины изгоняют всех неугодных Тай. Ты уверена, что когда будешь вынашивать малышку, тебя саму не выгонят?

— Тай этого не сделает!

— Да? И почему?

— Я же охотница, — уверенно заявила Юн.

— О... тогда тебя ждёт неприятный сюрприз, сестрица, — не смогла удержаться от издёвки Альфэй.

Она, как и Сибилл, забрала свой нож, а кроме него последнюю сплетённую из бамбука корзину и флягу. Ушла, не прощаясь, жалея только о том, что не расспросила подробнее, где на материке расположены другие общины. Впрочем, Альфэй полагала, что во всех поселениях сейчас происходят схожие процессы.

Даже не особенно напрягаясь, она чувствовала, что примерно происходит вокруг, ведь этот мир был сотворён ею. Наставник Ли предупреждал, что творение всегда отражает внутренний мир создателя, его ценности и убеждения. На самом деле стажировка преследовала цель научить их осознанно сотворять миры. И чтобы такое получилось для начала нужно увидеть свои слабые стороны, страхи, комплексы, демонов и тени, которыми наполнены сердце и душа, и которые непременно проявят себя в сотворённом мире.

Поговаривали, что не у всех начинающих богов получалось населить свои миры хотя бы животными. Так что создать разумных существ, пусть и среднего рода, уже было не плохим результатом. Но не идеальным. Альфэй же хотела стать лучшей.

Она наблюдала за сотворённым миром, и её давно тревожило, что здесь так и не произошло разделение на женское и мужское начало. А между тем, после абсолюта это первое деление. Ещё не разобравшись до конца с данным феноменом, Альфэй чувствовала, что это почему-то неправильно. Но ей так понравились здешние сильные женщины, которым совсем, вот ни капельки, не нужны мужчины! Поэтому она успешно закрывала глаза на все несоответствия сотворённого мира задуманному и отмахивалась от беспокоящих моментов и фактов.

Потребности и желания её асексуальных и самодостаточных смертных оказались сильно урезаны. Но и тут хватало информации для размышлений. Наверное, не было ничего удивительного в том, что столь практичные, напрочь лишённые творческого начала и возможности познать все грани любви люди ударились в другую крайность: агрессию. Сначала ту сливали на выполнение повседневных дел, потом в бои для развлечения и вот настало время деления власти, а дальше что? Война?

Альфэй чувствовала, что рано или поздно община ополчится против общины, чтобы отнять недостающие ресурсы: будь то еда или людей. Ведь уже сейчас они выгоняют «бесполезных» женщин вынашивающих детей.

Власть перешла к сильнейшим. Увы, в ущерб уму и дальновидности. А самое главное, отринув человечность и милосердие. Каким бы монстром Сибилл не считал Альфэй, она ценила то, что Юн приютила двух абсолютно незнакомых людей, помогла освоиться и не гнала... до приказа главы общины.

Юн чем-то напоминала Альфэй маму. У Минчжу тоже любила посмеяться, поддразнить

и накормить. Казалась легкомысленной и недалёкой, но не проходила мимо чужой беды и стремилась всех осчастливить. А ещё она никогда не носила брюк, осуждала не следивших за собой женщин, отчитывала Альфэй за грубость, упрямство и недостаток женственности.

В мире населённом исключительно амазонками, отринувшими феминность, Альфэй очень не хватало красивых нарядов, украшений и косметики. А особенно тяжело было без привычного комфорта и элементарных удобств. Она не могла даже нормально выспаться на земляном полу, покрытом сеном или циновкой! Ужасно хотела баоцзы или плоску риса.

Закралась мысль, что, возможно, создание комфорта и уюта — это такая же неотъемлемая от женской природы часть, как и желание выглядеть красиво. Альфэй могла обойтись без нарядов и украшений, но ощущала от этого неуверенность в себе и уныние. Эти состояния ей не понравились.

Сибилл словно высветил её недостатки и слабости, то где она недотягивала и недорабатывала. Альфэй злилась. Не на самого мальчишку, конечно, а на то, что он собой ей показывал. Она презирала одержимость внешним видом, этот нарциссизм и гедонизм, особенно у мужчин. Разделяла в этом вопросе женщин и мужчин на тех, кому можно, а кому нет.

Когда тебя цепляют за живое сложно оставаться беспристрастной и помнить слова наставников, которые в один голос твердили, что столь категорично делить людей по любому признаку, идея плохая — это обязательно проявится в сотворённом мире. Говорили, что нужно находить у себя такие установки и работать с ними, потому что причина непринятия каких-либо черт характера и аспектов личности всегда кроется внутри нас самих.

Альфэй пришлось признаться самой себе, что неосознанно исключила мужчин из своего первого сотворённого мира. Абсолютно вытеснила любые признаки сексуальности и разделения по половому признаку.

Как в эту концепцию затесался Сибилл, осталось загадкой. Возможно, так повлияла на неё проведённая с Ежаном ночь? Альфэй подсознательно хотела видеть подле себя хотя бы одного мужчину? Тогда почему такого мелкого? Наставники предупреждали, что не на все вопросы они смогут самостоятельно найти ответы.

— Сестрица Фэй? — раздался за её спиной до боли знакомый голос.

— Только вспомни... — недовольно пробормотала себе под нос Альфэй.

Она сидела на песке у кромки моря. Медитации ей не особенно давались, но и без них она могла подумать, применить логику, вспомнить советы наставников и найти как причины сложившегося положения, так и выход из него.

— Ты не рада меня видеть? — уныло повесил голову Сибилл.

— Не говори глупостей. Я рада, что ты не сгинул в лесу, и с тобой всё в порядке.

— Но ты не выглядишь довольной, — подозрительно уставился на неё паршивец, словно сканируя на ложь и лукавство.

— Тай велела выгнать из общины всех варваров. Так что...

— И Юн тебя прогнала? Как она могла! С тобой всё в порядке? — ахнул Сибилл, подлетая к Альфэй и хватая её за руку.

Он обеспокоенно и серьёзно заглянул ей в глаза. Внутри шевельнулось что-то тревожное. Смертные редко могли выдержать прямой взгляд бога. И это были выдающиеся смертные: сильнейшие воины и маги, великие правители, мастера и мудрецы.

Сама Альфэй не так и тревожилась о сгинувшем в лесу ребёнке, и от этого стало

стыдно. Сибилл каждый раз умудрялся топтаться на её мозолях и самоуважении, кажется, даже не замечая этого.

Альфэй тяжело вздохнула.

— Со мной всё хорошо. Я вполне могу о себе позаботиться. Но спасибо тебе за заботу, Сибилл.

— Да? Ну... это хорошо. Наверное? Вот только, что ты будешь есть? Ты же не любишь охотиться и убивать. Может сестрица Фэй пойдёт со мной? И мы снова будем жить вместе, как раньше? — Сибилл радовался и старался сдержать рвущуюся наружу улыбку.

Сердце защемило от болезненной нежности.

Богиня могла бы прожить и без еды, тем более с почти полным резервом, да ещё и в своём собственном мире. Ей достаточно было просто попросить растения дать ей свои плоды, а животных поохотиться для неё. Но всё же, находиться среди разумных было куда приятнее, чем в одиночестве, и Альфэй кивнула, соглашаясь на предложение.

— Я так соскучился! — накинулся на неё Сибилл, обнимая поперёк туловища и пряча лицо в подмышке. Альфэй невольно отметила, что тот подросток и окреп с их последней встречи и тем более с момента знакомства.

Мальчишка шмыгнул носом и, кажется, всерьёз собирался разреветься.

— Только не ной!

— Не ною, — всхлипнул Сибилл.

Откуда ни возьмись, налетела туча, и стеной упал дождь. А плечи Сибилла задрожали.

Они мгновенно промокли до нитки. Альфэй поколебалась, но всё же заключила Сибилла в ответные объятия.

Вопреки ожиданиям Сибилл привёл её в небольшое поселение на пять домов.

— Вот это мой дом, мы можем жить вместе! — гордо указал Сибилл на одну из хижин.

Но Альфэй привлекло совсем не это, а то, что навстречу им вышли поздороваться Джу и три беременные женщины.

— Когда Тай выгнала главу общины, я, как ты и сказала, нашёл её, — проследив за взглядом Альфэй, торопливо стал объяснять Сибилл. — Джу нашла это место и сделала себе хижину, потом она сделала такую же и мне. На охоте я столкнулся с другими женщинами, которых выгнала Тай, и тоже предложил им жить вместе. Так нас стало пятеро... то есть шестеро.

— А кто шестой? — спросила Альфэй.

— Аи! — крикнул Сибилл, и из леса к ним выскочила тигрица, от которой тут же попятились Джу и беременные женщины.

— Она уже так выросла? — удивилась Альфэй и погладила Аи, которая подошла её обнюхать.

— Ты не боишься её? — Сибилл тоже приблизился и, присев на корточки, полез ластиться к тигрице.

— Она сыта. Ты позвал, и Аи просто пришла поздороваться, — пожала плечами Альфэй, она очень хорошо чувствовала, что тигрица не несёт угрозы.

— Сестрица Фэй очень храбрая, — Сибилл поднял на неё сияющий взгляд.

От этого детского восхищения и обожания Альфэй стало самую чуточку неловко. Дело было не в храбрости, а в знании, всё же она — богиня, сотворившая этот мир, и тигрица в любом случае не посмела бы на неё напасть.

Часть 1

Глава 5. Решительная богиня

— Ты хочешь оспорить главенство Тай в общине и вызвать её на бой? — выпучил глаза на Альфэй Сибилл, смешно приоткрыв рот.

— Она же это сделала. Почему бы и мне не поступить так же? — пожала плечами Альфэй, сосредоточенно дожёвывая жаренное на углях крылышко фазана.

— Боюсь, должна согласиться с Сибиллой. Тай опытная и сильная охотница, тебе с ней не справиться, Фэй, — покачала седой головой Джу.

— Спасибо за то, что вы в меня так верите, — усмехнулась Фэй.

— Кроме того, остальные в общине могут не поддержать чужеземку, — не сдавалась Джу.

Альфэй уже думала об этом.

— Поэтому я хочу, чтобы вы пошли со мной и поддержали, когда придёт время. Не нужно ни с кем драться, просто расскажете всем, как нехорошо поступила с вами Тай, и что она обрекла вас не только на изгнание, но по сути на смерть в одиночестве. Попросите у общины защитить ваши интересы. Проголосовать. И если голосов против вашего возвращения будет больше, так и быть, уйдём от таких чёрствых людей. Вот только я думаю, что всё будет наоборот, — на самом деле Альфэй не была так уж уверена в своих словах, но считала, что попробовать стоит.

— Это безнадёжно, — покачала головой Джу.

— Вы даже не пытались, — Фэй отложила косточки в специальную корзину для Аи.

— Тебе не победить Тай.

— Вы хоть раз видели, чтобы я дралась?

— Нет. В этом и дело.

— Всё будет хорошо, обещаю. Я не так слаба, как кажется.

— Если ты точно решила сразиться с Тай, то я больше не буду тебя отговаривать. Но позволь старой женщине, кое-что показать тебе, — Джу поманила Альфэй прочь от хижин отвергнутых общиной женщин.

За ними увязался и Сибилл.

— Тебе нужно больше практиковаться. Опыт зачастую побеждает силу, но, увы, молодость всегда побеждает старость, — Джу привела их на песчаный морской берег.

— Начнём, — нетерпеливо встала в стойку Альфэй.

В родном мире она практиковала цигун. А на Небесах начинающие боги сдавали нормативы по физической подготовке. До заклинателей и заклинательниц с мечами Альфэй было далеко, но кое-что и она могла показать.

Вопреки уверенности Альфэй, что ей легко удастся справиться с пожилой женщиной из захудалой деревеньки в отсталом мире, для начала Джу заставила её несколько раз пропахать песчаный берег на животе. При минимуме телодвижений женщина использовала инерцию и силу самой Альфэй, чтобы победить. Джу здорово её просчитывала.

— Ты слишком прямолинейна. Будь хитрее, для этого тебе и дана голова, — поучала Джу, доводя этим Альфэй до состояния берсерка. — Не горячись. Этим ты вручаешь победу своему противнику.

В очередной раз, пролетев мимо Джу и даже не задев её, Альфэй услышала звонкий смех. Обернувшись, она увидела сидевшего в обнимку с Аи Сибилла.

— Сестрица Фэй просто должна признать поражение. Старшая Джу слишком сильна, — улыбнулся ей паршивец.

— Не дождётесь! — сквозь зубы прорычала Альфэй.

Не то чтобы Альфэй совсем ничего не могла противопоставить Джу. Хватило бы и одного прямого удара кулаком. После вознесения руки Альфэй стали действительно сильными, её удара опасались даже боги.

Вот только убивать старую смертную она точно не собиралась. К сожалению, хитрые увёртки и просчитывание врага были не её сильной стороной.

— Как ты вообще умудрилась проиграть Тай? — тяжело дыша, уселась Альфэй рядом с обессиленной Джу.

— Она действительно сильная. Не недооценивай свою противницу. Я подумала, что пришло моё время уступить место молодым... Раньше никто не прогонял из общины стариков и детей, тех, кто не может о себе позаботиться или пришлых. Во времена моей молодости всё было совсем не так.

— Времена изменились, старшая Джу. Теперь общине потребуется не только глава, но и совет старейшин, который уберёжёт главу от ошибок, поможет и направит.

Альфэй училась противостоять Джу голыми руками, с ножом и бамбуковой палкой. Оружие против Тай навряд ли понадобилось бы, но дальше Альфэй ждали ещё пять миров, и как будет там, не знал никто. На примере первого сотворённого мира она поняла, что к предостережениям наставников стоило отнестись максимально серьёзно.

— Сестрица Фэй давай поборемся! — подбежал к ней Сибилл как-то вечером, когда Джу села передохнуть.

— Ты ещё слишком мал, — отмахнулась от него Альфэй.

— Но сестрица Фэй, — заныл он.

— Не отказывайся от нового опыта, Фэй. Сибилл хорошая охотница. Мы учимся друг у друга и только так, — назидательно высказалась Джу, и Альфэй поддавалась уговорам.

Сибилл оказался действительно быстрым, азартным, хитрым. Хохотал и визжал на весь берег. Их борьба больше напоминала догонялки. Альфэй не смогла бы точно сказать, когда втянулась, гоня паршивца вокруг костра, разведённого Джу.

После догонялок справиться с Джу оказалось легче.

— Сибилл маленькая, юркая и быстрая. Ты сама не заметила, как переняла её скорость. В этом и есть смысл борьбы с разными партнёрами, чтобы научиться большему, — объяснила Джу.

— Значит, я тоже помогаю сестрице Фэй? — просиял Сибилл.

— Ты нам всем очень помогаешь, — улыбнулась ему Джу, и Сибилл уставился в поисках одобрения на Альфэй.

— Сегодня ты действительно был полезен, — пришлось признать, хотя в глубине души она думала, что они просто поиграли в догонялки.

С того раза Сибилл непременно напрашивался «побороться» с Альфэй. Когда они перешли от догонялок к контактному бою, оказалось, что мальчишка уже дорос макушкой ей до груди и с ним не так-то просто сладить. Сибилл не выглядел физически сильным, но его мышцы, казались стальными, он был гибким и не вырывался, а выворачивался из рук словно угорь. Не пытался победить, используя силу. Мог неожиданно упасть на песок и подкатиться, сбивая с ног. Сибилл воспринимал их тренировки как игру и по-настоящему наслаждался ими. В то время как Альфэй пыхла от усилий и злости, она-то была предельно серьёзна. И со всей своей серьёзностью, будучи богиней, которая физически сильнее и выносливее любого смертного, не могла победить. Мальчишка водил её за нос и

дурил, как хотел!

— Аха-ха-ха! Сестрица Фэй рычит, как Аи. И глаза у неё сверкают, как у тигрицы! — поделился своими глупыми выдумками Сибилл.

Альфэй напоминала себе о необходимости вести себя достойно и сдержанно. Быть настоящей богиней. Не реагировать на подначки. В конце концов, какой-то песок, брошенный в глаза, не убиёт её, но...

— Гр-р... Маленький паршивец, я утоплю тебя в море! — заорала Альфэй отплёвываясь от пригоршни песка.

— Сначала поймай меня, — восторженно заорал гадёныш и припустил по линии прибоя.

Ещё никогда Альфэй не бегала так быстро. Полностью позабыв о сдержанности и правилах приличия. О том, что на ней только две довольно узкие тряпочки, скрывающие самые интимные места. Да плевать ей было, кто и что мог увидеть! Главное догнать и выпороть наглеца.

Последним длинным прыжком Альфэй исхитрилась опрокинуть Сибилла в воду. Они возились на мелководье, и ей всё никак не удавалось одержать полную и безоговорочную победу. Казалось, что ещё чуть-чуть и...

Утробно рыча, скалясь и прижимая уши к ним подкралась Аи.

Альфэй застыла и выпустила из захвата мальчишку. Ощущалось, что тигрица на самом деле может кинуться, чтобы защитить своего хозяина.

— Ты чего, Аи? Мы же просто играем. Фэй ни за что не причинит мне реальную боль, — Сибилл поднялся и поспешил успокоить свою любимицу.

Его слова кольнули болью где-то внутри. Вообще-то большую часть их общения Альфэй злилась и бесилась, порой она мечтала хорошенько всыпать мальчишке. Она признавала, что могла и уже делала больно Сибиллу. Неосознанно, но...

Когда она нашла Сибилла, то обещала позаботиться о нём. Но заботливого опекуна из неё не вышло. Это скорее Юн учила и присматривала за Сибиллом, заменила ему мать. Альфэй же не тянула даже на злобную старшую сестру. Её первоначального умиления красивым и смышлённым ребёнком не хватило на то, чтобы полюбить как родного получившегося в итоге своевольного мальчишку, который делал, что вздумается и вёл себя совсем не так, как она от него ожидала.

Где-то глубоко внутри Альфэй всегда знала, что Богиней семейного очага ей не быть, как и Богиней милосердия. Впрочем, она о подобном и не мечтала, ведь самыми сильными и могущественными на Небесах были и оставались Боги войны. Которыми становились, конечно же, исключительно мужчины.

Богини чаще всего отвечали за красоту и плодородие. Будто кроме того как быть красивой и рожать детей женщины ни на что не способны. Случались воинствующие богини несогласные со сложившейся практикой. Однако, ничего по-настоящему впечатляющего те богини не достигли. Альфэй узнавала. Бунт заканчивался обычно тем, что такая богиня влюблялась и либо становилась покровительницей красоты и плодородия, либо слетала с катушек, дробя себя на светлое и тёмное воплощение. В самых запущенных случаях оставалась одна тёмная сторона: неопрятная, страшная, похожая даже не на разумное существо, а на тёмную тварь.

Альфэй же мечтала стать настолько сильной, чтобы не прислуживать каким-нибудь богом покровителем чего-то там, а самой создавать собственные миры. И не тренировочные

с мизером энергии, а настоящие, саморазвивающиеся, способные существовать и без поддержки их создателя и ещё целого пантеона богов и богинь.

Перед новым сезоном холодов отвергнутые общиной женщины во главе с Фэй и Джу двинулись обратно в поселение.

— Сестрица Фэй обязательно победит Тай! — скакал перед ними Сибилл.

— Самое главное не победить Тай, а убедить женщин общины поддержать нас, — возразила ему Фэй.

Она как никто знала, что даже победа на кулаках может обернуться проигрышем в переговорном процессе.

Община никем не охранялась, так что они легко проникли в поселение. Близилось время вечерних боёв, и большая часть женщин собралась вокруг арены. Костры уже разожгли, а вот Тай и других охотниц ещё не было.

— Их же выгнали из общины. Зачем они вернулись? — слышались приглушённые голоса.

— Так холодает. Не прокормиться, наверное, — тихо ответил кто-то.

— Нам действительно, сложно было найти пищу, когда нас выгнали, — подтвердила одна из беременных женщин, которая пришла вместе с Альфэй и Джу. — Если бы ни Сибилл, которая позвала нас жить к себе, то неизвестно чтобы с нами теперь было.

— Сёстры, вспомните! Ведь такого никогда не было, чтобы из общины прогоняли старух и будущих матерей, — возвала к собравшимся Джу.

— Действительно... охотницы стали нарушать Табу. Последняя косуля оказалась кормящей, — подтвердила женщина торговавшая мясом.

— Женщины общины всегда поддерживали друг друга. Делили горести и радости. Никто не был первым или последним. Если кто-то хотел всеобщего признания, достаточно было хорошо потрудиться, чтобы тебя заметили и похвалили, — напонила Джу. — Неужели изгнав неудобных Тай, жизнь в общине стала лучше?

— Ничего подобного. Тай диктует свои цены на мясо, а я постоянно несу убытки, — громко возмутилась торговка мясом.

— И за последнюю кольчугу Тай мне так и не заплатила, — подтвердила женщина, занимавшаяся кузнечным делом.

— Она застрашала всех, кто не занимается охотой! Врывается в чужие жилища! Ударила мою малышку! — возмущённых набралось немало.

— И всё же Тай глава общины, — тихо уронила Юн, которая стояла в стороне от прочих женщин. Или же они сторонились Юн.

— Кому быть главой общины можно решить поединком, — напонила Джу.

— Тогда в круг, и пусть рассудит сильнейшая, — кивнула Юн, и сама вышла в центр песчаной арены.

Альфэй последовала её примеру.

— Ты?! — вскинулась Юн.

— Хочешь посмотреть, на что способна малышка-худышка? — подначила Альфэй.

— Ещё как хочу! Никогда не видела, чтобы ты дралась, — взгляд Юн зажёгся интересом, она счастливо заулыбалась. — Завалю тебя одной левой.

— Мечтай.

Победа далась Альфэй легко. Юн бесхитростно пёрла на пролом, рассчитывая только на свою силу, и закономерно проиграла. По силе с Альфэй никто из смертных сравниться бы не

смог.

— А здорово у тебя получается! Почему раньше не дралась? — даже не пытаясь встать с песка, Юн лучилась улыбкой и довольством.

— Я не люблю драться, но иногда всё же приходится это делать, — присев на корточки сказала Альфэй.

— Какая же ты странная, Фэй!

Альфэй провела ещё семь боёв и с каждым раундом, словно становилась сильнее и опытней. Во взгляде её противниц горел огонь. То ли так проявляла себя неукротимая воля каждой, вышедшей против неё женщины. То ли это был отражённый от костров огонь.

— Что тут происходит? Кто пустил Джу и остальных изгнанных обратно? — раздался громогласный в царившей тишине голос Тай.

Альфэй словно очнулась от транса и, опрокинув на лопатки последнюю женщину, развернулась к своей настоящей цели.

— Я вызываю тебя, Тай! — во всеуслышание объявила Альфэй.

— Ты чужеземка. Ты не можешь, — возразила Тай.

— Нет такого правила. Но, возможно, нынешняя глава общины так боится проиграть, что придумала его только что? — спросила Джу.

— Так и быть. Я покажу Фэй её место. Но перед этим её проверят другие охотницы. Юн, начинай!

— Я уже проиграла ей, Тай.

— От тебя абсолютно никакой пользы! Когда разберусь с ними, ты тоже покинешь общину.

С охотницами оказалось значительно сложнее справиться. Альфэй вспоминала уроки Джу, но больше всего тут ей помог опыт борьбы с Сибиллом. Вот уж кто был текучим, как ртуть, и вездесущим, как пыль!

Не будь Альфэй богиней, она бы уже давно выдохлась. Впрочем, и её утомили подряд одиннадцать раундов.

— Это не честно! Сестрица Фэй дерётся совсем без передышки! — почему-то голос Сибилла полный беспокойства и отчаяния придал Альфэй сил.

— Хэй, ты сомневаешься во мне, коротышка? Я покажу, на что способна... — в последний момент она с трудом проглотила слово «богиня».

— Действительно пора заканчивать с этим, — в круг вышла Тай.

— Мне не нужно главенство в общине, Тай. Я просто хочу, чтобы Джу и остальные могли вернуться.

— Поздно оправдываться, я не пощажу тебя, Фэй.

Ничего добавить Альфэй не успела. Тай стремительно налетела на неё и, казалось, только ускорила с каждым мгновением. Била и била. Прямолинейно, вкладывая всю свою силу. Теснила к освещённому краю. Пришлось уйти в оборону. Когда терпеть побои стало невыносимо, Альфэй не сдержалась и ударила всего единожды, но и этого хватило, чтобы Тай отлетела за костры и больше не встала.

Альфэй стояла, тяжело дыша, и боялась поднять взгляд и увидеть лица наблюдавших за ней женщин. Она отчаянно не хотела становиться убийцей. На мгновение обуял панический ужас, а потом она собралась. Она же богиня, в конце концов! Достаточно просто захотеть, чтобы её смертная выжила.

— Тай дышит, — вынесла свой вердикт Джу. — Что скажешь, Фэй? Что с ней делать?

— Вылечить. Есть у вас целительница?

И женщины засуетились, выполняя её распоряжения. Под конец изматывающего дня Альфэй и не заметила как на автомате вместе с Юн и Сибиллом вернулась в их хижину.

— Я сохранила все ваши вещи, — неловко сказала Юн.

— Я так рад видеть тебя, сестрица Юн, — кинулся ей на шею Сибилл. — Сердился на тебя, за то, что прогнала сестрицу Фэй. Но рад, что уже всё хорошо, и мы можем жить, как и раньше втроём. Правда, ведь это здорово, сестрица Фэй?

Вообще-то Альфэй не была такой же отходчивой и всепрощающей. Повлияло то, что Юн по складу характера и, правда, напоминала ей маму. И расчувствовавшийся Сибилл как-то настаивал на мирный лад. А ещё Альфэй совсем вымоталась и хотела только одного — спать.

— Давайте отдыхать, я слишком устала, чтобы устраивать разборки, — остаток фразы поглотил широкий зевок, что вызвало смех Юн и Сибилла.

Полный резерв прекрасно дополняло удовлетворение от хорошо проделанной работы. Альфэй впервые легла на циновку не чувствуя неудобств, она так сладко спала, убаюканная усталостью и уверенностью, что впредь в этом мире всё будет хорошо. Тай поставят на ноги, и она опять будет командовать. Но теперь другие женщины не побоятся дать ей отпор, потому что знают, что их мнение имеет значение для общины. Джу создаст совет старейшин. Юн достигнет нужного возраста, и у неё появится чудесная, как две капли воды, похожая на неё малышка, которую та назовёт Фэй. У всех всё будет замечательно.

Они даже не заметят исчезновения Альфэй, воспримут её уход из мира, как данность.

А Сибилл будет... Сибилл не пропадёт.

Часть 1

Глава 6. Отдыхающая богиня

Альфэй осознала себя стоящей посреди гостиной в своём павильоне. Зажатая между пальцами тускло мерцала бусина чётков — первый созданный ею мир. Ощущались колоссальная усталость и отток сил.

Идти в Золотой павильон было бессмысленно. В таком состоянии наставник Ли ни за что бы её не принял, поскольку настаивал на том, что забота о собственном энергетическом и эмоциональном состоянии — первостепенная задача и ответственность бога.

Альфэй вынуждена была остаться, чтобы отдохнуть, но перед этим отправила Ежану божественного посланника — в её случае призрачную гончую с сообщением о том, что справилась со своим первым заданием и готова встретиться в любое удобное для него время.

После Альфэй наскоро умылась и сменила тряпки дикарей на приличествующую богине ночную рубашку с подолом до пят. Спустя почти два года лечь в мягкую постель, пахшую свежестью, было настоящим блаженством.

Сон не шёл. Мысленно Альфэй возвращалась к последним ощущениям и видениям, полученным в сотворённом мире. Она плохо уловила, что там будет дальше с Сибиллом, возможно из-за того, что это было в момент перехода из тренировочного мира на Небеса. Мальчику она желала только хорошего, а эта неопределённость и недосказанность беспокоили и раздражали. Но Сибилла надо было отпустить из своих мыслей. То, что было в тренировочном мире, останется там. Созданные ею смертные проживут свои жизни и непременно уйдут за грань. Она не тёмный бог и не властна над душами, ушедшими на перерождение.

Её сморил тяжёлый, тревожный сон, после которого она проснулась ещё более

разбитой. У кровати обнаружился призрачный кот Ежана.

— Дождись меня, постараюсь быстрее закончить все дела. Хочу первым услышать о твоём первом сотворённом мире, — красивый, чистый и спокойный голос подарил Альфэй крупицу силы для того чтобы встать.

Под успокаивающими тёплыми струями воды тревожное предчувствие, навязное неясными снами, отступило. Альфэй смогла в полной мере насладиться благами жизни на Небесах, которую обустроила согласно тому, к чему привыкла в родном мире: цивилизованному душу, ванной и туалету.

Она отказалась от манер, приписываемых богиням, и заказала красиво сервированный плотный завтрак из риса со свиной и баоцзы, о которых так мечталось в мире полудиких людей. А кружка ароматного латте окончательно убедила Альфэй в том, что она на Небесах.

Павильоны богов напоминали Альфэй «умные дома» из её родного мира. У неё самой такого никогда не было, но на Небесах эту задумку за счёт магии довели до совершенства. За чистоту и свежесть отвечали всевозможные бытовые чары, сложные приборы с комплексом заклятий стирали, сушили, гладили, мыли, восстанавливали сломанные или разбитые вещи. Еду доставляли непосредственно в павильон из миров смертных, созданных здесьними богами.

Слуги в «комплекте» с павильоном не шли. Всё же на Небесах никто, кроме богов не мог попасть. Тем не менее, встречались на Небесах и слуги. Обычно это были или обязанные какому-то божеству вознесением смертные или служившие ему и при жизни.

Привычная комфортная и сытная жизнь окончательно вернула Альфэй присутствие духа. Предчувствия и тяжёлые мысли отошли сначала на второй план, а потом и вовсе забылись в водовороте планов и предвкушения.

Она принарядилась ради встречи, которая обещала приятное продолжение. И до прихода Ежана ещё успела проверить по лекциям и книгам свои выводы и мысли насчёт первого сотворённого мира, обдумать о чём и как будет рассказывать наставнику Ли.

Появившийся, наконец, Ежан чуть замялся, прежде чем войти, словно был поражён её видом.

— Привет. Тебе пошла на пользу прогулка по миру смертных. Взгляд так и светится удовольствием, — Ежан с порога потянулся за поцелуем, и Альфэй с готовностью откликнулась, делясь своим нетерпением и страстью.

Она не понимала, как смогла вытерпеть столько времени в сотворённом мире без этих нежных губ и надёжных объятий.

— М-м... удовольствием видеть тебя, а не гулять по миру смертных, — чуть отстранившись, поправила его Альфэй.

Её сердце билось часто-часто, щёки горели, а губы сами собой тянулись в счастливой улыбке. Всё же она от многого отказалась, запретив себе любые отношения с мужчинами. Сгорая от желания, Альфэй потянулась к поясу ханьфу Ежана.

— Чувствую, как ты оголодала. Много времени провела наедине со смертными? — беззлобно усмехнулся Ежан.

— Два года. Не отвлекайся.

— Мне нравится твой настрой.

Ежан подхватил её на руки, как в глупых любовных романах, и от неожиданности Альфэй крепко вцепилась в его плечи.

— Ауч! Я знаю, что ты сильная, но давай полегче.

— Прости, — Альфэй ослабила хватку, и в награду получила новый головокружительный поцелуй.

Ежан не расцепил объятий, даже когда они оказались на постели, и Альфэй полностью забылась, только чувствуя и наслаждаясь. Она хотела наверстать все ночи, которые могла бы провести не в одиночестве, а утопая в страсти и неге.

— Ого... Нет правда, мне очень интересно, что у тебя такого произошло в твоём мире? — тихо выдохнул Ежан, когда Альфэй скатилась с него, оставляя в покое больше не откликающееся на ласку тело.

— Какого такого? — игриво спросила Альфэй, с неудовольствием отмечая, что ведёт себя как глупая кокетка, но всё равно хотела узнать ответ на свой вопрос.

— Я могу понять, откуда сексуальный голод. Но ты словно... светишься изнутри, действуешь смелее и раскрепощённое. Совсем укатала меня, а это не так-то просто.

— В моём мире совершенно не было мужчин, — пожаловалась Альфэй.

— О... Мне посочувствовать тебе? Или можно в открытую порадоваться, что вся твоя голодная страсть досталась мне одному?

— Как хочешь. Лучше расскажи про свой мир. Каким он был?

— Э... Ну знаешь... — замялся Ежан. — Там было довольно жарко. Много воды и еды. И...

— Море, пляж и толпы обнажённых красоток? — заглянула Альфэй ему в глаза.

— Почти угадала, — окончательно смутился от её внимания Ежан.

— Даже не знаю, ревновать тебя или нет? — всерьёз задумалась она.

С одной стороны в душе шевельнулось неудовольствие, с другой — Альфэй сама хотела встреч ради секса. Без обязательств, без глубоких чувств, без ограничений.

— Да брось, это же смертные. Они ни в какое сравнение не идут с богинями, — погладил её спину Ежан, и изнутри обдало горячей волной желания.

— Хм-м... Хорошо, тогда договоримся, что любовные приключения в мире смертных ни в счёт, — пошутила Альфэй, больше проверяя реакцию Ежана на её предложение.

— Вот ты умница, Альфэй! Как же мне повезло с тобой. Конечно, игры со смертными это полная ерунда.

Рука Ежана скользнула вниз вдоль спины, и Альфэй потеряла нить разговора. Кажется, она становилась зависимой от божественного секса, но ни о чём не жалела.

В Золотой павильон Альфэй попала только на третий день после того, как закончила сотворение своего первого мира.

— Что же это не самый плохой результат, — заключил наставник Ли, когда Альфэй ментально передала ему видение.

— Кто-то был лучше? — сердце предательски сжалось.

— Стажёр Е справился первым и в его мире произошло разделение Инь и Ян. Взаимодополняемость противоположностей, дуальность, двойственность явлений — важный этап создания мира. Не стоит им пренебрегать.

— О, ясно, — выдохнула Альфэй.

Разумеется, Ежан упоминал, что развлекался в своём мире с девицами, и это значит, что в его мире точно были женщины, а значит и мужчины. То самое разделение Инь и Ян. Конечно же, он стал первым. Пока она отдыхала, он передал через божественного посланника, что занят делом. Не потерял голову, а сначала сделал работу, а потом уже пошёл к ней развлекаться. А она...

Альфэй закусила губу от досады на саму себя.

— Стажёр А, ты поняла свою главную ошибку? — строго спросил наставник Ли.

— Отрицание сексуальности. Я полностью вычеркнула половое деление, самоопределение и влечение из важных констант будущего мира. В результате получился асексуальный мир. Но вообще-то там был мальчик!

— Всего лишь ребёнок. К тому же единственный на целый мир женских особей — этого недостаточно. Постарайся исправиться в следующий раз.

— Да, наставник, — вздохнула Альфэй, она осталась крайне недовольна собой и первым результатом сотворения мира.

Стоило дать слабину, как это сразу же отразилось на учёбе.

Впрочем, её провал был связан с отсутствием сексуальности, а не наоборот. Пришлось признать, что Ежан и их взаимодействие в спальне тут совсем ни при чём. Причина глубже, и она крылась внутри Альфэй.

Может статься, что ещё одна ночь с Ежаном как раз исправит ситуацию. Решив так, Альфэй стремительным шагом направилась в свой павильон.

В этот раз она надела лёгкое полупрозрачное, но многослойное платье, серьёзно отнеслась к макияжу, используя яркий и стойкий. Красиво сервировала в спальне стол, придвинув тот к самой кровати, и активировала иллюзию зажжённых свечей, паривших на уровне груди.

— Ты не перестаёшь меня удивлять. Хочешь что-то отметить? — мягко улыбнулся Ежан, принимая от неё пиалу с рисовым вином.

— Сотворение первого мира. Чем не повод? — подняла свою пиалу, обозначая тост, Альфэй.

— Как прошла сдача работы?

— Отвратительно, — вежливый вопрос только расстроил её. — Но больше такого не повторится.

— Всё так плохо? Наставник сердился? Тебе нужна помощь? — встревожился Ежан.

— Со своей стажировкой я справлюсь сама. Лучше помоги мне отвлечься.

— А что мне за это будет? — во взгляде Ежана мерцали смешинки. Или же это просто отражался свет иллюзорных свечей.

— Я не буду кусаться и царапаться?

— О... Действительно, мне бы не хотелось ходить в синяках, — засмеялся он.

Альфэй притёрлась к бедру Ежана, ощущая, как стремительно тяжелеет тело от лавой разлившегося предвкушения и желания.

Сердце застучало сильнее, стоило Ежану скользнуть ладонью по колену, обтянутому тонкой тканью, вниз. Губ коснулось пряное от вина дыхание, и стало тяжело дышать. Ладонь обожгла голую кожу и, сминая подол, поползла вверх.

Ежан опрокинул её на постель, приятно и надёжно накрыл своей тяжестью, словно отгораживая от всех проблем прошлых и будущих. В настоящем же остались они одни и разделённая на двоих страсть.

Когда настало утро, Альфэй не торопилась вставать, разглядывая утончённые черты лица и длинные ресницы Ежана. От воспоминаний о прошедшей ночи тело налилось жаром и томлением. Но Альфэй не могла отрицать, что к физическому удовольствию примешивается триумф. Ежан многим нравился. Богини ссорились и плели интриги ради того, чтобы хоть раз переспать с ним. А с Альфэй он провёл уже третью ночь.

Она невольно начинала мечтать и надеяться на большее, хотя первоначально хотела только хорошо провести время. Альфэй тряхнула головой, отгоняя лишние мысли. Впереди её ждал второй мир, и на этот раз она просто обязана справиться лучше. Нельзя, чтобы наставник Ли разочаровался в ней.

После стажировки, им официально присвоят статус богов и отправят на место дальнейшей службы. Но став личным учеником кого-то из богов можно было надеяться на лучшее назначение и быстрый карьерный рост от какого-нибудь Бога покровителя неизвестной деревеньки до Верховного бога одного из миров мультивселенной Хань.

Оставшись одна, Альфэй позаботилась о защите павильона и отсчитала вторую бусину на чётках. Она не стала сосредотачиваться на уже знакомых ощущениях проникновения в тренировочный мир. Всё её внимание ушло на формирование законов зарождающегося мира.

На этот раз у неё всё получится как надо!

Часть 2

Глава 1. Сосредоточенная богиня

Сотворяя второй мир, своей главной задачей Альфэй считала необходимость заложить в него разделение на мужское и женское начало — взаимодополняющие друг друга противоположности. Зная свою ошибку, она никак не могла допустить её повторно.

Когда Альфэй вышла из транса, перед ней развернулось удручающее зрелище: палящее солнце и бесконечные пески, куда ни посмотри. Резерв, как и в первом мире, оказался совершенно пуст, зато сознание она не потеряла.

Наставник Ли, проверив её расчёты, согласился, что на сотворение должно уходить меньше сил. Он посоветовал осмотрительнее тратить божественную энергию, но та всё равно словно утекала сквозь пальцы и расходовалась слишком быстро.

Идти никуда не хотелось, и Альфэй уселась на раскалённый песок. Сосредоточившись, она потянула к себе ближайшее разумное существо.

Её нашли спустя довольно продолжительное время. Из машины с затемнёнными стёклами больше напоминавшей какой-нибудь планетоход выскочил человек комплекции самой Альфэй. Лёгкий серебристый комбинезон и шлем, зеркальная поверхность которого отражала только унылый пустынный пейзаж и саму Альфэй, не позволили сразу же распознать пол.

— Меня сегодня неожиданно потянуло проверить двадцать восьмой квадрат, хотя тут такое захолустье. Не представляю, как ты выжила без защитного костюма в Бескрайней пустыне, в которую превратился наш мир после Четвёртой мировой войны. Кто в своём уме так поступает? Твоя одежда никуда не годится: слишком тонкая и непрактичная. Вернёмся на базу, найдём тебе другую. Меня, кстати, Джо Лин зовут, а тебя? — звонкий радостный голос, как и имя, принадлежали определённо женщине.

— У Фэй, — назвалась своим смертным именем Альфэй.

Джо Лин велела ей устаиваться на пассажирском сидении, а сама быстро проложила маршрут на сенсорной панели машины, которая здесь, видимо, заменила панель приборов. Подтвердив маршрут и щёлкнув по иконке «начать движение» девушка расслабленно облокотилась на присутствовавший тут же руль и повернулась к Альфэй.

— Ты мутант? Моя подруга... Сунь Вэй утверждает, что истории о мутантах — байки и фантазии, потому что все, кто отваживался жить вне защиты баз, умирали от убойной дозы радиации. Видела ещё таких же отчаянных, как ты?

— Нет, я просто потерялась.

— Далеко же тебя занесло. Наша база единственная на тысячу ли вокруг, — протянула Джо Лин.

— А ты не хочешь порулить? — всё же не смолчала Альфэй, наблюдая за тем, как она игнорирует руль и дорогу.

— Зачем? Автопилот отлично со всем справляется.

За весь путь, длившийся больше двух часов, им действительно не встретилось ни одного препятствия. Всю дорогу Джо Лин рассуждала о том, как же повезло Альфэй, что она её нашла, и о том, как было бы здорово жить под открытым небом, если бы это не грозило человечеству неминуемой гибелью.

Наконец на горизонте появилась база. Конгломерат серых бетонных зданий с бесконечными рядами соединённых друг с другом теплиц напоминал спрута, выброшенного на берег и растянувшегося на песке.

Когда они заехали в ангар, Джо Лин стянула шлем. Под ним оказалась миловидная, приветливо улыбающаяся, девушка с коротким хвостиком лет двадцати пяти.

— На этой базе живёт более двух тысяч работников. У нас редко появляются новые лица. Может, поселишься в комнате вместе со мной? Я тебе расскажу и покажу, как у нас всё устроено. Раньше я жила со своей подругой Сунь Вэй, но она захотела отдельную комнату ближе к месту работы, — погрустнела Джо Лин.

— Не откажусь от помощи, — улыбнулась Альфэй.

Её порадовало, что в комнате обнаружился санузел с ванной и туалетом. На время прелести цивилизации и новая одежда, состоявшая из удобного простого нижнего белья и рабочего костюма с ботинками, полностью завладели вниманием. Альфэй сноровисто собрала свои длинные волосы в пучок, который больше подходил практичному стилю одежды.

Позже Джо Лин внесла биометрические данные Альфэй в систему базы, чтобы она могла попасть в их общую теперь комнату.

— До обеда ещё есть время. Мне дали выходной, чтобы всё тебе у нас показать и помочь устроиться на новом месте. Так что сегодня гуляем! — оживлённо вещала Джо Лин. — Но сначала заглянем в госпиталь, чтобы убедиться, что с тобой и правда всё в порядке.

Солидная дама в белом халате степенно осмотрела Альфэй, взяла кровь на анализ и отпустила их с Джо Лин.

— Вся информация о вашем здоровье будет занесена сегодня, ближе к вечеру, — сообщила она напоследок.

— Перестраховывается. Я видела, что у тебя зелёный в сертификате здоровья. Зато теперь мы абсолютно свободны, — похлопала Альфэй по плечу Джо Лин.

Альфэй же сосредоточилась, изменяя параметры выщепленной крови, чтобы в ней точно ничего сверхъестественно не нашли. Подобным уловкам, как не попасть на опыты в собственноручно сотворённом мире, был посвящён целый урок.

— Наша база Артемида, как и все подобные сооружения, называется в честь одной из богинь утраченной цивилизации. Ей уже больше полувека. Артемида построена в третьем году по новейшему летоисчислению, — воодушевлённо взяла на себя роль гида Джо Лин.

В коридорах им почти никто не встретился, Джо Лин объяснила это тем, что в разгар дня население базы либо работает, либо учится. Зато, как только в лицо ударил душный, влажный воздух теплиц, а перед Альфэй распростёрлись длинные поля и сады,

перетекающие одни в другие, появились и занятые здесь люди.

— База полностью обеспечивает себя всем необходимым. Есть рыбная ферма, птицефабрика и свинарник. А верблюды даже могут выходить наружу, правда, только ночью. Несмотря на кажущуюся необитаемость в пустыне всё же сохранились какие-то растения и насекомые, — рассуждала Джо Лин, ведя Альфэй между полей на которых трудились роботы, но встречались и редкие люди, работавшие с самой техникой.

— У вас сельхоз работами занимаются исключительно женщины? — Альфэй больше волновал вопрос, удалось ли ей разделить смертных этого мира на женщин и мужчин.

— Как и всеми другими работами... А у вас как-то иначе? Ты что?.. С Афродиты? — Джо Лин рывком схватила её за плечи, разворачивая и заставляя остановиться. — Говорят, на базе Афродита мужчин освободили. И что там у каждой женщины свой мужчина. Наша база ближайшая к Афродите... Неужели ты видела настоящих живых мужчин? Это правда?

— Ну-у... Да? — неуверенно протянула Альфэй. На Небесах так точно соотношение мужчин и женщин примерно равно, и мужчины вполне себе живы и здоровы.

— Ого, и они что? Разговаривают? И тоже работают? А как вы?..

— Давай, ты мне подробнее расскажешь и покажешь, как дела обстоят у вас на базе, а потом я тебе о том, как всё устроено у нас?

— Договорились! Тогда сначала идём на урок истории, познакомлю тебя с подругой. Я тоже с детьми работаю, но совсем маленькими.

По переходам, пройдя несколько зданий насквозь, они вошли в класс и, оставшись незамеченными, встали за спинами, сидевших за партами девочек.

— Четвёртая мировая война закончилась шестьдесят три года назад. От неё ведётся новейшее летоисчисление. Итогом тех страшных событий стало тотальное бесплодие людей и полное истребление мужчин. Сейчас мужские особи человечества нежизнеспособны вне стен лаборатории и клонируются только для получения биологического материала, чтобы обеспечить нас следующим поколением людей, — не обращая на них внимания, вещала учительница.

Альфэй похолодела. Урок шёл своим чередом, но сосредоточиться на нём не выходило. Не то чтобы ей совсем не удалась задумка, но получается, даже при всём старании, её мужчины оказались «нежизнеспособными». Стало ужасно обидно.

— Итак, кто мне скажет, почему случилась Четвёртая мировая война? — спросила учительница и кивнула поднявшей руку девочке. — Ответь, Ксяоли.

— Из-за перенаселения, голода и нехватки ресурсов.

— А кто развязал эту войну?

— Мужские особи, — без запинки отчеканила девочка.

Концентрация на половых различиях всё же сказалась на конечном результате: другим аспектам своего мира Альфэй уделила куда меньше внимания.

— Верно, садись, — словно вторя её мыслям, закончила опрос учеников и урок в целом учительница.

Пока девочки, весело щебеча, собирали свои вещи с парт, Джо Лин подлетела к своей подруге. Альфэй потянулась следом, на автомате кивнув, когда она представила их с учительницей друг другу.

Мыслями Альфэй была очень далеко.

После истории, настало время обеда, и Джо Лин вместе с учительницей и её учениками отвела Альфэй в столовую. В просторном многолюдном помещении женщины разных

возрастов набирали себе на подносы блюда, которые бесконечной чередой вращались на ленточном конвейере, проходящем через всю столовую.

— Ты сильно задумалась. У вас иначе о Четвёртой мировой войне рассказывают? — потормошила её Джо Лин, когда они устроились за одним из пустующих столов.

— Информация на уроке кажется мне противоречивой. Если абсолютно все люди бесплодны, то получается и клонированные мужчины тоже? — Альфэй сосредоточенно размазывала разноцветную однородную бурду по тарелке.

— Ну, я не биоинженер, — пожалала плечами Джо Лин. — Но мужчины вымерли из-за вируса, который назвали то ли чёрная вдова, то ли самка богомола, запущенного в конце Четвёртой мировой войны. Тогда считали, что все беды из-за них. У нас сохранился банк «чистых» биоматериалов с тех времён, поэтому мы можем клонировать мужчин. Вот только сам вирус никуда не делся. Людей получают искусственно и выращивают тут же в одном из зданий, в яслях.

— А в яслях, мальчики и девочки растут вместе?

— Там только девочки. Мальчики находятся в лаборатории, куда не особенно пускают, но один раз мы с классом были там на экскурсии. Это просто тела в больших аквариумах. Их даже из жидкости не вынимают, чтобы не умерли от вируса.

Поскольку готовкой занимались кухонные агрегаты, еда оказалась исключительно здоровой и сбалансированной, в основном мелко покрошенной или вообще растёртой в пюре, а её вкус оставлял желать много лучшего. Альфэй заподозрила, что её собственное неумение готовить, так или иначе, проявляется в каждом из миров. И понадеялась, что тут она пробудет недолго.

— Так, как это жить вместе с мужчинами? — в полутьме, когда они легли во вполне удобные, хоть и узкие кровати, задала вопрос Джо Лин.

— Это... сложно. Там, откуда я пришла, женщины и мужчины растут и работают вместе. Считается, что мы все равны и обладаем одинаковыми возможностями. Но правда в том, что женщины не только должны конкурировать с мужчинами в жизни и профессиональной сфере, но также заниматься общим бытом и детьми. На женщин ложится двойная нагрузка, а требования на работе к обоим полам предъявляют одни и те же.

— На уроках истории нам рассказывали, что мужчины очень агрессивные.

— Не сказала бы... Или я просто не сталкивалась с мужской агрессией. Женщины зачастую куда агрессивнее мужчин, но, как правило, агрессия женщин менее разрушительна для окружающих. Не знаю, так природой заложено или это внушённое, но женщинам свойственно искать причину всех неудач внутри себя. Сначала женщина изливает своё недовольство внутрь себя, а потом уже достаётся всем остальным.

— А ты пробовала... Ну, с мужчиной? — прервала Джо Лин её попытки объяснить на пальцах гендерные различия.

— Что?.. Заниматься любовью? — догадалась по смущённому молчанию Альфэй.

— У вас это так называется? У нас на уроках здоровья рассказывают, как доставить себе удовольствие, и даже разные шутки для этих целей есть.

— Шутки всё же не сравнятся с живым человеком, — вздохнула Альфэй, у которой был богатый опыт отрицания своих потребностей и того, что ей в действительности нужен мужчина. — Мужчины растут и развиваются почти с той же скоростью что и женщины. Как и женщин их можно всему научить.

Сложно было объяснить, в чём отличие женщин и мужчин человеку, который последних

видел раз в жизни через стекло в лаборатории. Альфэй даже подумала, что не так уж сильно люди отличаются друг от друга, а имеющиеся различия объясняются скорее социальной ролью женщины, как матери, тогда как мужчина в этом плане более свободен, его роль в семье может ограничиваться только зачатием ребёнка.

Альфэй тяжело вздохнула. Видимо, именно эти убеждения и рассуждения так сильно повлияли на сотворение этого мира.

— Чем ты занималась на своей базе? Нужно внести в систему твою должность, и завтра ты уже сможешь приступить к работе.

— Я... — замялась Альфэй.

Когда-то она работала чиновником в сфере жилищно-коммунального хозяйства, но в условиях закрытой базы скорее требовались уборщицы, сантехники и электрики.

— Ты поэтому ушла с Афродиты, чтобы изменить что-то? Тебе не очень-то нравилась твоя работа, да? — прозорливо спросила Джо Лин.

— Да, — вдруг поняла Альфэй.

— Можно попробовать устроить тебя на свободные вакансии. Если справишься, никто возражать не будет, даже если раньше ты этой работой не занималась.

— А есть что-то в лаборатории? — заинтересовалась Альфэй.

— Сейчас! — Джо Лин подскочила на кровати, и в её руках загорелся экран планшета. — О твой сертификат здоровья пришёл, я же говорила, что всё в порядке. Так, лаборатория... Да, им требуется уборщица!

— И почему я не удивлена, — вздохнула Альфэй.

Часть 2

Глава 2. Паникующая богиня

Выжимать половую тряпку голыми руками, как Альфэй делала это когда-то ещё в раннем детстве своей смертной жизни, не пришлось. Поддерживать чистоту с помощью роботов-уборщиков оказалось непривычно после её напичканного магией павильона, но намного проще, чем вручную. Она задавала маршрут, график работы, забивала в настройки задание, проверяла исправность техники. Её основной задачей было вовремя реагировать на запросы лаборатории.

Однако в саму лабораторию Альфэй всё никак не удавалось попасть.

Они с Джо Лин, которая работала в яслях базы с совсем маленькими детьми, прожили вместе уже две недели. Сталкивались в основном по утрам и вечерам. Выходные у них совпадали редко, поскольку Альфэй работала сутки через трое, а Джо Лин два дня через два.

— Всё равно жить с кем-то лучше, чем совсем одной, — в порыве откровенности призналась Джо Лин, которая сильно скучала по своей прошлой соседке-подруге.

Каждый на базе выполнял свою работу по индивидуальному графику, подходящему для конкретной задачи. Денег не существовало как понятия. Еда, одежда и все блага распределялись пропорционально на работающих женщин. О детях заботились воспитатели и учителя. Численность базы и её жизнь были строго рассчитаны, выверены и регламентированы на года вперёд.

Чем больше Альфэй узнавала о своём новом мире, тем отчетливее видела влияние Коммунистической партии Китая, в идеологии которой росла, на её представление об обществе. Она бессознательно взяла за основу привычный социальный строй, скопировала его представления о правильном и должном. Переняла понятные ей ценности и цели. Получив в результате совершенную утопию. Впрочем, при столь значительных

ограничениях, особого выбора у людей не было: либо жёсткое распределение ресурсов, либо война за них. И только после Четвёртой мировой войны и частичного уничтожения человечества, чаша весов, наконец, качнулась в другую сторону.

Радовало то, что сильной деградации человечества всё же не произошло. Но постапокалиптический мир — сам по себе не очень хороший результат при сотворении миров. И это уже не звоночек, а набат. Альфэй не справлялась!

Вызов в лабораторию пришёл только на третью неделю её работы, когда там потребовалось заменить вышедший из строя агрегат. Маленькая авария позволила увидеть десятки гигантских колб, от пола до потолка, с обнажёнными мужскими телами внутри, опутанными трубками. За прозрачными стёклами словно парили в жидкости: младенцы и совсем старики с длинными развевающимися седыми волосами.

— Ого, — от увиденного не сдержалась Альфэй.

— Что, первый раз такое видишь? — обратила на неё внимание женщина в белом халате, которая её ипустила.

Альфэй кивнула, не совладав с голосом. Сложно было осознать, что всё это работа собственного подсознания, которое отчаянно сопротивляется появлению мужчин в её мире. Пожалуй ещё никогда Альфэй не понимала так ясно смысл фразы наставника Ли: «Созданный мир — отражение вашего внутреннего мира. Пока вы не примете это, не сможете повлиять на результат».

Взгляд невольно зацепился за золотистую шевелюру подростка, и Альфэй качнулась в его сторону.

— О Небеса! — вырвалось, когда с другого ракурса она смогла разглядеть его лицо.

— А... Этот мальчик очень красивый, правда? Ему уже пятнадцать лет. Генетический материал мы получили с базы Афродита при обмене. Образец номер Си би два эль, — в ответ на её реакцию оживилась лаборантка.

Альфэй же пыталась понять, как так получилось. Она точно не собиралась тащить Сибилла с собой в новый мир. Или в глубине души так сильно переживала за него?..

От знакомого когда-то ребёнка в подростке напротив почти ничего не осталось. Разве что золотые волосы, но длина их изрядно увеличилась. Исчезли пухлые щёчки, резче выделились скулы, подбородок ощущался более тяжёлым. Парень был мощнее и шире в плечах, чем азиатские мужчины, и на полголовы перерос Альфэй.

Внутреннее смятение только усилилось, когда этот Сибилл открыл помутневшие голубые глаза.

— Иногда они шевелятся, открывают глаза или рот, но редко и не долго, — прокомментировала это лаборантка. — Просто реакция тела. В них нет сознания, души, личности — ничего из этого. Ну вот... Я же говорила.

Веки вновь скрыли сонные голубые глаза. На душе стало чуточку легче, Альфэй не хотела бы обречь на подобное существование настоящего Сибилла.

После посещения лаборатории, у Альфэй началась бессонница. А стоило заснуть, как она видела Сибилла.

«Ты пришла за мной, сестрица Фэй? Я знал, что мы обязательно встретимся снова. Ты не могла меня бросить, — говорил он. — Хочу тебя ещё раз увидеть. Поторопись и разбуди меня».

Не удавалось отделаться от сожалений и чувства вины перед мальчишкой.

Чтобы собрать больше информации Альфэй сблизилась с лаборанткой, которая

оказалась бывшей соседкой по комнате и подругой Джо Лин. Она тщательно зализывала тёмно-каштановые волосы в тугую косу, редко улыбалась, была сильно сосредоточена и напряжена.

Сунь Вэй равнодушно отнеслась к информации о том, что Альфэй живёт с её подругой, зато оживлённо реагировала на темы связанные с работой и мужчинами в целом. Она много чего показала на фотографиях в своём планшете и в лаборатории. Подробно рассказала о том, как через трубки дышат, кормятся, справляют нужду её подопечные. Как происходит забор биологического материала. Как считывается приборами состояние подопытных мужских особей. Что происходит с «отработанным материалом», благо мужская репродуктивная система, в отличие от женской, функционирует до конца жизни особи.

Чем больше Альфэй слушала и смотрела на клона Сибилла, тем больше ужасалась.

Когда напарница Сунь Вэй заболела, Альфэй настояла на том, чтобы заменить ту. Это получилось легко, потому что она уже знала, как всё устроено в лаборатории и в чём конкретно заключается работа Сунь Вэй там. За те десять дней Альфэй окончательно убедилась, что клона Сибилла надо спасать. Стоило только немного ментально подтолкнуть, и напарница Сунь Вэй поняла, что всю жизнь мечтала совсем не о том, чтобы ухаживать за безответными, ни на что не реагирующими полутрусами, и перевелась в ясли, а Альфэй перешла на должность лаборанта.

— Я знаю, что на базе Афродита мужчин воспитывают в яслях вместе с женщинами. Никто их в лаборатории не держит. Только не понимаю... Как вы этого добились? — спросила как-то Сунь Вэй. Закусив губу, она смотрела на совершенно обычного внешне мужчину.

Альфэй заметила, что подопытный под номером Ви один эн был её любимчиком, но никак не комментировала это, потому что Сунь Вэй тоже молчала о её залипаниях на Сибилла.

— Не знаю. Я далека от всего этого. Но у меня есть предположение... Ты сказала, что вот это лекарство — какая-то разновидность успокоительного? — показала на одну из множества трубок Альфэй.

— Да, оно нужно чтобы подопытные не навредили себе, когда у них мышечные судороги, — кивнула Сунь Вэнь.

— А что будет, если не давать его?

— Наставница говорила, что подопытный может случайно откусить себе язык, разбить резервуар с питательной средой и пораниться... Так или иначе навредить себе.

— То есть ты сама ничего из этого не видела?

— Нет.

— Давай попробуем отключить? Если что-то пойдёт не так, снова вкатим лекарство. Проверим на нём, — Альфэй кивнула в сторону клона Сибилла.

— В нашу смену сюда никто кроме нас не заходит, — задумалась Сунь Вэй.

— Если будут проблемы, скажем, что я новенькая и ещё плохо разобралась в том, как и что нужно делать, — предложила Альфэй, и Сунь Вэй ей не возразила.

Клон Сибилла стал двигаться в жидкости более интенсивно уже через два часа после начала их эксперимента.

— Нужно дать ему успокоительное, — занервничала Сунь Вэй.

— Нет. Посмотрим ещё, — Альфэй считала, что всегда активный и деятельный Сибилл предпочёл бы смерть существованию подобному маринованному овощу в банке.

Через шесть часов клон Сибилла открыл глаза и прижал ладонь напротив лица Альфэй к стеклу резервуара, в которой был заперт.

— Его надо достать оттуда, — не выдержала Альфэй, наблюдая за тем, как сонный взгляд постепенно проясняется.

— Но... Я не знаю... — Сунь Вэй, кажется, начала жалеть об их эксперименте и захотела отмотать всё назад.

— Как вы достаёте оттуда мертвецов? — нетерпеливо спросила Альфэй.

— Но... Он же ещё жив. А если мы достанет его, и он подхватит вирус?

— Ты пробовала достать ещё живого подопытного?

— Н-нет.

— Так давай попробуем. Беру ответственность на себя. Не переживай.

Процесс извлечения вышел не простым. Специальный механизм уложил цилиндрический резервуар в горизонтальное положение. После чего они выкачали оттуда жидкость. Отрыли резервуар, сдвинув верхний слой стекла вдоль цилиндрического «хрустального гроба», и отсоединили провода от клона Сибилла, который периодически то находился в сознании, то снова отключался.

Затем они с Сунь Вэй вместе перенесли тело на операционный стол, мальчишка оказался на удивление тяжёлым. Альфэй вытерла бесчувственного клона полотенцем, отрезала до плеч его неудобный длинный хвост мокрых волос, и завернула неподъёмное тело в свой запасной халат. Она просто хотела убедиться в том, что это только тело, копия её маленького друга — лишь тень того смертного, которого она создала в своём первом мире...

— С-ср... Фэй... — едва уловимо выдохнул очнувшийся на мгновение «клон», сбивая все мысли.

— Ч-что? Он пытается говорить? — выпучила глаза Сунь Вэй, которая явно не поняла сказанного.

От её возгласа Альфэй пришла в себя, пытаясь сообразить, что делать.

— Мы не можем запихнуть его обратно. Надо где-то спрятать, а я живу не одна.

— Подай заявку на отдельное жильё поближе к месту работы. Уже сегодня сможешь переехать, — тут же сориентировалась Сунь Вэй.

— Как мы объясним отсутствие одного из подопытных?

— Нужно оформить его умершим... — не успела Сунь Вэй договорить, как один из мониторов с показателями подопытных неприятно и тревожно запикал, как в фильмах, когда показывали остановку сердца.

Сунь Вэй суетилась рядом с резервуаром, в котором находился старик, а Альфэй отстранённо думала о том, что это всё из-за неё. Бессознательный Сибилл, которого попросту не могло быть в этом мире. Смерть старика. Мужчины-подопытные, которых используют для продолжения рода. Постапокалиптический мир будущего, стремящийся к закату с первого дня создания. Мечты об идеальном мире раз за разом не оправдывали себя.

Призрачная надежда на высокую оценку от наставника Ли за создание этого мира покинула её окончательно. Разглядывая лицо спящего Сибилла, который казался умиротворённым и трогательно беззащитным, отчего-то Альфэй легко смогла смириться с проваленным заданием по сотворению второго мира. Уверенности придавало и то, что у неё осталось ещё четыре попытки.

Сунь Вэй помогла Альфэй получить комнату ближе к лаборатории, и переместить туда Сибилла. Она же ходила за вещами Альфэй к Джо Лин и принесла для Сибилла бурду.

которой через трубочки кормили подопытных.

— Его организм привык питаться этим. Переход к другой пище должен быть постепенным, — пояснила Сунь Вэй.

Следующие две недели, позабыв обо всём, Альфэй ухаживала за Сибиллом, который большую часть времени спал, просыпаясь только чтобы поесть. Он был слишком слаб даже для того чтобы сесть в постели. А членораздельно выговаривал лишь её имя и короткие слова вроде «да» и «нет». Сразу поговорить не получилось, но Альфэй выяснила, что какие-то воспоминания об их знакомстве у Сибилла сохранились.

И пусть это никак не мог быть тот самый смертный, потому что Альфэй, будучи светлой богиней, не могла по одному своему желанию перемещать души куда заблагорассудится. Как и не проводила специальных ритуалов для этого. Но копия Сибилла обладала его знаниями и памятью, совершенно не давая шанса остаться равнодушной. Где-то глубоко внутри она уже приняла эту замену своего друга и готова была многое отдать за то, чтобы хоть в этом мире быть уверенной в его благополучном будущем.

Альфэй решила непременно поставить Сибилла на ноги, и её немного восстановившийся резерв, неуклонно стал пустеть.

Тем временем в дежурство Сунь Вэй в лаборатории умер ещё один старик, и опустело два резервуара. Вторым исчезнувшим оказался подопытный Ви один эн.

Часть 2

Глава 3. Неуловимая богиня

Сибилл лёг спать в хижине вместе с сестрицами, а на утро Фэй пропала. Сестрица Юн сказала, что та ушла туда, откуда пришла, и беспокоиться не стоит, но не смогла толком объяснить, где находится это самое «откуда пришла», только махнула рукой в сторону Большой воды.

В общине тоже считали, что сестрица Фэй ушла и больше не вернётся, хотя не видели её с вечера битвы с Тай, а сама Фэй ни с кем не попрощалась, даже с Сибиллом. Самое странное, что Аи не смогла взять её след. Но никого это не взволновало.

Сибилл места себе не находил. Несколько раз связывал поваленные деревья, пытаясь на них преодолеть Большую воду и найти варваров. Низкорослых и худых, как Фэй, совсем голых женщин он действительно нашёл. Но только не Фэй.

Он побывал за Большой водой. Взбирался на покрытые льдом горы и спускался в топкие низины. Увидел и узнал много других общин, в которых никто не слышал о Фэй.

Он уходил на поиски и вновь возвращался в их общину.

Тай оправилась от удара Фэй и снова стала главой общины. Но теперь она больше прислушивалась к другим, хотя часто ругалась со старейшинами, среди которых заправляла Джу. Сестрица Юн выносила дочь и назвала её Фэй. Даже у Аи появилась тонко мяукающая малышка Сяоаи, и на время её материнства Сибилл оставил поиски.

А потом он заснул и никак не мог очнуться. Сквозь крепкую дрему, казалось, что сестрица Фэй где-то рядом. Он даже преодолел страшную сонливость и открыл глаза.

Это действительно была она. Точно такая, какой Сибилл её запомнил, только завёрнутая в большую белую тряпку. Вновь неулыбчивая. Но теперь Сибилл рад был ей любой: обиженной, недовольной, злой. Лишь бы сестрица Фэй была рядом. Ведь он так сильно по ней соскучился.

Сибилл долго спал, но веки налились тяжестью, а усталость словно свила внутри него гнездо. Одно примиряло с таким состоянием, каждый раз, когда он открывал глаза, рядом

оказывалась сестрица Фэй. Она заботилась о нём: кормила, мыла, разминала ноги и руки. Казалось, исполнились все его детские мечты о прикосновениях и поглаживаниях. Фэй даже невесомо перебирала его волосы, когда сушила. Это оказалось очень приятно.

А ещё она говорила спокойно, мягко, словно убаюкивая. И улыбалась ему совсем как раньше.

Самочувствие становилось лучше. Сибил всё больше бодрствовал и заметил, что помещение, где они находятся совсем не похоже на хижины и пещеры, в которых ему доводилось жить раньше. Непривычно мягкая поверхность для сна находилась высоко от пола, а он считал, что ощущения такие из-за слабости. Странные запахи и еда.

— Где Аи? — первое, что он спросил, когда смог.

— Её тут нет. Прости. Мы... в другом мире. Здесь за пределами здания только солнце, песок и смерть, — ответила сестрица Фэй, которую, кажется, расстроил вопрос.

Сибилл не смог сдержать слёз, хотя знал, как их ненавидит Фэй. Он очень любил свою тигрицу и дорожил ею.

— Понимаю, это непросто принять. Нам всем приходится чем-то жертвовать ради достижения желаемого, — сестрица Фэй нахмурилась, но осторожно вытерла его слёзы, как когда-то очень давно, и всё ещё мягко увещевала.

Если бы Сибилл знал, что ради того чтобы увидеть ещё раз Фэй, надо отказаться от Аи, он бы непременно придумал какой-то другой способ быть им всем вместе.

— Ну вот, только очнулся и уже устроил слезоразлив, — нахмурилась сестрица Фэй, начиная понемногу злиться, а это был верный признак того, что в случае с Аи она ничем помочь не может.

От ворчания сестрицы Фэй, её равнодушие стало чуточку легче на душе, и Сибилл пообещал себе, что обязательно вернёт свою тигрицу. Всё для этого сделает. Непременно придумает способ.

А пока он ничего не мог сделать, отложил грустные мысли и сосредоточился на том, что ему рассказывала сестрица Фэй.

— Место, где мы сейчас находимся, не то, о котором ты помнишь, — сразу предупредила она, как только Сибилл смог сесть в кровати. — Тут тоже живут в основном женщины. Но есть и мужчины.

— Мужчины?

— Ты — мужчина. Главная особенность: строение тела. Вспомни. Ведь раньше ты же не видел женщин похожих на тебя?

— Я отличаюсь тут и тут, — указал Сибилл на свою грудь и пах.

— Верно. С возрастом отличий будет больше: в поведении, в целях, в желаниях. Это нормально. Проблема в том, что здесь мужчины... м-м... не свободны. Они всё время спят. Вроде как это нужно, чтобы они не умерли от болезни. Из-за того, что я разбудила тебя, возможно, ты быстрее умрёшь. Так что сразу говори, если будешь себя чувствовать плохо или странно.

— Хорошо, сестрица Фэй, — Сибилл не ощущал угрозы, так что легко отмахнулся от беспокойства сестрицы Фэй. Впрочем, её забота была приятна и просьбу он запомнил.

Зато новость о том, что он, оказывается, не просто так отличался ото всех кого знал, не на шутку взбудоражила. Захотелось узнать больше об этих самых «мужчинах». Сестрица Фэй сначала отвечала на его вопросы, а потом разозлилась и дала плоскую штуку, которую назвала «планшет», показывающую, как взрослая женщина учит девочек.

— Научись читать и писать, тогда сможешь сам найти все ответы на свои вопросы, — сказала тогда сестрица Фэй.

Уроки часто дополнялись списком научно-популярных и художественных фильмов, последние Сибиллу понравились больше. Когда у сестрицы Фэй был выходной, она смотрела фильмы вместе с ним, прижавшись к плечу, и даже не сильно раздражалась из-за его вопросов. Такие моменты Сибилл особенно ценил и специально откладывал просмотр на выходной сестрицы.

Один из фильмов рассказывал об утерянных технологиях погибшей цивилизации позволявших путешествовать от одной круглой, как яйцо, планеты к другой.

— Значит, когда сестрица Фэй ушла из общины, она отправилась на эту планету? В этот мир? — понял вдруг Сибилл, воображая, как Фэй отважно бороздит космические просторы на ракете.

— Не совсем. Я воспользовалась другим способом, чтобы вернуться туда, откуда пришла, и потом попала в этот мир. Но суть ты уловил верно.

— А я как оказался тут?

— Тебя здесь быть не должно, но так уж вышло. Наверное, я слишком сильно хотела увидеть тебя ещё раз... — с тяжёлым вздохом призналась сестрица Фэй.

Сердце вдруг застучало быстро-быстро, и Сибилл помимо воли улыбнулся.

— Значит, ты тоже хотела меня видеть? Я так скучал! Искал тебя везде и не находил. Я так рад, что мы опять вместе, — оторвавшись от рассказа о звезде под названием Солнце, Сибилл порывисто обнял сестрицу Фэй, наслаждаясь её родным запахом, к которому примешивался похожий на цветочный сладкий аромат.

Сестрица Фэй ободряюще похлопала его по спине, и оставила руку, не переставая обнимать.

Стало так хорошо!

Разморённый и расслабленный Сибилл так и уснул на её плече, чего не позволял себе даже когда был совсем маленьким. Тогда сестрица Фэй часто ворчала на него за то, что от горячий, потный и не помыл руки после того как охотился или доил коз. Теперь же из-за слабости большую часть времени он проводил в кровати, ничего не делал и совсем не пачкался. Видимо поэтому было можно.

Первые недели Сибилл носил халат, который выдала ему сестрица. Но когда он стал больше ходить, она раздобыла для него новую непривычную одежду: нижнее бельё, штаны и обувь подходящего размера.

Источник цветочного аромата, который ощущался от сестрицы Фэй, обнаружился в ванной комнате. На бутылочке с розовыми бутонами красивые символы складывались в название «Сны о весне». На своей коже Сибилл уже не так хорошо ощущал аромат, и пришлось плеснуть побольше.

— Фу... Чем это так воняет? — спросила сестрица Фэй, вернувшись со смены.

— Чем? — принялся вслед за ней Сибилл, но ничего особенного не почувствовал.

— Та-ак. Это ты мои духи на себя вылил? Весь флакон что ли? — сурово сдвинув брови, подошла к нему Фэй и щекотно уткнулась в макушку.

— Не всё, там ещё осталось.

— М-да?.. Это конечно...

— Слишком? — напрягся Сибилл, внимательнее приглядываясь к сестрице Фэй, которая на мгновение замерла, будто что-то вспомнив.

— С духами такое бывает. Иногда на себе их совершенно не чувствуешь. Стоит просто запомнить, что пары капель более чем достаточно. Но я всё же поищу что-то более... другое. Чтобы ты чувствовал, и сам мог понять, когда хватит их на себя лить, — она мягко растрепала его волосы.

— Но тебе же не понравилось.

Реакция сестрицы Фэй была странной. Когда-то её раздражали даже цветы в его волосах, что уж говорить о сильном запахе, который ощущался от порога комнаты. Сибилл ожидал от неё... другого.

— Если честно то, не нравится. Но я тут подумала, что выбора-то у тебя особенно не было. Может, ты бы подыскал что-то более подходящее, будь такая возможность. Мне следовало догадаться, что духи тебя заинтересуют.

Сестрица Фэй не забыла этот разговор и принесла ему несколько бутылочек духов. Из предложенных вариантов Сибиллу больше всего понравились те, что напоминали кислые фрукты, но он всё равно плохо чувствовал на себе аромат.

— Вот так нормально. Больше не лей, иначе в комнату нельзя войти, — велела ему Фэй, и Сибилл пообещал не перебарщивать.

Он хорошо запомнил прошлый урок с цветами и теперь чутко отслеживал любые признаки недовольства им сестрицы, чтобы предотвратить то самое «слишком».

Ссориться с ней ему совершенно не понравилось.

Сибилл стал ощущать себя странно. Особенно, когда видел чуть больше голой кожи сестрицы Фэй. Теперь она почти всегда ходила в одежде закрывавшей всё тело, но на ночь обязательно раздевалась. Голые ноги и руки, плотно облегавшее грудь и бёдра бельё... будоражили. Так, что Сибилл ещё половину ночи пытался успокоиться и заснуть.

Однажды утром он проснулся, не только ощущая беспокойство, но и его нижняя часть тела вела себя необычно.

— Сестрица Фэй, я чувствую себя странно, — сообщил он, когда удалось разбудить Фэй.

Раньше она сама просила сообщать о странном или плохом самочувствии. А если так проявлял себя тот ужасный вирус?..

— А это... — мельком взглянув на его проблему, зевнула сестрица Фэй и перевернулась на другой бок, спиной к Сибиллу. — Это нормально. Ты становишься мужчиной, и твоё тело меняется. Сходи в ванную. Тут два варианта либо прими холодный душ, либо погладь себя.

— П-погладить? — Сибилл посмотрел вниз и побрёл в ванную комнату.

Всё оказалось совсем не так страшно, как он уже успел себе напридумывать. Даже совсем наоборот.

Потом сестрица Фэй нашла для него фильмы, которые хорошо объясняли строение мужского тела и репродуктивной системы людей обоих полов, велев посмотреть, когда её не будет дома.

— Значит, люди делятся на мужчин и женщин, чтобы вместе создавать семью и растить детей? — встретил он сестрицу Фэй вопросом.

— Ты всё верно понял, молодец.

— А как же женщины в общине? У них же не было мужчин, чтобы получались дети.

— В том мире женщинам для продолжения рода не нужны были мужчины. Там всё было немного иначе.

Сибилл не успел спросить сестрицу Фэй, что было бы с ним в прошлом мире, от двери

раздался резкий звук и к ним ворвалась женщина.

— Он умирает, У Фэй! Это я убила Вана тем, что выпустила из лаборатории, — в отчаянии выкрикнула та с порога.

— Успокойся, Сунь Вэй. Идём к тебе, — сестрица Фэй подскочила к женщине и поспешила вслед за ней.

Вернулась Фэй задумчивой и печальной.

— Кто-то умер? — любопытствовал Сибилл.

— Пока нет, но всё к тому идёт. Похоже про болезнь это всё правда. Я думала, что раз вирус, то без носителей навряд ли он ещё существует. Да и с тобой всё хорошо. Ничего не болит, так ведь? — сестрица обеспокоенно посмотрела на него, и Сибилл энергично замотал головой. — Надо что-то придумать...

— Что?

— Как сделать так, чтобы ты остался жив, — решительно сказала она и забрала у Сибилла планшет.

Часть 2

Глава 4. Деятельная богиня

Альфэй не интересовалась тем, куда делся подопытный под номером Ви один эн, хотя подозревала, что тут не обошлось без Сунь Вэй, потому что больно спокойно та приняла его пропажу. Но чужие проблемы мало волновали на фоне собственных прозрений и переживаний.

Идиллией с Сибиллом она наслаждалась, казалось, мгновение. А потом сотворённый мир заставил обратить на себя пристальное внимание, когда коллега позвала, чтобы спасти украденного подопытного. Альфэй показалось, что на кровати лежит живой мертвец — скелет обтянутый кожей. Мужчина сильно исхудал, тяжело дышал, а на лбу его выступила испарина.

— У меня нет медицинского образования, чтобы спасти его, — призналась Альфэй.

— Но ты же с базы Афродита! Как вы справились с вирусом? — вцепилась в неё мёртвой хваткой Сунь Вэй, и что-то было в её безумном взгляде, из-за чего Альфэй не решилась игнорировать эту просьбу о помощи.

По зрелым размышлениям Альфэй поняла, что помогая мужчинам этого мира, она спасёт и Сибилла — это и заставило её принять решение в пользу того, чтобы попробовать дать им полноценную жизнь и свободу.

Альфэй написала на базу Афродита, чтобы попросить о помощи и узнать, как там спасли своих мужчин от смертельного вируса. Полученных в ответ данных оказалось столько, что Альфэй подвисла. Сложные инструкции по созданию лекарства против вируса и лабораторные журналы сразу скинула Сунь Вэй. Но даже беглого взгляда хватило, чтобы понять, что взрослых подопытных уже не удастся «вернуть к жизни». Всё же не зря на восстановление Сибилла ушло столько божественной энергии, по сути Альфэй совершила своим вмешательством настоящее чудо.

И лучше бы чтобы об этом никто не узнал. Вопросы у смертных уже появились, но по-настоящему докопаться до истины пока никто не пытался. Вариант оказаться подопытной в собственном мире, отчётливо маячил на горизонте.

— Фэй, ты пришла навестить меня? — обрадовалась ей Джо Лин, когда увидела на пороге своей комнаты. — А это кто с тобой?

— Пропусти нас внутрь, и я всё расскажу, — Альфэй напористо толкнула внутрь

Сибилла и закрыла за собой дверь. — Это Сибилл — подопытный мужчина из вашей лаборатории.

— А?.. Н-но как? — покраснела Джо Лин, а её лицо забавно вытянулось от удивления.

— Здравствуйте, сестрица Джо. Слышал, вы подруга Фэй. Она рассказывала о вас, как об очень хорошем человеке и верном друге, — тут же принялся охмурять их «клиентку» умница Сибилл.

Его большие и наивные голубые глаза в сочетании с приятной открытой улыбкой растапливали женское сердце на раз-два.

— О... спасибо, я просто... просто... — залепетала Джо Лин прижав ладони к груди.

— Мне чудом удалось освободить Сибилла и выходить, — сухо вклинилась Альфэй в нервно-романтическую атмосферу, образовавшуюся между Сибиллом и Джо Лин. — Я получила данные с базы Афродита, как можно вылечить мужчин, чтобы они смогли жить вместе с женщинами. Сунь Вэй уже работает над антивирусом... Или как там эта штука называется? Нужно начать с младенцев. Дадим им лекарство и переведём в ясли. Сейчас в лаборатории всего восемь малышей, которым мы сможем помочь.

— Это невероятно! Но... разве так можно? Вам разрешили?.. — засомневалась Джэ Лин.

— А кто должен дать тебе на это разрешение? Подумай. У вас нет начальника базы или какого-нибудь президента, только искусственный интеллект, который организует быт на базе. Кто будет решать спасать или нет маленьких детей? Машина? Их же можно вылечить, чтобы они жили и играли вместе с другими малышами в яслях.

— Я думаю, что это очень грустно провести всю жизнь не просыпаясь, — печально улыбнулся Сибилл и заглянул в лицо Джо Лин так проникновенно, что на мгновение дыхание замерло даже у Альфэй.

Паршивец мастерски научился играть на чувствах женщин!

— Да, конечно... Это же дети, — пискнула в ответ Джо Лин.

С другими воспитателями тоже удалось без проблем договориться о «спасении жизней». Альфэй напирала на то, что вытащить детей из резервуаров с питательной средой — это временное решение, а потом они непременно придумают как быть. В лаборатории и яслях женщины объединились ради общей цели.

— Значит, мужчины начали просыпаться? — спрашивали эти женщины.

— Верно. Вот только вирус до сих пор убивает мужчин. Мы получили лекарство с базы Афродита. Попробуем спасти, кого возможно, — самозабвенно мешала факты в одну кучу Альфэй.

Сунь Вэй смогла добиться помощи в приготовлении лекарства, первую дозу она испытала на своём Ване, которому действительно стало лучше, но он так и не очнулся. Вторую дозу Альфэй отвоевала для Сибилла, а остальные использовали для младенцев, которых извлекли из жутких резервуаров и перевели сначала в госпиталь, а потом и в ясли. Несмотря на отставание в развитии те оказались вполне жизнеспособными.

— Почему твой Сибилл пришёл в сознание? Говорит? Ходит? Что ты для этого сделала? — Сунь Вэй уже не молила о помощи, а буквально орала посреди столовой, привлекая всеобщее внимание.

Попытки воздействовать на её сознание слетали, как паутинка. Более грубое вмешательство потребовало бы от Альфэй больше сил, но не это самое важное, а то, что насилие над свободной волей плохо сказалось бы на её карме и в дальнейшем на карьере. В

конце концов, требовалось не просто подтолкнуть смертного к нерациональным действиям, а силой заставить изменить твёрдо принятое решение, основанное на собственных целях, ценностях и убеждениях.

— Видимо Сибилл оказался более устойчивым к этому вирусу, — спокойно ответила Альфэй, которая видела только одну причину такой «устойчивости» — вмешательство бога.

Сунь Вэй отступила, но не успокоилась. Из хорошей знакомой она превратилась во врага. Бескомпромиссно искала правды, обличала Альфэй, настраивала против неё женщин базы и добивалась всестороннего обследования Сибилла, которого Альфэй прятала в своей комнате. Она строжайше запретила мальчишке открывать двери посторонним и шататься одному по базе. Боялась, что не уследит, и Сибилла закатают обратно в прозрачную банку на радость вивисекторам в белых халатах.

— Сестрица Фэй, я и сам могу за себя постоять. И уж точно никому больше не позволю закрыть себя в лаборатории, — убеждённо уверял её Сибилл.

Ему наивность была простительна в отличие от Альфэй. Ведь много ли знал и понимал клон смертного с искусственной памятью, которому исполнилось чуть больше четырёх месяцев?

Ради их с Сибиллом безопасности пришлось инициировать расследование смерти старика, который умер одновременно с исчезновением подопытного Ви один эн из лаборатории. Разумеется, это привлекло внимание к случаю, когда точно так же был похищен из лаборатории Сибилл. Альфэй и Сунь Вэй отстранили от работы в лаборатории.

И вот, в один далеко не прекрасный день Сунь Вэй напала на Альфэй, вколоснотворное.

Первым вернулся звук немного нервных шагов. Тело плохо слушалось, а реакция запаздывала. Альфэй очнулась привязанной к стулу посреди комнаты, в которой жила Сунь Вэй. На столе рядом маниакально ровными рядами были выложены нагревательные приборы, ножи, ножницы, скальпели и какие-то жидкости в склянках.

Из двух кроватей в комнате, одну занимал всё в таком же безнадёжно бессознательном состоянии подопытный Ван.

— У Фэй, ты мне расскажешь всё, — пообещала Сунь Вэй, заметив, что Альфэй подаёт признаки жизни. — Всё же вы с Джо Лин слишком похожи, мните себя самыми добренькими, а как доходит до дела, притворяетесь ничего не понимающими курицами! Я не буду больше с этим мириться. Ты за всё мне ответишь. Это ты виновата. Ты во всём виновата!

— И вирус — это тоже я? — спросила её Альфэй.

Голова всё ещё кружилась, нужно было выиграть немного времени, чтобы придти в себя и дать отпор. Раздражало, что какая-то смертная угрожает ей и диктует свои требования, хотя Альфэй физически намного сильнее и могла одним ударом положить всей этой ситуации конец.

Впрочем, Альфэй лучше всех знала, что вирус, как и Четвёртая мировая война, как и весь этот мир — её рук дело. Болезненно всколыхнулись совесть и чувство вины, но усилием воли Альфэй сосредоточилась на главном сейчас.

— Ты знаешь, о чём я. Не притворяйся большей дурой, чем ты есть! Сибилл понимает тебя и улыбается. А Ван не просыпается! — Сунь Вэй зарыдала.

— Ты любишь его, так ведь?

— Да что ты знаешь?.. Обо мне. О нём. Тем более о любви. Я увидела его впервые на

школьной экскурсии. Ему, как и мне было шестнадцать. Мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что он тот самый человек, с которым судьбой мы связаны красной нитью. Мой любимый Ван. О мой... Ван, я обязательно спасу тебя. И ты, У Фэй, мне поможешь, даже если не хочешь этого, — во взгляде Сунь Вэй вспых тёмный огонь предвкушения.

Подумалось, что, будь это мир фэйри или монстров, женщина точно стала бы какой-нибудь жуткой жутью. Потому что даже являясь человеком, она вызывала нервную дрожь отвращения напололам с опасением.

Альфэй достаточно пришла в себя, чтобы, опережая действия Сунь Вэй, разорвать путы. Она рывком поднялась, заваливаясь на противницу, и вырубилла ту с одного касания. Уж удар она рассчитала филигранно, помня просчёт с Тай в прошлом мире.

— Отчаявшаяся женщина — это страшно, — пробормотала Альфэй, на всякий случай, проверяя пульс у своей противницы.

Выждав ещё несколько минут и превозмогая головокружение, Альфэй воспользовалась планшетом Сунь Вэй, чтобы сообщить о случившемся Джо Лин.

Сунь Вэй пришлось ответить не только за похищение и попытку убийства Альфэй. Но и за смерть подопытного, которого она убила, чтобы скрыть похищение из лаборатории своего Вана.

Оказалось, что даже за серьёзные преступления тут не казнят, а лишь надевают электронный ошейник и ссылают в отдалённое здание базы, где провинившиеся выполняют самые тяжёлые работы, в основном вне стен базы, что сильно влияет на продолжительность жизни.

— Жалко Сунь Вэй. Она хорошая, просто запуталась, — Джо Лин промокнула глаза, без слёз о своей бывшей подруге она теперь не вспоминала.

— Для хорошего человека, она слишком легко убивает, — не согласилась с ней Альфэй.

— Я позабочусь о Ване, мне разрешили навещать его в лаборатории. Тут ничего не поделаешь, ему требуется особый уход, — эти слова Джо Лин заставили Сибиллу нахмуриться, но он промолчал.

Альфэй бы могла добавить, что Сунь Вэй явно получала удовольствие от власти над беспомощной жертвой. Или что за эту заботу о Ване Сунь Вэй, скорее всего, возненавидит её, чем будет благодарна, но не хотела ещё сильнее расстраивать Джо Лин.

Отношения между друзьями были ответственностью этих самых друзей. Альфэй вот, тоже запуталась в своих чувствах к Сибиллу настолько, что бессознательно создала его копию.

Часть 2

Глава 5. Неунывающая богиня

— У Фэй, что теперь делать?! Подруга сказала мне, что они закончили и... по твоему делу решили, что Сибилла нужно вернуть обратно в лабораторию, — сказала зарёванная Джо Лин, когда Альфэй приняла видеозвонок.

— Старые перечницы из ума выжили, — скрипнула зубами Альфэй.

Преступления рассматривали старшие и самые уважаемые женщины базы. Она не смогла добиться встречи с ними, чтобы убедить в том, что Сибилл, такой же человек, как и любая женщина, и что он безопасен для жизни на базе и для мира в целом.

Ещё после истории с Сунь Вэй, их с Сибиллом попытались расселить. И если бы дело было только в популярности и востребованности единственного мужчины, то и ладно. Но Альфэй опасалась, что его по-тихому усыпят снова, поэтому категорически отказалась

выпускать мальчишку из поля зрения.

И вот теперь оказалось, что она не зря перестраховывалась.

Одно радовало, что младенцы из лаборатории уже точно выведены из-под удара. Сейчас за ними наблюдали, чтобы решить, как быть со следующими поколениями мужчин базы. Новых клонов растить собирались в яслях, из расчёта пять мужчин ежегодно. Мало, но в будущем их уже ждала не лаборатория.

— Это просто в голове не укладывается. Жестоко и бесчеловечно, — продолжала причитать Джо Лин. — Не понимаю, как они могли?..

— Зато я понимаю, — вздохнула Альфэй.

В своём родном мире она видела, на что способны потерявшие берега фанаты. Обезумевшая толпа — похлеще стихийного бедствия. Единственный дееспособный мужчина на базе женщин — это не шутки. Сибилла могли порвать на сувениры. И решение держать его в лаборатории ради его же блага было вполне логичным.

Вот только Альфэй оно в корне не устраивало.

— Когда меня опять усыпят? — взволнованно спросил Сибилл, тоже находившийся в комнате и слышавший их разговор с Джо Лин. — Я не хочу больше в лабораторию!

Сибилл резко отвернулся от неё и яростно потёр глаза. Но Альфэй успела заметить его слёзы.

Мальчишка был безнадежен. Всё такой же ранимый и капризный, как она помнила. Страшная плакса.

— Собирайся, мы уходим, — велела Альфэй.

Она достала из-под кровати несколько коробок, в одну из них запихнула весь свой скудный запас одежды и планшет.

— Вот, я забрал твои и мои духи. Ещё мыло, оно вкусно пахнет, — протянул ей Сибилл вместе со своей одеждой.

Альфэй только закатила глаза. В такой ситуации подумать о духах... Мальчишка не исправим!

Коробки они поделили между собой поровну и двинули в сторону ангара с техникой. Допуск Альфэй всё ещё позволял беспрепятственно ходить по базе и покидать её пределы.

Альфэй давно продумала и подготовила вариант бегства с базы. Даже если на Артемиде решат освободить своих мужчин, до того как те вырастут, пройдёт не меньше шестнадцати лет, за это время женский состав базы заедит Сибилла до состояния зомби, и это в самом благоприятном прогнозе развития событий.

Лучшим из возможных вариантов Альфэй видела переселение на Афродиту, видимо, единственное место в этом мире для полноценной жизни мужчин. А она хотела для Сибиллы спокойного существования, счастья и всего самого хорошего. Хватило уже одного раза, когда она не проконтролировала его будущее и теперь расплачивалась за это.

— Ого, это же тот вездеход, о котором рассказывали в лекции про путешествия по Бесконечной пустыне! — воскликнул Сибилл.

— Молодец, на лету схватываешь, — похвалила его Альфэй, разбираясь с магнитным замком. — Как раз путешествие по пустыне нам и предстоит. Махнём на базу Афродита, посмотрим, как там люди живут.

— Это туда, где мужчин не заставляют всё время спать, и они свободны? — выдохнул Сибилл, пристально наблюдая за тем, как Альфэй складывает коробки в багажник и достаёт два приготовленных заранее защитных костюма со шлемами.

— Ага. Держи, это твой. Переодеваемся и погнались, пока нас не хватились, — она протянула второй костюм, но вместо того чтобы взять его, Сибилл налетел на неё с объятиями.

— Спасибо тебе, сестричка Фэй. Ты из-за меня... Спасибо. Я знал! Ты всегда заботилась обо мне, — всхлипнул он.

— Эй, у нас нет времени на все эти... Ох, ладно. Только не реви. Не реви, я сказала, — проворчала Альфэй, похлопав мальчишку по широким плечам.

Переживая бурные проявления чувств, Альфэй пришла мысль о том, как же неудобно, наверное, рыдать и сморкаться в шлеме. Впрочем, он в машине им и не понадобится.

— Ну всё, нам стоит поторопиться, — потрепала она Сибилла по плечу, когда тот притих.

Быстро переодевшись и закинув вещи назад, Альфэй вывела машину из ангара.

С автопилотом они разобрались довольно быстро. Сибилл блеснул знаниями, почерпнутыми из видеоурока, а Альфэй применила немножко своих божественных сил, блокируя входящие сигналы с базы Артемида, чтобы их не смогли вернуть.

— Круто! Мы так быстро едем. Фантастика, — Сибилл возбуждённо вертелся на пассажирском сидении и щедро делился своими впечатлениями.

За затемнёнными стёклами тянулся унылый однообразный пейзаж Бесконечной пустыни.

— Это ещё медленно. Если бы не песок, а ровная и твёрдая поверхность можно было ускориться в два-три раза, — улыбнулась его наивности и непосредственности Альфэй.

— Класс! — благоговейно выдохнул Сибилл.

— Технологии зависят от мира. Где-то такие скорости недостижимое чудо, в других — пережиток прошлого.

— А в твоём мире?

— В моём родном мире примерно тот же уровень в технологиях. Там, где я сейчас живу, больше полагаются на магию... ну или энергию Ци.

— Магия? Прямо как в сказках про волшебников? — едва не открыв рот, слушал её Сибилл.

— Да, что-то вроде того.

Резерв пополнялся медленно, но верно. Рано или поздно Альфэй должна была уйти отсюда, и на этот раз стоило попрощаться с Сибиллом, чтобы не тащить его образ в свои следующие миры.

— Однажды ты снова уйдёшь? — вопрос Сибилла прозвучал раньше, чем Альфэй успела настроиться на серьёзный разговор с ним.

Всё же интуиция у пацана была бешеная.

— Ты всё верно понял, — Альфэй заставила себя прямо посмотреть в глаза погрустневшего Сибилла. — Я не могу оставаться тут до бесконечности. И даже до конца твоих дней. Но мне важно, чтобы с тобой всё было хорошо. Чтобы ты жил долго и счастливо, — она растрепала его завязанные в короткий хвостик волосы.

— Я всегда счастлив, когда рядом счастлива сестрица Фэй, — от волнения голос Сибилла сделался глубоким, а взгляд голубых глаз, словно засветился и показался неоновым.

Дыхание прервалось от тревожного предчувствия, а сердце застучало чаще.

— А я хочу, чтобы ты был счастлив вообще всегда и даже когда меня рядом нет. Это же не значит, что меня нигде не существует.

— Это значит, что мы сможем встретиться в другом мире? — пытливо спросил Сибилл.

Боги не могли врать. Как бы ни хотелось продлить их знакомство, у Альфэй были свои цели и задачи. У неё не было времени играть со смертным в семью, дружбу или любовь. И от этого стало грустно.

— Даже боги не всесильны, — уклончиво ответила она, начиная злиться.

— Боги? Причём здесь они? Мы не сможем больше встретиться? — продолжал допытываться настырный паршивец.

— Да, не сможем! Будет лучше, если ты спокойно проживёшь свою счастливую жизнь, — не выдержав, закричала Альфэй.

Ну почему он всегда такой? Не успокоится, пока не выведет её из себя. И почему, тёмные боги всё побори, так больно?!

— Ты сказала, что хотела увидеть меня в этом мире. Значит, больше не хочешь? — голос Сибилла звучал ровно, хотя он отвернулся от неё к своему окну.

— Это не так, не передёргивай, — разговор всё больше бесил Альфэй.

— Ты не любишь меня, — раздался отчётливый всхлип.

— О... вот только не ной. Ладно... Давай пример. Ты же любишь Аи? Но оказался тут без неё. Такое случается. В этом нет твоей или её вины. И она по тебе, наверняка, тоже скучает. Но в этом мире вы уже не встретитесь...

— Но мы могли бы встретиться в другом, — прогундел в нос упорный сопляк.

— Ты сначала научись попадать в эти самые «другие миры». Это не так-то просто, знаешь ли. А порой процесс вообще бесконтролен.

— Ты не можешь контролировать это? — повернулся к ней Сибилл, глаза которого покраснели, а на щеках виднелись отчётливые дорожки слёз.

Под пристальным взглядом Альфэй он утёрся рукавом.

— Я не могу рассчитать время пребывания в мирах, — призналась Альфэй. Её резерв то пустел по непонятной причине, то резко наполнялся. И это было ни разу не нормально.

— Значит, уйдёшь ты не сейчас, — пытливо прищурился Сибилл.

— Время ещё есть. Точно успею устроить тебя на Афродите и проследить, чтобы тебя не закатали обратно в лабораторию.

— Хорошо.

Альфэй видела, что Сибилл не смирился, а отступил как в драке. Она отлично знала его тактику. Там, где Альфэй пошла бы напролом, Сибилл отступал и придумывал другое решение. Отчего-то вспомнилось маниакальное упорство Сунь Вэй, и беспокойство, тяжестью разлилась в груди.

Если бы Сибилл был, как Сунь Вэй, от него вполне можно было ожидать укола снотворного. И тогда в лаборатории на месте подопытных мужчин оказалась бы уже она — богиня, запертая в мире смертных до скончания дней... Дней этого мира. Чаще всего, после «гибели мира» боги освобождались. Если смертные не успевали до того уничтожить их тело, что было не так-то просто.

На Афродите их встретили весьма доброжелательно. Выделили комнату — одну на двоих. Альфэй вышла на работу, а Сибилл сел за парту с мальчишками и девчонками своего возраста.

Соотношение мужчин и женщин тут действительно оказалось примерно равным. Сибилл забавно таранился на мужчин и первое время был занят общением с «себе подобными». Альфэй же убедилась, что никто обижать его не собирается, а Сибилл

способен отстаивать своё мнение и сам о себе позаботится даже в её отсутствие.

— Как тебе тут в целом? — спросила его Альфэй спустя две недели их пребывания на Афродите.

— Здесь интересно. Здорово учиться вместе с другими. А ещё приятно то, что я не единственный мужчина. Это совсем не то, что в общине или на базе Артемида, — с энтузиазмом принялся делиться Сибилл.

— Рада, что у тебя всё хорошо, — улыбнулась Альфэй.

— Ты уходишь? — напрягся Сибилл, мигом растеряв всю свою лёгкость и довольство жизнью.

На Афродите, стоило ей отвлечься от переживаний, проблем и необходимости нянчиться с Сибиллом, уровень наполненности резерва резко скакнул вверх.

— Да, мне пора, — не стала смягчать Альфэй, и, глядя на капризно дрогнувшие губы, жёстко добавила: — Только не устраивай сцен! Это с самого начала было неизбежно.

— Ты не можешь забрать меня с собой? — Сибилл размеренно и глубоко задышал, часто заморгал, стараясь сморгнуть набежавшую влагу.

— Прости, это совершенно невозможно, — начала злиться из-за его упрямства Альфэй.

В этот момент она почти возненавидела мальчишку. Как же с ним было сложно! Ну почему, он не мог просто отпустить её?

— А потом ты пойдёшь в следующий мир? — хрипло спросил Сибилл, запрокидывая голову наверх, но пара слезинок всё равно скатились вниз.

— Да. Мне нельзя останавливаться.

— Я понял.

— Прощай? — спросила Альфэй, осторожно дотрагиваясь до его плеча, ей было важно завершить их с Сибиллом историю сейчас.

— Нет уж, до встречи, сестрица Фэй! — наплевав на непрерывно катившиеся из глаз слёзы, Сибилл упрямо встретил её взгляд.

Даже не обнял её на прощание, паршивец.

Альфэй тяжело вздохнула и исчезла на глазах Сибилла. Последнее, что она увидела, как по лицу Сибилла прошла судорога боли, и он окончательно перестал себя сдерживать. Ну что за плакса!

Часть 2

Глава 6. Уставшая богиня

Вернувшись в свой павильон, никакого удовольствия от проделанной работы Альфэй не почувствовала. Только печаль и гнетущее ощущение неправильности того, что произошло.

Какой-то смертный полностью выбил её из колеи, лишив предвкушения и желания вновь творить. Альфэй стянула кофту и швырнула её на пол.

Стоя под душем, она ещё улавливала отголоски последнего сотворённого мира. Ощущала, что у Джо Лин всё будет хорошо, база Артемида постепенно пойдёт по пути Афродиты. Но судьба Сибилла вновь ускользала от неё.

Даже нормальная еда и огромная мягкая постель не радовали. Неприятный осадок от расставания с Сибиллом всё портил.

Утром, сразу после завтрака, Альфэй отправилась в Золотой павильон. Её словно сковали апатия и безразличие ко всему.

— Вижу, что ты старалась. Осознала свои ошибки и встала на путь их исправления. Только не стоит так сильно привязываться к смертным. Но в целом твоё сотворение стало

лучше, стажёр А, — похвалил её наставник Ли. — Расскажи о своих основных промахах в этом мире.

— Слишком сильно сосредоточившись на одном аспекте мира, я уделила непозволительно мало внимания другим его составляющим. Но и то, на что я потратила большую часть своих сил, не удалось, — тяжело вздохнула Альфэй.

— Как думаешь, почему?

— Потому что не проработала свои установки, даже не подумав заглянуть в бессознательное. Сама себе противореча, я разделила людей на женщин и мужчин, но всё равно сделала нежизнеспособными последних. Мои претензии к мужчинам стали вирусом, уничтожающим их в этом мире.

— Теперь зная это, вспомни откуда пришли претензии и самое главное найди что-то хорошее во всех мужчинах, с которыми сталкивалась. То, что тебе понравилось в них. Даже если это только внешность. То, что они сделали для тебя, в чём помогли. Например, наставники дали важные знания, а отец — жизнь. Найди в себе крупицу благодарности.

— Я постараюсь.

Задумавшись над словами наставника, Альфэй не заметно для себя пришла в сад вечноцветущих вишен. Деревья, усыпанные цветами, как и земля — их лепестками настраивали на созерцательный лад, размышления о вечном и проходящем. Облака на земле, под лучами поднимающегося всё выше солнца, постепенно истаивали.

Отец Альфэй — У Чжунь всегда был добр к ней и не вмешивался в воспитание дочери, которым больше занималась мама. Папа любил, баловал и называл своей принцессой. Впрочем, он также молчаливо вставал на сторону мамы, которая поучала, упрекала в недостаточной женственности и требовала заняться личной жизнью и поисками мужа.

Со старшим братом — У Чжанем точек соприкосновения у Альфэй было мало. Он не интересовался её жизнью и увлечениями, как и она его. Они словно разговаривали на разных языках. О жизни брата Альфэй узнавала от мамы, которой не нравилось, что между собой её дети практически не общаются. В детстве Альфэй ревновала родителей к брату и постоянно соревновалась с ним. Но это не значит, что брата она не любила. Наоборот собранный и спокойный, он больше соответствовал её представлению об «идеальном мужчине» нежели мягкий, любящий пошутить, постоянно сглаживающий углы отец. Альфэй уважала брата за его неколебимую уверенность в себе и своих выборах.

После того как вознеслась, первое время Альфэй часто навещала родителей и брата во снах, объяснила что с ней произошло и убедила не волноваться. Ближе к увяданию родителей она приходила к ним всё реже, слишком тяжело оказалось видеть их такими, пока однажды не смогла пробиться в их сны. От брата Альфэй узнала, что опоздала. Сначала за грань ушла мама, а потом отец, который до последних дней жизни ждал свою принцессу, чтобы попрощаться. Об этом Альфэй не любила вспоминать.

Первый её молодой человек Сё Жулан... этот мажор и бабник очаровал Альфэй красивыми жестами и умением ухаживать. С ним она чувствовала себя красивой и желанной. Ощущала, что достойна дорогих цветов, подарков и ресторанов. Конфетно-букетный период был прекрасным.

Последний мужчина Альфэй перед вознесением — Линь Би умел слушать и, казалось, во всём понимал её и поддерживал. Она так сильно открылась ему, ощущая себя ранимой и обнажённой до доньшка души. Что разочарование оказалось фатальным для её дальнейших отношений с мужчинами.

Начальник Альфэй, которого она когда-то в своей смертной жизни практически возненавидела, на самом деле считал, что ограничивая её деятельную натуру и амбиции, таким своеобразным образом защищает её от нехороших людей и ситуаций. Контролировал каждый её шаг, а на жалобы, что на другом посту она была бы полезнее, загружал ещё большим ворохом заданий и дел. Как же она бесилась тогда. Какие кары мысленно сулила мужчине! Сейчас смешно вспомнить.

Наставники, на которых Альфэй часто злилась из-за их патриархальных воззрений, учили нужным и полезным вещам, давали много информации и примеров из жизни. Что немаловажно ни один из них не приставал к ней и не делал непристойных предложений.

Её маленький смертный друг Сибилл несмотря на совсем не мужественное поведение — все эти слёзы, сопли, излишнюю впечатлительность и прилипчивость... Он нравился Альфэй. На самом деле мальчишка оказался верным и надёжным другом. Даже учитывая то, что любил цветы, красивые побрякушки и духи.

Ежан... Альфэй невольно улыбнулась, вдруг ощутив тонкий аромат цветов вишни.

Их знакомство началось с соперничества. Вернее соперничала только Альфэй. Злилась из-за каждого чуть хуже сделанного, чем у Ежана, задания. Ревновала к нему наставников и соучеников. Подозревала в нечестности и подлизывании.

Даже отличные манеры и внешнюю красоту ставила ему в упрёк. Всё же когда мы хотим видеть в других лишь дурное, то не заметим и хорошее. Этот урок наставника Ли Альфэй поняла и приняла всем сердцем.

— Наставник Ли сказал, что ты уже вернулась. Неужели так увлеклась смертными, что совсем забыла обо мне? Очень хочу тебя увидеть. Сообщи, когда сможешь встретиться, — словно откликаясь на её мысли, раздался голос Ежана.

Альфэй резко развернулась и ещё успела увидеть очертания растворившегося в воздухе божественного посланника в виде кота. Ответ отправить она не успела.

— Вот ты где! — нетактично ткнула в неё пальцем подружка Ежана хорошенькая стажёрка И. — Ежан сказал мне подружиться с тобой. Можешь называть меня Сяои, а тебя я буду звать Сяоа. Идём.

Не дожидаясь ответа, она схватила Альфэй за руку и потянула за собой.

Раньше Альфэй слышала, как между собой другие боги называют богинь какими-нибудь милыми именами и прозвищами, но к ней с подобными глупостями никто не лез. Впрочем, в исполнении Сяои такие заявления воспринимались нормально.

— Но я же тебе совсем не нравлюсь, — возразила Альфэй, когда от такой бесцеремонности к ней не сразу вернулась способность говорить.

— Ну и что? Ради Ежана я могу сделать что угодно, хоть с сотней богинь подружусь, — запальчиво сказала Сяои, в своей непосредственности она была даже мила.

— И куда ты меня ведёшь? — осторожно уточнила Альфэй, старательно пряча улыбку.

— В свой павильон. Устроим небольшой девичник. Иногда женщинам нужно, немного пространства, чтобы подумать и отдохнуть. Сложно всё время соответствовать ожиданиям мужчин.

— Так может не нужно им соответствовать, а просто стоит оставаться самой собой?

— Ты что, совсем глупая? — бросила на Альфэй жалостливый взгляд Сяои. — Кому ты настоящая нужна? Мужчины выбирают удобных женщин. Хорошо воспитанных. Вежливых. Не доставляющих проблем.

Что прискорбно, Сяои верила в то, что говорит. Альфэй же думала иначе, что

настоящий мужчина способен выдержать пусть неудобную, но любимую женщину. Она хотела верить, что Ежан именно такой.

Павильон оказался до приторности «девчачьим» с охалками одуряюще пахших цветов и полупрозрачными красными шторками. Пока Сяои суежилась, накрывая на стол и складывая в сторонку приличную горку из косметики и различных средств, предназначенных для наведения красоты, Альфэй отправила Ежану божественного посланника, предупреждая, что будет у себя поздно.

В чём-то Сяои оказалась права, под её неумолкающий щебет Альфэй невольно расслабилась, позволяя нанести себе на лицо маску, которая, по заверениям новой подруги, вернёт коже сияние и эластичность. Сяои привела её ногти в порядок, долго распинаясь о том, что статус женщины и её возраст определяется по состоянию рук.

Чай и пироженное с марципаном стали отличным завершением вечера. Альфэй не ожидала, что так хорошо проведёт время со своей давней противницей. Оказывается, всё что было нужно, чтобы они поладили — это чтобы Ежан попросил Сяои быть дружелюбнее.

Вернувшись к себе, Альфэй с удивлением поняла, что чудо-маска для лица действительно хороша, и теперь она выглядела на двадцать пять лет: выровнялся тон кожи, разгладились небольшие мимические морщинки, которые она успела нажать. Собственное отражение в зеркале принесло чувство удовлетворения.

Альфэй улыбнулась и вызвала божественного посланника.

Ежан пришёл быстрее, чем она рассчитывала, её волосы всё ещё оставались влажными после душа, да и накинуть на голое тело она успела только полупрозрачный пеньюар.

— Ты всё больше и больше меня поражаешь, — признался Ежан, взгляд которого, когда он осмотрел Альфэй с ног до головы, пожалуй впервые, загорелся лихорадочным страстным огнём.

Горячие руки коснулись шеи, подбородка, скул и вплелись в её волосы, притягивая ближе. Требовательные губы будили жажду, вовлекали в головокружительную игру, подчиняли раскалённому сладострастию.

Уступив доминирующую позицию, на этот раз Альфэй действительно ощутила себя нужной и желанной. Оставила свой напор и требовательность, доверилась, позволяя во всём вести Ежану.

Впрочем, он и сам проявлял непривычную активность и напор. Дарил столько ласки, что Альфэй, захлёбывалась ею. Каждое прикосновение, грозило стать той последней каплей, за которой срывается голос и затихаешь без сил.

Альфэй теряла связь с реальностью снова и снова, ощущая себя бескрайним океаном: глубоким и неистовым под порывами тайфуна. И не жалела ни о чём в своей жизни.

— Так, что у тебя случилось, что ты захотела первым увидеть наставника Ли, а не меня? — подперев голову рукой Ежан внимательно посмотрел на неё сверху вниз.

— Запоролла свою вторую попытку. Расстроилась. Вот и забыла обо всём на свете, кроме этого, — пожалала плечами Альфэй, откидывая с лица мешающую длинную прядь волос.

— Хэй, я думал, что просто забываем!

— Ну, прости, если это так ранило тебя.

— Да ты просто безжалостна... В чём твоя проблема с созданием миров? Мне казалось, что ты с первого раза сделаешь всё идеально.

— Я никак не могу сотворить жизнеспособных мужчин в своих мирах. Если и создаю, то всё равно, так или иначе, убиваю.

— Звучит пугающе, знаешь ли, — широко улыбнулся Ежан и зашипел от боли, когда Альфэй двинула ему кулаком в плечо. — Определись, зачем тебе нужны мужчины. Пока ты не видишь в них ни смысла, ни выгоды, ни ценности, обмануть подсознание не выйдет.

— Звучит так, словно у тебя были такие же сложности.

— Не угадала. Мне старшие рассказывали об этом. А я не представляю жизни без женщин, так что в этом плане и стараться не пришлось.

— Старшие?.. — напряглась Альфэй. — Только не говори, что ты схитрил?

— Между прочим наставник Ли советовал обратиться за помощью. С первого раза мало у кого вообще получается хоть что-то приличное сотворить.

— Так это не первые твои миры? — подскочила на кровати Альфэй, чтобы быть на одном уровне с Ежаном.

— И не только мои. Мы тут тридцать лет уже, многие обзавелись полезными знакомствами. Это не запрещено, — сел на постели Ежан, выставляя перед собой ладони то ли в примирительном жесте, то ли в защитном.

— Ну ты и... лис-оборотень!

— Такой же соблазнительный? — ухмыльнулся Ежан.

— Изворотливый и хитрый!

— Сочту это за комплимент. Ты же не будешь на меня злиться из-за того, что я использовал все возможности, чтобы лучше подготовиться к стажировке? — Ежан выглядел действительно обеспокоенным.

— Ты прав в том, что просить помощи не запрещено и даже получать практический опыт до стажировки, — нехотя признала Альфэй, хотя и чувствовала себя задетой.

Она-то считала, что начала стажировку на равных с соучениками, но отчего-то в таких вещах она всегда ошибалась.

На этот раз она не позволила Ежану остаться на ночь. При любом неблагоприятном раскладе Альфэй собиралась непременно обойти всех с кем училась, неважно какие там у них были поблажки, хитрости и предпочтения. Даже если ей не суждено победить, то она точно покажет что с ней не стоит шутить.

Третья бусина в чётках нагрелась в её руках.

Альфэй вспомнила Ежана и его совет. Что же она точно знала, что мужчины нужны хотя бы для получения удовольствия.

Отец и брат поддерживали Альфэй, даже когда она стала богиней. Они дарили чувство защищённости.

Плакса Сибилл. Несмотря ни на что до конца оставался верным соратником и другом, на которого можно положиться.

Как бы Альфэй ни отрицала это, в её жизни были мужчины, в том числе значимые и небезразличные. С этой уверенностью, она закрыла павильон и настроилась на работу.

Теперь она сосредоточилась на взаимодействии известных ей счастливых пар: мамы и папы, брата с женой, надёжно спрятав мысли о Сибилле, чтобы точно не тащить его ещё и в третий мир.

Часть 3

Глава 1. Шокированная богиня

Тело изменилось на глазах. Мышцы взбугрились, ломко и угловато трансформировалось строение скелета. Нечто подобное Альфэй помнила из урока об оборотнях, которые точно так же перекидывались, принимая свою звериную форму. Казалось, тело горит изнутри, а по

венам словно копошится рой взбесившихся насекомых. Руки покрылись рыжей шерстью, а ногти отрасли едва ли не на длину пальцев, заострились и загнулись. Перевернув руки ладонями вверх, Альфэй с неудовольствием увидела загрубевшие выпуклые «мозоли», расположенные по типу звериной лапы: в центре ладони коричневело перевернутое «сердечко» в окружении пяти выпуклых подушечек.

Альфэй покачнулась, устоять на изменившихся задних конечностях оказалось той ещё задачей. «Пятки» ушли сильно выше, а сама «стопа» строением напоминала кошачью или собачью лапу. Благо колени и бёдра остались почти человеческими, и разобраться в принципе прямохождения было возможно. Сзади под платьем она нащупала и вытянула на свет пушистый рыжий хвост с коричневым кончиком.

Скосив глаза Альфэй увидела собственную вытянувшуюся морду с чёрным носом. Подняв руку, ставшую лапой непонятного зверя, нащупала большое мохнатое ухо. А вот копна длинных каштановых волос на меховой шкуре смотрелась откровенно странно и точно отсутствовала у оборотней.

В памяти всплыл другой вид разумных существ с похожим строением тела — зверолоди. Вживую Альфэй их никогда не видела. Посвящённый им урок помнила смутно, поскольку никогда не собиралась населять свои миры этими сомнительными с точки зрения человеческого здравого смысла существами. Зато она отлично помнила картинку ещё из своей добожественной жизни, эту разновидность жизни на родине называли «фурри».

Альфэй опустила голову вниз и оттянула свободный ворот платья. Все её опасения оправдались: грудь почти не изменилась, разве что стала такой же мохнатой, как и всё остальное тело, а венчали её светло-коричневые, выглядывающие из рыжей шерсти, соски.

— Оказывается, оборотни ещё очень даже прилично выглядят в своей звероформе, — пробормотала Альфэй.

Пока она отходила от шока и убеждала себя смириться с ситуацией и не тратить заряд артефакта-накопителя на экстренную эвакуацию из только что сотворённого мира, окружающие кусты подозрительно зашуршали, и к ней вышел антропоморфный рыжий с белыми подпалинами лис в набедренной повязке в виде передника из кожи рептилии.

— Привет, красавица! Не видел тебя раньше в лисьем племени. Ты зря одна тут ходишь, — дружелюбно оскалился лис.

— Это угроза? — насторожилась Альфэй, уж больно заезженный «подкат» использовал лис.

— Нет, что ты?! — всполошился тот, дыбля шерсть и прижимая к голове уши, его паника словно осела в носу и на языке. — Я ничего плохого не имел в виду. Меня зовут Рыжий весельчак. Если хочешь, я провожу тебя на территорию лисьего племени, — предложение Весельчак сопроводил неуверенным вилянием хвоста, и Альфэй подвисла, наблюдая за своевольной конечностью.

Собственного хвоста она совсем не чувствовала, и он висел сзади безжизненным пушистым отростком.

— Проводи, — кивнула Альфэй.

Шла она неуверенно, ещё и длинное платье путалось в ногах. Наконец Альфэй не выдержала и разорвала подол когтями, оставив прикрытыми только бёдра.

— Не видел, чтобы лисицы в племени носили такую одежду, — заметил Весельчак.

— Я не из этих мест, — пожала плечами Альфэй.

Её больше волновало другое. Очевидно, люди в этом мире отсутствовали, в противном

случае она осталась бы человеком. Судя по реакциям Весельчака тут вполне гармонично сосуществовали женские и мужские особи. А это значит, что Альфэй всё же удалось решить свою проблему с мужчинами, пусть и с третьей попытки. Этот мир — приемлемый результат сотворения.

Наставник не станет придираться к виду разумных существ, главное, что гармония Инь и Ян достигнута. Но будучи честной сама с собой Альфэй понимала, что её смертные совсем неспроста оказались больше животными, чем людьми. Неожиданная проблема, в которой требовалось разобраться и в идеале исправить, но... уже не в этом мире. Ещё один вызов, от которого она не собиралась бежать, в буквальном смысле поджав хвост.

Впрочем, хвост всё так же не подавал признаков жизни и больше мешал при ходьбе, чем помогал.

— Так ты Дикая? — осторожно уточнил Весельчак, от которого повеяло любопытством и опаской.

— Что это значит?

— Дикие не признаю Великий договор племён. Хищники продолжают охотиться на травоядных, даже если те разумные. Большинство травоядных состоят в Договор. Но не всех хищников он устраивает. Бывает, что Дикие охотятся даже на своих сородичей, принявших Договор. Безумные фанатики, пьянеющие от крови.

— Это точно не мой случай, — передёрнуло от отвращения Альфэй.

Беря в рассуждениях за отправную точку проблему озвученную Весельчаком, легко можно было определить главную задачу этого мира — сохранить цивилизованность, и не скатиться обратно к животному существованию.

— Так как тебя зовут? Ты не представилась, — отвлѐк от мыслей о сотворѐнном мире Весельчак.

— Догадаешься сам? — оскалилась в отчет Альфэй.

— О, давай попробую! Загадочная штучка. Нет? Чернохвостая лисичка. И это мимо? Насмешливая рыжуля. Суровая самка. Опять не то? Холодная красавица. Зубастая милашка. Э... только не скалься так зверски... Прелестная незнакомка. Снова не угадал? Хоть подсказку дай, жестокая...

— Фэй, — едва слышно выдохнула Альфэй, которую утомила эта игра в угадайку явно развлекавшегося Весельчака.

— Жестокая фея? — встопорщил уши Весельчак, по своему поняв её. — У твоих родителей своеобразное чувство юмора. Но тебе это имя подходит.

— Да уж получше Штучки, Лисички и Рыжули, — отмахнулась от него Альфэй.

Не всё ли равно, как будут называть её смертные, которые не вспомнят о ней через несколько местных лет.

Поселение лисьего племени зверолодей представляло собой заросшие плодовыми кустарниками холмы, внутри которых были вырыты норы. Встреченные антропоморфные лисы щеголяли всевозможными вариантами раскрасок: от чисто чёрных, белых, рыжих, бурых, до пятнистых и полосатых, со смешением двух и трёх цветов. Все без исключения щеголяли в чём-то похожем на передники или фартуки из кожи, прикрывавшие бѣдра и пышную грудь у лисиц.

На Альфэй и Весельчака смотрели с любопытством, отчётливо принюхиваясь. До них тоже долетал запах интереса и азарта. С Весельчаком здоровались, как и он со всеми встречными лисами, но не пытались задержать. Наоборот наиболее любознательные,

тянулись вслед за ними на расстоянии.

Ближе к центру поселения растительность редела, а холмы становились всё выше. Пока они с Весельчаком не вышли на ровную, свободную от холмов и растительности площадку, утопанную так, что на ней почти не осталось травы.

— Ты привёл с собой чужачку, — встретил их в центре лисьего поселения высокий мускулистый угольно-чёрный лис с квадратной мордой и глубокими шрамами на левом предплечье, переходящих на широченную рельефную грудь.

— Она бродила на границе с территорией Диких, Вождь, — растеряв всю свою лёгкость и шутливость ответил Весельчак.

— Кто ты, и что делала на нашей территории? — обратился Вождь к Альфэй.

— Можете звать меня Жестокой феей. Я заблудилась. Законы Диких мне отвратительны, — заверила его Альфэй.

Собравшиеся вокруг них лисы обрадовано зашушукались, а через обоняние удалось распознать их одобрение и облегчение.

— Что же... — сурово сощурился Вождь. — Ты можешь остаться с нами. Займёшь свободную нору. Рыжий весельчак познакомит тебя с нашими традициями и обычаями. Если окажется, что ты обманула меня и связана с Дикими, то пеняй на себя.

Окружающие лисы одобрительно заворчали, кто-то, приветствуя, похлопал Альфэй по плечу. К ней подходили поздороваться и познакомиться. В этой кутерьме Вождь быстро затерялся.

— Мне показалось, что Вождь недолюбливает Диких, — заметила Альфэй, стоило им с Весельчаком вырваться из толпы доброжелательно настроенных лис.

— У него личная неприязнь. Чёрный охотник стал Вождём в одной из стычек с Дикими. На его глазах пал прошлый Вождь, его отец. И сам Чёрный охотник получил ранения. До этого в племя принимали Диких, желавших измениться, но нынешний Вождь прогоняет всех, кто хоть как-то связан с Дикими.

Общая граница с Дикими неизбежно должна была привести к стычкам. Во всех мирах соседние государства жили так, а тут ещё и маньяки, которые в любой момент могут открыть охоту на своих разумных соседей.

— Что ты делала в своём племени? — спросил Весельчак.

— А чем вы обычно занимаетесь? — ушла от ответа Альфэй.

— Лисицы и лисята собирают ягоды, растения и грибы. Лисы охотятся на ящеров. Конечно, бывают и лисицы-охотницы...

— Я не умею охотиться и убивать, — перебила его Альфэй.

— Никто и не заставляет тебя это делать, — фыркнул от смеха Весельчак.

Он привёл Альфэй к небольшому холму поросшему земляникой. Нора оказалась круглой внутри с большим отверстием, в которое они оба легко прошли, пригнувшись, и скромным круглым окном, в которое при необходимости можно было вылезти.

Весельчак помог Альфэй набрать травы, чтобы застелить пол, и показал, где ближайший ручей для питья.

— Бабушка-лиса, я привёл тебе новую помощницу, — сказал Весельчак, обращаясь к низенькой бурой с проседью лисице, когда они подошли к группе лис, собиравших землянику.

— Слышала про новенькую. Бери корзину и приступай к работе, — подслеповато зыркнула на Альфэй та и вернулась к лисятам, которым показывала, как собирать ягоды.

Весельчак протянул сплетённую из прутьев корзину Альфэй и пристроился рядом, ссыпая ей пригоршни земляники.

— Старшие лисицы учат молодых: что и где собирать, как приготовить. Так что утром иди к своей Старшей, и она скажет, что делать. Ужины проходят на центральной поляне, позже я найду за тобой — пойдём вместе, — напоследок пообещал Весельчак, оставив Альфэй собирать ягоды.

Монотонное занятие разбавляли разговоры лисиц и лисят. Полные или не очень корзинки Бабушка-лиса уносила в нору, которая служила лисам погребом.

Ягоды источали сильный сладкий аромат, а на вкус оказались сочными и сытными. Стало понятно, отчего про совместные завтраки и обеды Весельчак не упомянул, в течение дня тут каждый заботился о себе сам. Звериному организму хватало и одного плотного приёма пищи в день.

— Сок ягод пачкает мех, его нужно скорее смыть. Сестрица-лиса, идём с нами купаться, — окликнула Альфэй белошёрстная лисица с голубыми глазами, когда со сбором ягод было покончено. — Меня зовут Белая красавица.

Альфэй оскалилась, представившись в ответ, и присоединилась к группе лисиц. К реке маленькими компаниями пришли и другие лисицы и лисята, собиравшие вместе с ними ягоды.

Кожаные передники и фартуки, заменявшие здесь одежду, лисята и лисицы поскидывали на берег, устроив весёлую возню на мелководе. Вскоре вода стала мутной, и Альфэй окунувшись выше по течению, выбралась на берег.

По примеру других лисиц она отряхнулась от воды и попыталась натянуть обратно свою одежду. Тонкая ткань рвалась в лапах, а когда Альфэй кое-как натянула на себя платье, то поняла, что ходить в таком виде хуже, чем голой. От воды ткань стала прозрачной, облепляя второй кожей и не оставляя простора для фантазии.

— Нет, в этом ходить нельзя, — покачала головой Красавица, и подозвав мелкого лисёнка с похожим запахом, послала того за запасной одеждой.

Пока из реки вышли и оделись подружки Красавицы, лисёнок вернулся со свёртком кожи, которым оказался такой же, как и на других лисицах местный аналог фартука. Сзади непривычно поддувало и осталось ощущение незащищённости тылов. Но если подумать, то все интимные места скрывал повисший сзади хвост, которым Альфэй совершенно не владела: ни сознательно, ни подсознательно.

— Теперь хорошо, можно вернуться в племя, — одобрила Красавица.

Лисицы проводили Альфэй до её нового жилья, но она и сама чувствовала, где её нора. Не помнила, а именно чуяла по какой дороге уже проходила раньше.

До прихода Весельчака она успела вздремнуть, свернувшись клубочком на приятно пахшей свежестью траве.

— О... тебе уже дали шкуру рептилии, — повесил хвост и уши Весельчак, когда увидел на Альфэй обновку. — Тогда эта будет запасной: — он протянул свёрток кожи, который оказался ещё одним фартуком.

На центральной поляне племени было не протолкнуться: брёвна по краю заняли старшие лисы, в центре расположились более молодые. Лисицы с наполненными снедью корзинами разносили их по широкому кругу.

Альфэй попробовала всего по чуть-чуть: рыжие грибы, дутые коренья, сладкие ягоды и вяленое мясо. Различные виды сырого мяса, которые разносили молодые лисицы, есть она

не отважилась.

Солнце окончательно скрылось за горизонтом, на небо выкатилась большая луна, и вылетели яркие светлячки, в свете которых и без костра Альфэй отлично всё видела.

— У вас красиво, — шепнула она Весельчаку.

— Да, красиво, — пристально уставился на неё Весельчак, и Альфэй отчего-то смутилась.

Шум голосов постепенно стих, и лисы один за другим подняли морды к луне. Вой вышел мелодичный с тонким подтягиваньем.

А потом издалека, донеслись приглушённые вой, ржание и рычание других зверолодей.

— Ты никогда раньше не слышала песню ночи, — Весельчак заметил, как Альфэй крупно вздрогнула.

— Слышала, но не со всех сторон, будто нас окружили.

— Всё в порядке. Это волки, мустанги и медведи, их племена состоят в Договоре. А вот севернее — тигриное племя Диких.

— На границе с ними ты меня нашёл?

— Верно. Тигры одни из сильнейших хищников, мы справляемся с ними, только объединившись с волками и медведями. Постарайся не ходить больше в том направлении, — обеспокоенно заглядывая ей в глаза, Весельчак взял в свои лапы её кисть.

— Хорошо, — улыбнулась в ответ на его заботу Альфэй.

Жизнь в шкуре антропоморфной лисицы оказалась не так страшна, как воображала себе Альфэй. Главное, что эту самую шкуру было не так-то просто прокусить комарам и мошкам, а засохшая колкая трава не доставляла особых неудобств.

Альфэй словно стала ближе к природе, ещё сильнее, ещё выносливее. Она ощущала прежде ускользавшие от неё взаимосвязи в мире обострившимся нюхом и слухом. И всё же был в бытие зверолодей один жирный минус: туалет в кустиках. Особенно нервировал и подавлял тот факт, что её «делишки» по запаху мог опознать любой соплеменник-лис вплоть до времени оставления, состояния здоровья и половозрелости «творца». Зато Альфэй чуяла куда ступать, чтобы самой не вляпаться. В сравнении с невозможностью как следует уединиться, со всем остальным удалось смириться довольно просто.

Часть 3

Глава 2. Гулящая богиня

Чем дальше Альфэй наблюдала за своим творением, тем больше оно ей нравилось. Конечно, зверолоды чуть подпортили её триумф, но это уже был полноценный мир, разделённый на Инь и Ян составляющие, со своими законами и смертными, которые способны осознать существование богов и начать поклоняться им. В идеале Альфэй мечтала сотворить мир, смертные которого поклонялись бы ей, как Верховной богине. Тогда о пустом резерве можно было забыть навсегда.

В этом же мире, смертные ещё не созрели для какой бы то ни было религии, они даже не пользовались огнём. Еду добывали и ели сырой, если не считать высушивания и вяленья на солнце. Помогало то, что урожай собирали трижды в год, а снег выпадал только на севере в горах, разделявших племена тигров и медведей и являвшихся нейтральной территорией, на которой никто не жил, кроме редких изгоев. Так что в тёплой одежде нужды не было, зверолодам хватало собственного меха.

Кроме смертных в мире также обитали рыбы и рептилии. Привычные карпы и сомы, ящерицы и змеи, даже крокодилы на юге, на границе территорий мустангов. А также

мифические динозавры, повезло, что размеры местных разновидностей не превышали двух метров. Вот пернатых птиц тут не водилось, вместо них летали птеродактили и крылатые ящерицы со змеями, чьё мясо напоминало куриное.

Спустя две недели Альфэй досконально изучила быт лисьего племени. Она ждала наполнения резерва, чтобы одним глазом взглянуть на Диких и сразу же уйти из этого мира.

— Ты уже выбрала партнёра на течку? — ошарашила Красавица, когда они собирали грибы на прогалине в лесу у границы медвежьего племени. — Твой запах изменился, пора задуматься.

— У меня течка? — Альфэй вспомнила, что Весельчак в последнее время был напряжён и вёл себя дёргано. Его поведение она никак с собой не связывала, да и информацию о местных особенностях взаимоотношений полов... Альфэй и подумать не могла, что течки и гоны, как-то коснуться и её. Она же богиня, в конце концов?!

В этом мире поиск пары был сильно завязан на физиологии: запахах, феромонах, гормонах, что способствовало поиску так называемой «истинной» пары и зачатую сильного потомства. В определённые периоды организм зверчеловека запускал все свои ресурсы на одну единственную цель — продолжение рода.

— Пока нет, но со дня на день начнётся. Тебе ещё никто не дарил мужской цветок?

— Э... нет, — потерянно пробормотала Альфэй.

Мужские и женские цветы ей видеть доводилось. Они росли огороженными у одной их лисьих нор и напоминали мужские и женские половые органы, откуда и пошло название цветов. Плотные, упругие, словно резиновые цветочные головки оказались в этом мире весьма востребованы. Они плохо рвались, зато стебли отлично срезались.

Цветы принято было дарить предмету своего любовного интереса, давая тем самым понять о желании заняться любовью и перейти к более близким отношениям. У цветов было ещё одно удобное и ценное для зверолодей свойство — их сок заменял смазку, которая для существ с внушительными клыками и зубами оказалась незаменимой. Всё же подготовить партнёра, используя только язык, представлялось делом муторным.

— Не затягивай с выбором партнёра, иначе рискуешь оказаться в объятиях первого встречного лиса, — нахмурилась Красавица, а её запах подсказал, что она действительно беспокоится.

— Благодарю за совет, — оскалилась Альфэй.

Конечно, её совсем не прельщало побывать в шкуре течной лисицы, но и страшного ничего в этом не видела. Впрочем... при мысли о совокуплении с животным, пусть и разумным Альфэй передёрнуло. Что же она готова была признать, что у неё проблемы!

— Норы для течек и гонов находятся в стороне от жилых нор. Но ты не сможешь в одиночестве переждать течку, — втолковывала ей Красавица. — Природа всё равно возьмёт своё, только чем больше сопротивления своей сути, тем больше теряешь разум и ведёшь себя, как Дикая.

— Из-за какой-то глупой течки? Зачем она вообще нужна?! — в сердцах возмутилась Альфэй.

— Ты ведёшь себя, как маленькая лисица перед первой в жизни течкой, — фыркнула Красавица. — Течка нужна для зачатия сильных лисят, конечно же. Через это проходят все лисицы.

— Это несправедливо! Почему именно лисицы? — всколыхнулись у Альфэй застарелые претензии к неравенству женской и мужской социальных ролей и функций.

— Потому что у лисов есть их гон, когда они ведут себя агрессивно и затевают между собой драки. Когда они ни о чём, кроме течной лисицы не могут думать. Лис не вынашивает лисят, у него своя ответственность: защищать лисицу-мать и добывать пропитание, — тяжело вздохнула, но всё так же терпеливо продолжила рассказывать Красавица. — У тебя будто течек никогда не было...

— Не помню такого, — проворчала Альфэй.

Признаться в том, что у неё действительно никогда не случалось подобного состояния, было бы странно, хотя бы потому, что другие лисы считывали её, как зрелую, а не юную и невинную лисицу. И Альфэй действительно давно распрощалась с невинностью, но лисой-то при этом она не была!

— Ты настолько отрицаешь свою сущность, что не помнишь, как проводишь течки? — ахнула Красавица. — Послушай, всё не так плохо. Течка — это не что-то ужасное. Совсем наоборот. Это волнительно. Ну, может слегка неудобно и непривычно, но... приятно. Более чем. А если ещё и партнёра самой выбрать, то совсем хорошо. Старые лисицы поговаривают, что если потеряешь голову из-за течки, то можно и на межплеменную сцепку нарваться. Я бы посмеялась над нелепицей, если бы не знала точно, что в нашем племени есть детёныши мустангов, волков и медведей, даже тигр был, но его ещё прошлый Вождь прогнал к Диким. Вне течки лисицу привлекают только соплеменники, а вот в её уязвимый период всё возможно. По этой причине очень важно принять свою сущность и следовать её природе. Чем больше ты в мире с собой, тем спокойнее проходит течка и другие периоды. Тогда именно ты сама принимаешь решения и выбираешь жизненный путь, а не случайность и первый встречный обрюхативший самец.

— Э... вау, — пробормотала Альфэй.

Красавица действительно её впечатлила. Альфэй не ожидала столь разумного подхода от зверолоудки, но та сумела её удивить. Даже богини на Небесах рассуждали о «любви с первого взгляда», что с «милым рай в шалаше» и всё можно простить лишь бы этот самый «милый был рядом».

Если задуматься, то Альфэй никогда не присматривалась к мужчинам и не выбирала их. Во всех её отношениях инициатором оказывался мужчина, а она хваталась за предложенную возможность почувствовать себя желанной женщиной, будто за спасательный круг. Ведь её заметили, рассмотрели и за что-то полюбили. На момент своего согласия встречаться она мало что знала о мужчине, как о человеке. Вернее у неё были только поверхностные представления о личности Сё Жулана, Линь Би... Ежана.

Альфэй задалась вопросом, пыталась ли она рассмотреть в своих мужчинах личность? И вынуждена была признаться, что ей достаточно было своего представления... иллюзий о мужчинах. Узнать чего же они хотят, и о чём мечтают, она не стремилась. Считала, что «мужикам одно надо» и «все они одинаковые». Мнила, что никем не интересуясь, этим защищает себя от разочарования.

— Знаешь, я, пожалуй, последую твоему совету и присмотрю себе партнёра на течку, — сказала Альфэй.

Убежать из собственного мира она всегда успеет. Но испытание течкой вдруг стало важно пройти с честью и доказать самой себе, что способна сладить с собственной «животной сущностью».

Хотя перспектива совоплощения с животным, всё ещё вызывала отвращение. И никакая «разумность» не облегчала задачи. На Небесах встречались говорящие фамильяры-

помощники: лисы, коты, кролики, птички. Но при всей своей сообразительности и разумности, они оставались животными. Встречались и такие магические звери, которые принимали человеческий облик, но что-то от животных в них всегда оставалось: уши, рога, крылья или хвост.

Альфэй было сложно воспринимать представителей нечеловеческих рас как равных и тем более сексуально привлекательных. В родном мире господствовали люди и её это более чем устраивало. Пусть она сто раз будет ксенофобкой, но кроме того что сексуальное поведение животных отличается от человеческого, у многих видов ещё и половые органы устроены иначе. Она совершенно не хотела разбираться в чуждой людям анатомии на собственном опыте.

— Присмотрись к Рыжему весельчаку, он надёжный и заботливый друг и лис. С ним тебе не придётся ни о чём беспокоиться, — подсказала Красавица.

Альфэй стала замечать мелкие знаки внимания от Весельчака, который сторожил, когда она купается, чтобы её не побеспокоили, каждый день заходил за ней, чтобы поужинать вместе со всеми, объяснял, как и что устроено в лисьем племени.

Из имеющихся вариантов, Весельчак оказался единственным приемлемым в качестве партнёра на течку. Поэтому, когда на следующий день после разговора с Красавицей, он ткнулся носом в её нос на прощание, Альфэй стерпела.

Наутро Весельчак явился с корзиной, в которой из земли торчал этот похабный мужской цветок. Так сказать во всеоружии.

— Это тебе, — смущаясь, он пихнул в руки Альфэй растение, трясущее зелёными с синими жилками листьями и синей головкой в форме мужского детородного органа на широкой «чаше» из прочных синих лепестков.

Пока Альфэй приходила в себя, вспоминая цивилизованные обороты речи, поклонник ретировался со скоростью ветра.

По зрелым размышлениям, она всё же оценила презент. Кто знает, как анатомия зверчеловека отличается от человеческой, и что там с размерами половых органов. Течка, в идеале, должна была позаботиться о том, чтобы самке всё понравилось и партнёр не смог ей навредить, но... Альфэй совсем не доверяла животным инстинктам и предпочитала о собственном комфорте и безопасности позаботиться заранее, не надеясь на разгорячённого гормонами самца.

В любом случае традиция дарить избраннице мужской цветок существовала неспроста. Из-за идиотского смущения такой жирный намёк и попытку облегчить ей жизнь точно не стоило игнорировать.

Свой интимный помощник-цветок Альфэй поставила в норе у окна, чтобы на него падал свет, и занялась своими обычными дневными делами: помощью в сборе растений, кореньев, грибов и ягод.

К цветку она вернулась только ночью. До норы её проводил Весельчак и через окно, увидев свой цветок, обрадовано завилял хвостом. На прощание он уже уверенно ткнулся носом в нос Альфэй.

Цветок оказался чудо как хорош. С выделившимся соком, изучение своей новой анатомии прошло, как по маслу. А широкое из-за прочных, упругих лепестков основание не давало потерять скользкую цветочную головку-игрушку.

Теперь Альфэй даже немного предвкушала эротическое приключение. Видимо перед течкой организм уже был правильно настроен.

Но, несмотря на всю подготовку, Альфэй всё равно оказалась морально не готова. Она собирала грибы в лесу у границ медведей и тигров, когда нагрелась течка.

— Идём, — мягко потянул её Весельчак, который после дарения цветка не отходил от неё ни на шаг.

Альфэй позволила увести себя от лисиц и лисят, но чем ближе они подходили к поселению лисьего племени, тем хуже ей становилось. Запахи усилились и стали невероятно раздражать, а больше всего запах лиса, который ухватился за неё своей лапой.

— Я не пойду с тобой, — Альфэй остановилась и выдернула свою переднюю конечность из хватки.

— Н-но почему? — удивился и расстроился Весельчак.

— Мне не нравится запах. Не только твой, но и всех лисов.

— Межплеменная сцепка может быть опасной, — действительно заволновался он.

— Я и не собираюсь идти в другое племя. Спрячусь подальше ото всех. Когда ты меня нашёл, я же тоже была одна, — дала «подсказку» Альфэй.

— О... так у тебя есть убежище? И с тобой всё будет в порядке? — неуверенно пробормотал Весельчак.

— Будет отлично, не переживай. У меня есть план. За мной не ходи!

Весельчак потеряно мялся, но приблизиться и остановить её больше не пытался. Видимо от Альфэй слишком отчётливо пахло отвращением.

Обрадованная, что удалось легко отделаться от начавшего раздражать лиса, Альфэй сделала вид, что идёт на нейтральную территорию у подножья гор. На самом деле, пройдя её насквозь, она углубилась в горы. По слухам там можно было укрыться и действительно уединиться ото всех.

Альфэй бросало в жар, временами накатывала слабость, низ живота тянуло, а сознание начало мутиться. Но она чётко улавливала запахи звероловцев и старалась держаться от них подальше. Освежающий запах снега дал понять, что она почти достигла своей цели, когда новый восхитительный аромат придал ей сил, низ живота занял настойчивее, и Альфэй позорно заскулила.

Доводы, что она сильная и вообще богиня, не помогали. Альфэй устремилась на пряный и возбуждающий запах половозрелого самца.

У самой пещеры её буквально сбило с ног тяжёлое, мускулистое и вкусно пахшее тело. Она блаженно уткнулась в источник сногшибающего аромата у мощной тигриной шеи. Восприятие словно раздваивалось, сквозь очертания зверя отчётливо проступил человеческий облик.

— Я знал, что обязательно найду тебя, сестрица Фэй! — буквально прорычал какой-то слишком родной для незнакомца зверочеловек и принялся с мурчанием вылизывать лисью морду Альфэй.

— Что?.. Сибилл? Как ты вообще... — вяло попыталась она связать слова в удобоваримую конструкцию, но после узнавания, мозг окончательно сдался.

Альфэй обхватила мощный торс ногами, потёрлась об откровенно готовое к бурному продолжению мужское тело, и лизнула тигриную морду пахшего удивлением и абсолютным счастьем Сибилла.

— Прости, милый... Но мне очень надо, — сладко выдохнула Альфэй, прежде чем взять то, в чём так нуждалась.

— Мр-милый?.. Ты странно себя ведёшь... — задохнулся от её телодвижений

Сибилл. — И пахнешь... очень вкусно. Я... мне... очень... слишком!

— Да... слишком, — шепнула она в мохнатое круглое ухо, отчего Сибилл вздрогнул. — Хорошо.

И окончательно потеряла желание говорить, но другие свои потребности удовлетворила полностью. Под действием течки жажда казалась безумной, а наслаждение запредельным. Альфэй потерялась в ощущениях, в ласках, в тихом благоговейном шёпоте Сибилла. Ощущая себя самой красивой и желанной под пристальным взглядом горящих невыносимо ярким огнём голубых глаз.

Она не думала ни о чём, существовала только здесь и сейчас, и впервые в чужих объятьях нашла и полностью приняла себя.

Часть 3

Глава 3. Отказывающая богиня

Сибилл верил сестрице Фэй... по крайней мере старался. Потому что если она его обманывала, то ему будет намного больнее, а она снова назовёт его «нытиком». Да и не хотелось думать о том, что Фэй просто оставила его позади.

Он не смирился.

Из общения с другими мужчинами Сибилл понял, что женщины легко принимают навязанные им правила. Фэй к тому же действовала прямолинейно и в лоб. Она была не сильна в хитростях. И верила, что глобально ничего не может изменить.

Оставшись один в совершенно чужом мире, без Аи, Сибилл впервые узнал, что такое одиночество. Он усердно изучал всю доступную информацию, особенно ту, о которой так или иначе упоминала Фэй: магия, энергия Ци, боги. Какие-то практики, вроде медитаций, его даже научили делать.

Он не сдавался.

Сибилл хотел оказаться в том же мире, что и Фэй. Если у него как-то получилось переместиться один раз, то непременно получится ещё. Сестрица Фэй признавала, что сама не знает, как он оказался в том же мире, что и она.

Он продолжал пробовать.

Семь лет показались бесконечными в бесплодных попытках переместиться вслед за Фэй. Сибилл начал думать, что она уже сменила несколько миров, и что он безнадежно опаздывает, не успевая за ней. Тем не менее, каждый раз закрывая глаза, он настраивался на поиски важного для себя человека.

После того как Сибилл уснул в одном мире, а потом только благодаря сестрице Фэй проснулся в другом, он опасался проваливаться в глубокий сон. Может поэтому с медитацией у него в итоге всё получилось и даже если ему удавалось уснуть, то спал он очень чутко.

На этот раз он почти уловил момент перехода. Казалось, он только моргнул, находясь в полудрёме, и всё изменилось. Мир точно был другим. Зелёным, больше похожим на родину Сибилла, чем на мёртвую пустыню с выживающим в бетонных коробках баз человечеством.

Обросшее шерстью тело повергло Сибилла в панику. Он не понимал, что происходит. Даже испугался, что каким-то образом забрал тело у Аи, больно знакомые полосы нарисовались на его песочного цвета меху. Несколько успокоили, падавшие на глаза, собственные светлые пряди волос.

Одежда порвалась во время трансформации, двигаться в ней оказалось неудобно, и Сибилл срезал отросшими острыми когтями с себя остатки тряпья — тигру они точно были

ни к чему.

Потом он наткнулся на племя полутигров-полулюдей и понял, что каким-то образом стал одним из них. Встреченные полутигры покрывали тела шкурами местных крупных ящеров, и недоумённо косились на голого Сибилла, который успел привыкнуть к собственной наготе.

— О ещё одного ублюдка что ли выгнали из лисьего племени? — вслух удивился встретившийся Сибиллу на границе поселения полутигров самец. — Слышь, котёнок, нам тут слабаки не нужны. Хочешь присоединиться, придётся доказать, что ты достоин.

Сибилл хорошо знал повадки животных и человеческих самцов, поэтому даже не дослушав до конца ринулся в бой, подсечкой опрокинув недовольно рыкнувшего тигра, и удерживал какое-то время «доказывая» свою силу и что с ним стоит считаться.

— Я ищу... самку, — объяснился Сибилл.

— Это-то понятно, — последний раз недовольно дёрнулся под ним тигр. — Слезь с меня. Тяжелый.

Пока встреченный первым самец вёл его за собой, высыпавшие из пещер полутигры смотрели на Сибилла настороженно, но агрессии не проявляли.

— Выгнали из племени... — долетело до слуха приглушённое рычание.

— Что-то натворил?..

— Так тигр же...

— А чего срам не прикрыт? Всё отобрали? Или совсем охотник никудышный?

— Я — Вождь тигриного племени — Ускользящий хвост приветствую собрата в своём племени, — прервал чужие голоса ровный рокот, вышедшего навстречу Сибиллу мощного самца с тёмной, почти коричневого цвета шкурой, в светлую полосу. — Кто ты? И что здесь делаешь?

— Меня зовут Сибилл. Я остался один и ищу... самку, — представился он.

— Бедняжка... — зароптали окружающие их тигры.

— Какая жестокость...

— Имени нормального нет...

— Ты можешь присоединиться к нам. Имя тебе дадим после первой совместной охоты, — решил Вождь.

Послушав совета седой тигрицы, Сибилл выбрал себе пещеру из имеющихся свободных. Туда он натаскал веток и травы, чтобы застелить каменное дно. Рядом крутились молодые тигрицы, но в первый день, как не присматривался и не принимался, он так и не встретил в племени Фэй. Ему казалось, что если бы она жила в этом мире, то непременно стала бы такой же полутигрицей, как он.

На следующий день Сибилла позвали на охоту. В речной долине, словно страусы или кенгуру, стайками паслись бегавшие на двух задних мускулистых ногах с короткими передними лапками и длинными гибкими шеями ящеры разной травяной окраски.

— Подождите, вы так и нападёте на стадо в лоб? — удивился Сибилл, когда полутигры клином двинулись было в долину с дичью.

— А ты знаешь, как их подманить к себе что ли? — съязвил самец, которого Сибилл встретил в поселении тигров первым.

— Нет, но ветер дует нам в... морду. Мы можем воспользоваться этим. Разделимся на группы: две будут гнать стадо на засаду, которую не почуют. Так охотники сберегут больше сил.

— Зачем разделяться? Мы что каких-то зелёных хвостов не поймаем, по-твоему? — заспорил самец.

— Тихо, — оборвал его Ускользящий хвост. — Попробуем этот способ охоты.

Тигры разделились на три группы. Две группы-загонщиков обошли выбранное стадо справа и слева, заходя в тыл. Ветер, доносивший запахи дичи, дул в морду Сибилла, оставшегося с третьей группой в засаде. Новый порыв принёс запах тигров. Рептилии оторвались от жевания травы, нервно задёргали ноздрями, засвистели и ринулись на засаду.

Сигнал к атаке дал Ускользящий хвост, тёмной стрелой врезаясь в стадо. С обеих сторон от него смыкали кольцо с загонщиками, оставшиеся в засаде тигры.

Затаившийся за валуном, Сибилл выбрал особь покрупнее, подпустил ближе и с рыком погнал её на соседних рептилий. Замешкавшуюся дичь он огрел по филейной части, сталкивая животных, отчего строй стада окончательно сбился, и напуганные им рептилии понеслась в обратном направлении на загонщиков. Сибилл же настиг свою цель и вцепился зубами в горло, метя клыками в шейные позвонки. Обнял сопротивляющуюся тушу когтистыми передними лапами и использовал задние, чтобы распороть брюхо.

Залившая морду и лапы, тёплая кровь на вкус оказалась сладковатой и терпкой. Слух будоражило рычание тигров и верещание убежавших рептилий. Сердце учащённо стучало от азарта, но Сибилл сдержался. Как бывалый охотник он знал, что мясо мало поймать, его необходимо сохранить. И брать больше чем съешь, означало обречь себя в дальнейшем на голод.

Его тактику охоты и манёвр с заворачиванием движения стада отметил Вождь:

— А ты хитрый... Хитрый коготь! — придумал он тигриное имя Сибиллу.

— Точно! Столько дичи у нас давно не было, — подхватил один из тигров.

— Да так и говори, что никогда. Отличная охота.

По возвращении, Сибиллу вручили обработанную для ношения шкуру рептилии, словно признавая его право стать одним из племени. Вечером, когда полутигры собралось, чтобы отведать свежего мяса, загонщики и охотники, присутствовавшие на охоте, живописали смекалку Сибилла, хвастались дичью и своими подвигами по её поимке.

— Такая охота другим племенам и не снилась! — шумели тигры.

— Да лисы небось одним зелёным хвостом три луны пировать могут...

— Лисы и волки едят меньше дичи. Медведи всеядны, их кормят ягодные и грибные леса. Мустанги вообще не едят мяса. Они не понимают, что нам для пропитания нужно больше охотничьих угодий. Их Великий договор совершенно невыгоден тиграм, — втолковывал Сибиллу Вождь.

Рассуждения об отличиях племён полутигров, полулис, полумедведей и прочих Сибилл слушал вполуха. Недовольство иными традициями и потребностями казалось ему несущественным.

Несмотря на то, что его хорошо приняли, а тигрицы предлагали провести вместе течку, Сибилл пробыл в племени недолго, пока не убедился, что Фэй там нет.

Тигры сказали ему, что в горах живут одиночки, а ещё, что у самок других племён иногда появляются тигрята. Начать искать сестрицу Сибилл решил с гор.

Добывать пищу на крутых склонах, оказалось сложнее, зато мясо, спрятанное в снегу, дольше не портилось. Сибиллу понравилось быть полутигром, он стал намного сильнее, а чуткие обоняние и слух позволяли почти всегда возвращаться с охоты с добычей. Ещё одним плюсом звериного восприятия стало то, что он теперь реже тосковал по сестрице Фэй и Аи.

Вместо того, чтобы скучать, он тратил время на выживание и поиски, которые неожиданно закончились.

Фэй, как всегда, нашла его сама.

Он не успел ни удивиться, как следует, ни расспросить, только дрожал и рычал под градом непривычных ласк. Держал в своих руках ставшую ещё ниже и легче чем помнилось Фэй, наконец, в полной мере осознавая, как она ему нужна, и что всё-таки чувствует к ней. Ведь он любил её даже злой и обиженной, отстранённой и безразличной. Если бы он только знал какой она может быть... Сибилл ещё больше уверился, что не отступится от своего намерения следовать за Фэй.

Первые трое суток им было не до разговоров. Голову вело от желания насытиться драгоценной близостью самого дорогого существа. Этот мир словно задался целью вознаградить его за годы ожидания и одиночества.

В прошлом мире Сибилл видел в фильмах подобные взаимодействия между мужчинами и женщинами. Как-то раз даже остался наедине с девушкой, которая очень уж настаивала, но отчего-то тогда у них ничего не получилось.

Глядя на доверчиво прижавшуюся к нему Фэй в облики рыже-бурой полулисы, Сибилл начал понимать отчего у него не сложилось с той девчонкой. Он не помнил, чтобы кто-либо другой, кроме Фэй, вызывал у него такие же глубокие чувства.

Фэй в его объятьях заворочалась, сладко зевнула и потянулась. Сибилл с трепетом ждал её окончательно пробуждения, собственное сердцебиение оглушало.

— Доброе утро, — выдохнул он.

Ещё до того, как запах Фэй потяжелел, налился сожалением и гневом, по стремительно распахнувшимся и сразу же зло сузившимся золотым глазам он понял, что просто не будет.

— Как ты здесь очутился? Это же невозможно!.. — Фэй вывернулась из его хватки, и Сибилла передёрнуло от налетевшего холода.

Он сел, ощущая потребность находиться как можно ближе к, вскочившей и заматавшейся по пещере, Фэй.

— Я очень сильно хотел тебя увидеть. Учился медитировать. Мечтал оказаться в том же мире, что и ты. Закрывал глаза и думал о переходе.

— Это плохо. Хуже, чем я думала... — забормотала она, пробегая от одной стены пещеры, в которой обосновался Сибилл, к другой.

Фэй пахла отчаянием и горечью утраты, она совершенно погрузилась в свои мысли и, казалось, даже не осознаёт, что он всё ещё здесь.

— Почему? Мы же наконец встретились, — для Сибилла именно это оставалось самым главным.

— Тебя не должно тут быть. Я всё для этого сделала, — отрезала Фэй.

— Так сильно не хотела меня видеть? — от прострелившей грудь боли, Сибилл задыхался неглубоко и поверхностно. Перед глазами помутнело от непролитых слёз.

— Теперь это не имеет никакого значения. Не вздумай больше приближаться ко мне.

— Но... почему? Разве ты сама не хотела быть со мной? Я думал, что теперь мы всегда будем вместе.

— Ладно. Этот момент действительно стоит прояснить. У меня была течка — период, в которой самке абсолютно плевать с кем заняться сексом. Так получилось, что во всём этом грёбанном... Короче, в мире этом нет людей. Я решила, что поскольку меня не привлекают запахи зверюшек, то удастся пересилить себя. Но тут появился ты, а тебя я знала, как

человека и... В общем ты просто оказался единственным человеком в этом мире. А так-то мне есть с кем кувыркаться в постели.

— Кувыркаться в постели?.. — убито повторил за ней Сибилл, и слёзы всё же пролились.

Он был абсолютно прав, когда думал, что Фэй способна сделать ему очень и очень больно. Если вспомнить, она и раньше это делала... Никто, кроме неё не мог так глубоко его задеть и буквально утопить в отчаянии и боли. Хуже того, теперь с ним не было Аи, которая помогла бы пережить сложный период и залечить раны.

— Какой же паршивый расклад, тёмные боги всё побери! Только я решила, что наконец-то у меня всё получилось, и тут снова ты. Да даже толпа спятивших от течной самки кобелей была бы не так ужасна. Как же от тебя теперь избавиться? Наставник говорил, что уничтожить не получится...

Наверное, у любой боли есть предел. Странно было слушать рассуждения Фэй о его уничтожении, ощущать её непримиримость и неприятие, ведь раньше она его спасала.

Во внутренней тёмной глубине словно оборвалась до предела натянутая струна, и его накрыло леденящей душу яростью.

Фэй вздрогнула, словно выныривая на поверхность и отряхиваясь от воды, испуганно обернулась к нему, но было уже поздно. Сибилл схватил её за запястье и дёрнул на себя.

Они сцепились, как когда-то в далёком детстве, катаясь по каменному дну пещеры. Вот только теперь Сибилл неожиданно для самого себя оказался сильнее. Ему даже не требовалось изворачиваться и хитрить, чтобы оказываться сверху. И чем дольше они боролись, тем сильнее он становился. Фэй примята его телом тяжело дыша в последний раз лягнула зубами у самой морды, но Сибилл сильнее надавил на тонкую в его лапе шею.

— Не могу обещать толпы кобелей. Но одним точно обеспечу, — мурлыкнул он в нервно дёрнувшееся ухо. Собственный хвост нервно бил по бокал и бёдрам. Он слишком хорошо ощущал все изгибы ничем не прикрытого тела Фэй, помнил, какого это — обладать ею.

От Фэй потянуло страхом, и она предприняла новую попытку вывернуться из его хватки. Кажется, тумачов и болезненных укусов они оставили друг другу поровну. Сибилл теперь чувствовал не только злость и азарт, но и возбуждение. В такой близости от всё ещё пахшей им Фэй становилось сложнее сосредоточиться на чём-либо, кроме того, что он хочет её как самку.

Ему удалось надёжно перехватить норовившие выцарапать ему глаза передние лапы и наконец полностью обездвижить удивлённо распахнувшую глаза Фэй.

— Будешь мр-моей. Ты сама на меня на-мр-бросилась... Мр-разом больше, мр-разом меньше, — желая сделать так же больно, как она ему, шепнул он в ухо, которое тут же прикусил.

Безнадёжно дёрнувшись под ним, и лишь сильнее раззадоривая, Фэй посмотрела с такой незамутнённой ненавистью, что сердце неистово зашло, разгоняя по телу волны новой отравляющей муки. Всё уже было очень плохо. И Сибилл лизнул её в нос. За что, чуть не лишившись языка.

Хрипло рассмеявшись, он гибко потёрся об неё всем своим разгорячённым телом. Фэй вдруг зажмурилась и задрожала, источая запах отвращения и отчаяния, разлившиеся на языке горечью. Мучительные укусы совести и любви, хотелось счесать с себя как приставшие к шерсти колючки.

Боль в груди вышла на новый уровень и стала нестерпимой, когда Сибилл, не веря себе, впервые увидел в уголках глаз Фэй слёзы. Он попытался слизать их, но она мотнула головой и посмотрела на него с острой, ранящей ненавистью.

— Никогда тебя не прощу! — даже её голос дрожал, словно пламя свечи на ветру.

И эти слова обожгли душу неправильностью и непоправимостью произошедшего.

Запах Фэй всё больше тяжелел от отчаяния и душевной муки. Золотые глаза переполнились влагой, и Фэй всхлипнула. Для Сибилла это прозвучало так же страшно, как выстрел или взрыв, он немедленно скатился с неё, а Фэй получив свободу, швырнула в него шкуру рептилии, в которой пришла, и метнулась к выходу из пещеры.

Свой первый порыв рвануть за ней Сибилл сдержал. Фэй слишком сильно разозлилась и не станет слушать. Она больше не доверяет ему и считает опасным. Не было ни малейшего шанса, что сейчас она примет его обратно.

Вместо безумных метаний следовало успокоиться и хорошенько всё обдумать.

В этот раз Фэй как никогда повела себя странно. Хотя странностей за ней и раньше водилось немало. Сибилл воспринимал это как данность, доверял и сильно не задумывался, но теперь...

У столь яростного отвержения непременно должна была существовать объективная причина. И Сибилл решил, что обязательно докопается до истины. Вот только придётся набраться терпения.

По реакции Фэй можно было с уверенностью утверждать, что перемещение Сибилла между мирами зависит исключительно от него самого. Она не может, не хочет и не будет ему в этом помогать. Такие рассуждения наполнили его уверенностью и спокойствием: значит, он всё делает правильно и рано или поздно своего добьётся. Он точно вернёт себе Аи. А Фэй никуда не сможет от него деться, хоть и будет совсем ему не рада.

Кажется, с самого начала, одним своим присутствием, он только и мог, что расстраивать и причинять боль Фэй.

Часть 3

Глава 4. Недальновидная богиня

Оставив позади Сибилла и свой фартук из шкуры рептилии, прикрывавший наготу, Альфэй сбежала не оглядываясь. Её преследовали чувства стыда, запоздалого страха, уязвимости и слабости. Ощущался холод окружавших гор, но он не пугал, а лишь подстёгивал двигаться быстрее и не останавливаться.

Альфэй казалось, что она так и бежала бы до самых Небес. Думать ни о чём не хотелось, но не получалось.

Ещё никого и никогда она не ненавидела так истошно. Сибилл предал её самым подлым и отвратительным образом. Он чуть было не ваял её силой... От этих мыслей на душе стало мерзко. Тело колотило крупной дрожью, горький ком встал в горле, а слёзы душили. Но плакать из-за подонка Альфэй не собиралась. Ей ещё не доводилось чувствовать себя такой беспомощность и жалкой.

Изнутри накатывали волны отчаянного гнева. Почему так должно было случиться с ней? В чём она виновата? Что сделала не так? И как защитить себя впредь?

Собственное течное поведение отошло на второй план. У неё была уважительная причина вести себя распушенно. Тем более, никто от неё не отбивался и не просил остановиться. Она точно не насилвала. Альфэй была уверена, что сравнивать её поступок и то, что было после тчки нельзя.

А Сибилл... Как она вообще умудрилась принять его за смертного?!

Впрочем, наставник Ли тоже не распознал в нём демона. А теперь эта тварь вдоволь налопалась. Вот куда каждый раз, как в бездонную бочку, утекала её божественная сила — к этому паразиту!

И ведь такой невинной овечкой прикидывался. Безобидным мальчишкой. Вот именно, что мальчишкой! Это всё... Нет-нет-нет, она не будет больше во всём винить мужчин. Альфэйхватило первых двух миров, чтобы понять, что этот путь приведёт её в никуда.

От грандиозности новой проблемы даже едва не случившееся насилие и собственные разбушевавшиеся чувства, казались не столь важными, хотя всё ещё причиняли нестерпимую, обжигающую боль.

Альфэйпыталась осознать своё положение и то, что в этой ситуации ей оставалось делать.

Сердечный демон — отражение всего, что она яростно в себе отрицает и отвергает, настолько сильно, что эти качества приняли физическую форму. Так раздражавшая в Сибилле ранимость и эмоциональность — это те грани личности, которые Альфэй самой себе запрещала, с чем боролась и всячески изживала. Она считала его «слишком женственным»: ведь он любил наряжаться и обливаться духами. Конечно, в исполнении мужчины то, в чём Альфэй себе отказывала, особенно её бесило. Открытость, капризность, местами наивность, мягкость, бескорыстность, самоотверженность, отзывчивость, привязчивость, настырность, надоедливость. Кажется, будто Альфэй выгребла всё женственное, что в ней было, и впихнула демону.

При этом она соревновалась с мужчинами, считая себя лучше, умнее, сильнее и прочее в том же духе. Совершенно неудивительно, что её сердечный демон стал именно мужчиной с кучей присущих женщинам черт характера. Полная её противоположность: пол, цвет волос и глаз, внутреннее содержание. Так стоило ли удивляться, что Сибилл злил её каждым словом и делом даже тогда, когда для таких чувств не было оснований?

И если её Сибилл называл тигрицей, то сам он ни кто иной, как тигр в овечьей шкуре. И даже хуже... Сердечный демон — это просто катастрофа. Его же невозможно убить! Как невозможно полностью избавиться от своей «тёмной стороны», потому что любые попытки только усилят внутренний конфликт, который приведёт к саморазрушению. Чтобы ослабить демона, наоборот, нужно развивать и принимать всё то, чем так щедро его «накормила». Вернуть себе и найти применение «ненужным» чувствам и чертам характера в жизни.

А вот если упорствовать, нападать, враждовать, то можно добиться того, что демон поглотит её. Любое открытое противостояние обречено на провал. Во всяком случае, резерв Фэй Сибилл выпил до капли за одну их... драку. Она стала беспомощной и слабой, как смертная. И подмоги в собственном мире ей было ждать неоткуда. Хотя она застыла в шаге о том, чтобы попросить...

Альфэйпорывисто стиснула от злости кулаки и порезалась собственными когтями. Она ненавидела чувствовать себя беспомощной!

Мало ей было проблем с сотворением миров, теперь ещё придётся с сердечным демоном разбираться. А их не только распознать сложно из-за того, что у каждого он свой: может быть полной противоположностью или двойником, безответной любовью, ненавистным врагом, страшным монстром, даже искусственным интеллектом или компьютерным вирусом. О каких только случаях не втолковывал им наставник. Ослабить демона уже нетривиальная задача. Тогда как редкому богу удавалось совсем убрать своего

сердечного демона.

Тот случай, когда проще не делать, чем вернуть «как было».

Наставники учили по возможности не создавать сердечных демонов, чтобы избежать бесконечного множества сложностей в будущем. Для этого и нужно-то всего лишь полностью принимать себя таким как есть: со всеми нужными и «ненужными» чувствами, хорошими и «плохими» качествами. Альфэй казалось, что уж она-то себя принимает и думать тут не о чем.

А теперь выходило, что согласно подсчётам, она уже вбухала в Сибилла божественной энергии, как при сотворении целого мира. И это без учёта того, что он тянет из неё силы, пока она находится в сотворённых мирах. На этот раз она смогла это точно установить.

Мало того Альфэй поступила как... начинающая богиня. Сделала ровно то, что ни в коем случае нельзя делать при взаимодействии с демонами: подпитывала своей силой, установила физический контакт, высказала намерение уничтожить его и начала открытое противостояние. Другими словами запустила инстинкт самосохранения демона на полную катушку, спровоцировала его на нападение и непосредственный отъём энергии.

Обычно после того как демон осознавал, что способен практически на равных противостоять богу, и начиналось самое «весёлое». Вот Сибилл ей и устроил то самое.

Чтобы прекратить отток божественной энергии, Альфэй пришлось остановиться у горной реки и погрузиться в медитацию. Зная, что искать, она легко определила широкий, как пуповина, тёмный канал соединяющий её с демоном и немедленно забрала оттуда свою энергию, которой бессознательно постоянно питывала его. Хотелось полностью уничтожить их связь, но этим она покалечила бы в первую очередь саму себя. Поэтому пришлось оставить всё как есть.

Закончив с медитацией, Альфэй искупалась в реке, смывая с себя запах Сибилла. Для этого она даже мыльный корень, о котором рассказывала бабушка-лисица, нашла и использовала.

На обратном пути до поселения лисьего племени пришлось понервничать из-за необходимости прятаться по кустам. Альфэй не пережила бы позора, застухай её кто-то разгуливающей нагишом. Под покровом ночи она проникла в свою нору и одела оставленный там запасной фартук. Мужской цветок без полива в её отсутствие засох, и она вынесла его вон. В норе теперь пахло только сухой травой и ею самой. Почувствовав относительную безопасность, Альфэй, наконец, позволила себе провалиться в душный, беспокойный сон.

— Как ты? — разбудил её утром голос Весельчака.

Он принялся, но, кажется, ничего предосудительного не учуял.

— Устала. Голодна. В целом чувствую себя сносно, — вздохнула Альфэй.

Теперь она не могла понять, чем он её не устраивал в течку, пусть хоть десять раз зверочеловек, зато отзывчивый и хороший друг. И главное ни разу не демон!

Они с Весельчаком перекусили земляникой, росшей поверх её норы, и разошлись до вечера.

— Как прошла твоя течка? — придвинулась к ней во время сбора грибов Красавица.

— Неплохо, — сдержанно ответила Альфэй.

— Но Весельчака ты прогнала...

— Сглупила. Теперь я признаю твою правоту. Он добрый и заботливый — самый лучший.

— И кто же помог тебе в течку, если не лучший: добрый и заботливый? — допытывалась Красавица. — Весельчак сказал, что ты ушла в горы. А это территория одиночек. Слишком велик риск межплеменной сцепки.

Альфэй ощутила, как к ушам прилила кровь, и стало душно.

— О не-е-ет... — простонала Красавица, наблюдавшая за её реакцией. — Кто это был? Лис? Медведь? Не может быть... Дикий?.. Надо немедленно попросить у бабушки-лисы трав, которые помогут сбросить плод!

— Я не беременна, — отмахнулась Альфэй, всё ещё находясь под впечатлением от успешно проведённого Красавицей допроса.

— Ты не можешь знать это наверняка.

— Поверь, я знаю точно, — вздохнула Альфэй.

Наставники рассказали не только о сотворении миров и населяющих их расах, но и о богах: их сильных и слабых сторонах, месте в мироустройстве. С самого начала их предупредили, что с деторождением у богов всё не просто. На пустой резерв такое точно не провернуть. А без любви и взаимности не помогут вообще никакие силы. В большинстве своём проще было усыновить вознёшегося малыша, такие не часто, но встречались, или же создать себе ребёнка в процессе сотворения мира. Настоящее богорождение сильно отличалось от сотворения, и начинающим богам замахиваться на него было пустым делом.

Впрочем, Альфэй вообще не думала о детях, тем более своих. Так что её мало волновал именно этот раздел знаний, хватало и того, что без кучи усилий ничего «само собой» и «по залёту» не получится ни со смертным, ни с богом и вообще ни с кем.

— Он... тот Дикий ничего тебе не сделал? В смысле как ты себя чувствуешь? Нигде не болит? — продолжила беспокойные расспросы Красавица.

— Когда он пришёл в себя, я почти сразу сбежала, — пожалала плечами Альфэй, синяки у неё прошли и болели совсем не долго, а вот нервы её Сибилл потрепал знатно.

— Хорошо, — выдохнула Красавица. — Я буду молчать. Если ты не скажешь, то учуять от тебя запах постороннего самца невозможно. Не хотелось бы, чтобы из-за одной ошибки Вождь изгнал тебя из племени. Он ненавидит Диких и всех, кто с ними состоит или состоял в связи.

Вечером Весельчак зашёл, чтобы как обычно отвести Альфэй на ужин. Сидя с ним плечом к плечу Альфэй вдруг поняла, что она не одна. Какой бы глобальной ей не казалась проблема с демоном. Её точно поддержит наставник Ли и Ежан, даже Сяои, которая теперь с ней дружит. И даже в этом мире у неё есть друзья и племя, которые будут защищать её от Диких.

Цепочку открытий продолжило понимание, что любовь между мужчиной и женщиной она подсознательно приравнивала к животной страсти. Не зря же в этом мире плотской любви не оказалось людей, только зверолюди — недолюди по её внутреннему предубеждению.

Альфэй перевела взгляд на Красавицу, которая тут же обеспокоенно вскинулась, и пришлось отрицательно покачать головой, давая понять, что ничего страшного не произошло. Альфэй вынужденно признала, что духовность и благородство отнюдь не являются прерогативой человечества. Зверолюди успешно доказали ей, что даже будучи подверженными влиянию своей звериной части, они остаются разумными и высоконравственными существами... по большей своей части.

Это она — человек и богиня сорвалась в угар плотских страстей. Хотя была предупреждена и даже вариант избежать нравственного падения у неё был. Но Альфэй

решила, что она самая умная и законы собственного мира ей не писаны. Наплевала на всё и поплатилась за самоуверенность.

В этом мире Альфэй вспомнила, что страсть лишь часть любви между женщиной и мужчиной. Важная, но не способная заменить самого нужного: нежности, заботы и доверия.

Часть 3

Глава 5. Обескураженная богиня

— Дикие у границ нашей территории! Неужели, опять нападут?! — утро началось с переполоха в племени.

Альфэй вышла из своей норы и поспешила присоединиться к лисицам и лисятам, которыми командовала бурая с проседью бабушка-лиса.

— Юные, нетечные лисицы и лисы до первого гона, берите совсем маленьких лисят и уходите в укрытие. Остальные, принесите запас стрел и длинных кольев, — командовала их старшая лисица.

— Надеюсь, обойдётся, — подошла к Альфэй Красавица.

— Дикие действительно могут напасть?

— Они довольно агрессивны. Но тоже придерживаются своих границ и редко их нарушают. Это из-за их Вождя нападения участились. Он единоутробный брат нашего Вождя, так что конфликт больше личный, чем между нашими племенами, — тихо пояснила Красавица, вместе с Альфэй взявшись таскать колья к ближайшему с тигриной границей краю поселения.

— Значит у Вождей общая мать? А она как к этому относится?

— Их мать давно умерла, сразу после рождения тигрёнка. Когда это случилось, прошлый Вождь — отец Чёрного охотника отдал малыша в тигриное племя. Там его вырастили, и, став Вождём, он принялся мстить. Это Ускользящий хвост убил прежнего Вождя и ранил Чёрного охотника.

— Если Дикие нападут, мы выстоим? — кажется, Альфэй высказала общую тревожную мысль.

Она проверила свой резерв, который после столкновения с Сибиллом оказался полностью пустым. Тот пополнялся непривычно быстро, после того как Альфэй заблокировала отток сил к демону, но сейчас его всё равно не хватило бы, чтобы перенестись из этого мира на Небеса. Альфэй нащупала под фартуком невидимый для других неснимаемый артефакт-накопитель на цепочке, убеждаясь, что в самом крайнем случае сможет сбежать.

Из поселения не было видно, что там происходит на границе территории лис с Дикими, но у Альфэй возникло нехорошее предчувствие.

— Охотники уже ушли. Думаю, Дикие чего-то хотят от нашего Вождя. В противном случае они не ждали бы на границе нашей территории, а напали сразу, — озвучила Красавица то, о чём догадалась и сама Альфэй. — За подмогой сразу должны были послать к ближайшим соседям — в племена медведей и волков. Нужно только продержаться до их прихода.

Когда они перетащили всё имеющееся в племени оружие, а лисицы стали вооружаться луками, вернулись два высоких, широкоплечих и явно чем-то сильно расстроенных лиса-охотника.

— Вождь велел, чтобы Жестокая фея явилась к нему, — хмуро заявил один из них.

Сердце, переполненное дурным предчувствием, забилося чаще.

— Почему она одна? — подскочила к ним Красавица.

— Это приказ Вождя, не нам судить, — рыкнул на неё лис, раздражаясь ещё больше.

— Всё в порядке, я схожу, — дотронулась до плеча напряжённой Красавицы Альфэй.

Пришли они быстро, хотя ни Альфэй, ни её сопровождающие не торопились. Толпа лис расступалась перед ней. По обострившемуся чутью наотмашь били чужие брезгливость и презрение. Охотники лисьего племени отворачивались от неё, а Вождь прожигал ненавидящим взглядом.

— Вы совершаете ошибку! Она не виновата. Это всё из-за течки. Вы же погубите её, — отчаянно скулил Весельчак за широкими спинами соплеменников.

— Лисице спутавшейся с Диким не место в нашем племени, — прорычал Чёрный охотник. — Это она? — обернулся он к стоявшим чуть дальше тиграм.

— Она, — подтвердил, поравнявшийся с шоколадным в светлую полосу тигром, Сибилл.

— Тогда забирайте, — Альфэй дёрнули за плечо и грубо толкнули в распахнутые объятия Сибилла, который, поймав, жадно обнюхал её волосы и шею.

— Пусти, — дёрнулась Альфэй, перепугавшись, что он снова выпьет её резерв подчистую.

— Не знал, что тут тебя назвали Жестокой феей. Тебе очень подходит это имя, — выпустил её из объятий Сибилл.

— Если это всё чего вы хотели, то уходите, — велел Чёрный охотник.

— Возвращаемся, — скомандовал шоколадный тигр, который видимо и был Вождём Диких.

Два племени мирно разошлись. Сибилл попытался взять кисть Альфэй в свою лапищу, но она воспротивилась физическому контакту. Если не позволять себя выпить, то уже к вечеру у неё будет достаточно собственных сил, чтобы перенестись на Небеса.

В конце концов, она сама хотела посмотреть на Диких и их быт и только потом покинуть этот мир. Пока всё шло не так уж и плохо, а на случай совсем скверного сценария всегда можно было воспользоваться артефактом-накопителем.

Сибилл смотрел на неё сияющим взглядом, пах симпатией и счастьем, скалился в радостной ухмылке, будто невзначай задевал её бедро своим хвостом, но хватать или удерживать силой больше не пытался.

Позади горько взвыл Весельчак.

— Что это за лис? — дёрнул ухом в направлении звука Сибилл.

— Друг, — буркнула Альфэй, помня, что злить своего демона не очень-то умно, даже если мечтаешь перегрызть ему глотку.

— Он какую-то чепуху нёс про то, что мы тебя съедим. Это такая метафора?

— Нет, лисы действительно считают, что Дикие охотятся и пожирают разумных из других племён.

— Что за чушь?! Никого мы не едим. Бабушкины сказки... — заворчали окружавшие их тигры.

— Это удобное для других племён объяснение того, почему тигры не вступили в невыгодный для нашего племени Великий договор, — фыркнул Вождь тигров.

— И почему тиграм Великий договор не выгоден? — спросила Альфэй.

— Потому что по его условиям наши охотничьи угодья частично отойдут лисам и волкам. Их расчёт территории идёт по количеству особей, а не по количеству дичи

требующейся одному представителю племени.

— Но мустангам и медведям, наверное, тоже много пищи требуется.

— Мустангам нужна трава, а медведи всеядны. Тиграм же нужны населённые дичью обширные охотничьи угодья.

Если всё действительно так, как говорил Вождь, то Альфэй можно было смело возвращаться на Небеса. Политические дразги между племенами вполне нормальное явление для разумных рас. И в её случае показатель хорошо проведённого сотворения мира. В отличие от племени каннибалов или разгуливающего по её мирам, как у себя дома, сердечного демона.

— Значит, ты останешься теперь с нами? — спросил у Сибилла Вождь.

— Да. Я нашёл, кого искал.

— Вот и славно! Не хотелось бы терять такого охотника, — от Вождя потянуло удовлетворением.

Альфэй же думала о том, что для сердечного демона характерно желание взаимодействовать и, в конечном счёте, воссоединиться с богом создавшим его. Она корила себя за то, что отмахивалась от одержимости Сибилла её персоной, не замечала того, насколько это странно и нездорово.

Теперь уже жалеть о чём-то было поздно, оставалось действовать по обстоятельствам. Впрочем, Сибилл агрессии не проявлял и, похоже, собирался придерживаться обычной своей манеры поведения. Главное не спровоцировать его до вечера и по возможности не оставаться наедине. Действовать холоднокровно и рассудительно. А там резерв пополнится достаточно, чтобы переместиться на Небеса.

В тигрином племени не все обрадовались появлению Альфэй. От некоторых тигриц ощущались ревность и злость. Фанаток Сибилла тут оказалось немало. Правда, он их словно в упор не замечал.

В пещере, куда привёл её Сибилл, его запах был единственным и давним.

— Как только вернулся к тиграм, попросил Вождя забрать тебя из лисьего племени, — заметил то, что она принюхивается, Сибилл. — Ускользящий хвост рассказывал, что там плохо относятся к самкам, покрытым тигром, и тем более к их тигрятам.

— Я не беременна. И от тебя точно не понесу! — огрызнулась Альфэй.

— Тут нет противозачаточных средств... Разве что травы, помогающие скинуть плод, — мрачно заметил Сибилл.

— Для меня завести ребёнка нетривиальная задача, даже если бы я этого хотела. Так что даже не мечтай!

— Так и знал, что детей ты не любишь. Не беспокойся, если они всё же появятся, то я смогу позаботиться и о тебе, и о детях.

— Обо мне не надо заботиться. Я сама могу это отлично сделать!

— Мр... Да? Ты же не любишь охотиться и убивать.

— Я и сырое мясо не люблю, — сморщила нос Альфэй, вспомнив здешние блюда из мяса.

— А если я приготовлю его на огне, будешь? — лукаво улыбнулся Сибилл.

Альфэй невольно заинтересованно дёрнула ушами, и он засмеялся.

— Так и быть, ради тебя сегодня приготовлю на костре мясо. Кажется, я видел тут не так далеко солончак...

До вечера ей всё равно предстояло задержаться в этом мире, а сытный ужин

непрерывно сказался бы положительно на пополнении резерва. Такие мысли заставили Альфэй вызваться помочь Сибиллу, от которого ощущались восторг и счастье.

Ускользящий хвост дал своё добро на кулинарные эксперименты. Но на развернувшего бурную деятельность Сибилла всё равно настороженно косились прочие тигры.

Альфэй честно помогла с добычей соли, сухих веток и травы для костра, а с приготовлением ужина Сибилл возился один. Оставалось поражаться тому, насколько демон смог развить вытесненный ею мизерный талант к приготовлению пищи.

Сибилл обложил камнями кострище, по бокам которого воткнул две рогаины, и при помощи палочек и травы под взволнованные ахи развёл огонь.

— Ч-что это?!

— Небесный огонь!

— Как тигр-р смог получить его? — нарастал гул голосов.

— Спокойно. Огонь безопасен, если его не дразнить и не нападать на него. Он съест сухие ветки и траву, а затем потухнет. Можно сказать, что снова уйдёт на небеса, — уверенно заговорил Сибилл, успокаивая соплеменников, и от его слов Альфэй вздрогнула.

Демон словно говорил о ней, а не о разведённом костре. Мерещилось, что он точно знает, что она задумала снова сбежать от него на Небеса.

Когда от костра потянуло жареным мясом, на несколько мучительно прекрасных мгновений Альфэй забыла обо всех тревогах и подозрениях. Поест по-человечески хотелось зверски.

Приготовленное Сибиллом мясо рептилии на кости показалось ей самой прекрасной пищей. С голоду цапнув исходящий паром кусок, Альфэй взвизгнула, но мясо не выронила и даже не выплюнула тот, кусок что обжёг язык и нёбо.

— Глазам своим не верю... Дай помогу, — попытался выхватить у неё восхитительный кусок жаренного мяса Сибилл, и Альфэй зарычала. — Будешь сопротивляться, применю силу.

Предупреждение демона вернуло Альфэй способность здраво мыслить. Она отдала вожделенную вкусняшку и терпеливо дождалась пока Сибилл по маленьким кусочкам выдаст ей уже остуженное мясо.

Её злила эта заминка. Раздражал, даже не пытающийся скрыть своего удовольствия от процесса её кормления, Сибилл. Гнев переполнял, а в горле першило от едва сдерживаемого рычания. В какой-то момент она почувствовала, как её недееспособный хвост дёрнулся от негодования, от этого действия жаркая волна прокатилась по всему позвоночнику.

Сибилл проследил за конвульсионными движениями её хвоста и с хорошо ощутимой неохотой отдал ей остатки подостывшего готового мяса, а сам занялся приготовлением других сложенных на широких листьях тщательно отобранных кусков мяса на костях. Кость ложилась точно на рогаины по бокам от костра, а Сибилл прокручивая её следил за равномерностью обжарки.

Обожжённое нёбо зажило быстрее, чем Альфэй прикончила свою порцию. Впервые в этом мире, она вдоволь наелась и оттого помимо воли ощутила умиротворение и довольство.

— Значит, Хитрый коготь, ты можешь подчинить себе небесный огонь? — подсел к ним Ускользящий хвост.

— Это не сложно. Но может быть опасно, если огонь коснётся шкуры, — следя за мясом ответил Сибилл.

— Поразительное умение. Никогда о таком не слышал. Мне следовало назвать тебя

Заговаривающий небесный огонь.

— Сколько пафоса! Таким именем только врагов запугивать, — оскалился Сибилл.

Ужин в тигрином племени ничем не отличался от такового у лис, только мяса тут были настоящие горы, из которых каждому достался большой кусок. Песня ночи вышла более грозной и суровой без скуления и подвываний.

Альфэй задумалась о дальнейшей судьбе этого мира. Бывали случаи, когда из-за исчезновения бога-творца его сердечный демон полностью разрушал мир. Она украдкой посмотрела на Сибилла, который наравне со всеми рычал на луну, и, словно почувствовав её взгляд, он обернулся, обдавая новой волной собственного довольства жизнью.

Все её миры Сибилл покинул, не разрушив их, иначе она почувствовала бы неладное. Он пока что не осознал, кем является и какой силой обладает. Не хотелось бы, чтобы это вообще когда-нибудь случилось.

По дороге в пещеру Сибилл вновь попытался дотронуться до неё, но Альфэй отстранилась.

— Я ничего не сделаю против твоей воли, ты же знаешь, — обиделся он.

— Раньше я это знала, да. Но не теперь, — возразила Альфэй.

Они вошли в темноту пещеры, куда едва достигал лунный свет. Глаза Сибилла отсвечивали потусторонней зеленью, и Альфэй стало не по себе. Хотя она знала, что это нормально для тигров, и что её собственные глаза отсвечивают красным. Но знание того, что Сибилл — демон, тревожило и не позволяло расслабиться в его присутствии.

— Ты уже уходишь, — глубоким голосом, от которого у неё шерсть на загривке встала дыбом, констатировал Сибилл.

— Да, — не стала отпираться Альфэй.

— Встретимся в следующем мире.

— Лучше не надо. Остайся здесь. Разве тебе не понравился этот мир?

— В звероформе есть свои плюсы. Но, ты же понимаешь, что теперь я точно не отступлюсь и пойду за тобой в какие угодно миры?

В воздухе разлилось желание Сибилла, и Альфэй запаниковала. Она не стала ждать реализации этого желания, возвращаясь на Небеса под раздосадованный рёв.

Часть 3

Глава 6. Несправляющаяся богиня

Альфэй трясло. Она обхватила себя за плечи и, как есть, в фартуке из кожи рептилии забралась в душ под тёплые струи воды, пытаясь отогреться. Трансформация обратно в человека, полностью прошла мимо сознания, видения одно страшнее другого затопили его.

Уходя из мира, она совершенно забыла прикрыть своё исчезновение внушением для смертных. Так торопилась и переживала из-за сердечного демона, что все другие наставления и предупреждения вылетели из головы.

Весельчак добрался до племени тигров и, конечно же, нигде её не обнаружил. Узнал, что она «бесследно» исчезла, вызвал на бой Сибилла и, разумеется, проиграл. Вернулся в лисье племя, и они с Красавицей развили бурную деятельность, настраивая лис против тигров. Чёрный охотник ухватился за эту возможность, как настоящий фанатик. Грянула кровопролитная война, в которую постепенно ввязались все племена.

Альфэй переживала, что в её мире Сибилл устроит беспорядки, а они случились из-за её безалаберности!

Слёзы, смешанные с водой, всё лились и лились, не желая останавливаться. Отголоски

мира больно били в самое сердце.

Против тигров объединились четыре племени звероловцев. Чёрный охотник требовал полного уничтожения. И если поначалу его не поддерживали, то чем дольше длилась война, чем больше воинов погибало, тем больше к нему прислушивались. Тигры оказались непростыми противниками, но даже это их не спасло, если бы не Сибилл.

В истории мира его запомнили как Заговаривающего небесный огонь. Эта война на выживание полностью перековала её демона. А ведь когда-то Сибилл плакал из-за тигрёнка, которого хотели убить, и старушки, которую изгнали из общины. Альфэй называла его нытиком и не подозревала, какие сложные решения он будет принимать в будущем, каким безжалостным станет ради тех, кто нуждается в его защите.

Под конец четырёхлетней войны тигры установили полное господство над миром.

Красавица и Весельчак всё же выжили, но по сравнению с ужасающим количеством жертв даже это служило слабым утешением. Тошнотворные картины всё ещё мельтешили перед внутренним взором, намертво отпечатавшись в памяти.

Альфэй еле дошла до постели и, упав на неё, словно выключилась, разом и без перехода, провалилась в глубокий сон без сновидений.

Утром в тяжёлой голове царил полный штиль. Испуганные мысли замолкли. Ни о каком посещении Золотого павильона не было и речи, наставник Ли, увидев её в таком безнадёжном, несобранном состоянии, не стал бы ничего слушать.

Призвав посланника, Альфэй отправила его за Ежаном.

— На этот раз я удостоился чести быть первым, кого ты захотела увидеть по возвращении на Небеса? — он появился так быстро, словно ждал приглашения с их последней ночи, когда она выгнала его прочь, не позволив остаться до утра.

Игривый настрой и дразнящая улыбка мигом сменились озабоченностью, когда Ежан увидел её. Альфэй вдруг вспомнила, что даже не посмотрела на себя в зеркало после обратной трансформации.

— Я так плохо выгляжу? — озабочилась она своим внешним видом.

— Эм... — замялся Ежан, подтверждая её худшие опасения. — Я, пожалуй, заварю нам чай.

Альфэй поспешила в ванную комнату, чтобы как следует рассмотреть своё взлохмаченное, бледное отражение с потухшим взглядом. Кое-как запахнутый халат довершал неприглядную картину. Приведя себя, насколько было возможно, в подобающий богине вид, она вернулась к хозяйничавшему в её отсутствие Ежану.

— Так, что у тебя стряслось? — спросил он, передав ей пиалу с горячим чаем.

Руки Альфэй задрожали, расплёскивая чай, и Ежан выхватил пиалу, оставив ту на низкий столик.

— Что-то случилось в твоём мире? — он подсел и обнял за плечи, укрыв её спину своим широким рукавом.

Ощущение того, что за неё переживают, что она не безразлична, окончательно сломило Альфэй. Оказывается, до этого она ещё сдерживалась, когда плакала, а вот теперь её прорвало по-настоящему.

Ежан растерянно застыл, но быстро опомнившись, перетащил Альфэй к себе на колени и заключил в полноценные объятия, позволяя укрыться от всего страшного и горького, что случилось в её третьем мире.

Альфэй потеряла счёт времени, пока Ежан убаюкивал её, как маленькую, ласково

поглаживая по вновь растрёпанным волосам, и отпаивал успокаивающим чаем.

— Я ошиблась. Из-за меня началась война, и многие погибли, — на этот раз по щеке скользнула только одна слезинка.

— Ты такая осторожная и последовательная, что в твою ошибку едва верится.

— Это всё из-за сердечного демона! Я так боялась, что он снова ко мне прикоснётся. Опять выпьет все силы, что ни о чём кроме бегства думать не могла, — сжала кулаки Альфэй.

Сознание, выбрав виновного, успокоилось. А с плеч Альфэй словно исчез немилосердно давящий груз.

— Сердечный демон? Он пил твою силу? — резко втянул в себя воздух Ежан, ему не нужно было объяснять насколько это опасно для бога.

— Я... Всё из-за течки. Ещё и мир зверолодей. Демон оказался единственным, кого я знала как человека и... прости, — несмотря на то, что они с Ежаном договаривались о том, что романы и интрижки в сотворённых мирах допустимы и не помешают их отношениям, Альфэй всё равно чувствовала себя виноватой.

— Ты не говорила раньше, что в твоих мирах объявился демон. Когда это случилось? — Ежан сделал вид, что измена — не стоящее его внимания дело, и она была ему благодарна.

— Он появился сразу, — позволила втянуть себя в обсуждение и увести тему Альфэй. — Думаю, когда я создавала первый мир, часть энергии ушла на сотворение этой сущности. Демон сожрал божественной энергии столько же сколько мне потребовалось для сотворения мира и потом продолжил тянуть мои силы.

Ежан шумно выдохнул и зажмурился, словно сдерживая слёзы или боясь показать свои эмоции.

— Я сама виновата. До последнего момента не могла распознать сердечного демона, а потом попыталась с ним сражаться, угрожала уничтожить... — призналась Альфэй.

— И ты всё ещё жива? — резко распахнул глаза Ежан.

— Ну... — замялась Альфэй, не зная, как объяснить, что её демон всё же не полный отморозок. Вообще-то Сибилл до обнаружения его сущности был ранимым, нежным, зависимым от неё ребёнком.

— О... Так он одержим тобой? Впрочем, такова суть всех демонов. Главное не позволять схватить себя и заточить в сотворённом мире. Сильный демон очень опасен.

— Поверь, я в курсе, — вздохнула Альфэй.

На этот раз секс с богом показался не столь фееричным. Возможно, сказался стресс и усталость. Зато Альфэй нашла в объятьях Ежана главное — нежность и утешение, в которых так нуждалась сейчас. Он больше не расспрашивал её и ни в чём не обвинил, просто был рядом в самое тяжёлое время и делился своим теплом, которое словно выдуло из души самой Альфэй.

После встречи с Ежаном, она достаточно пришла в себя, чтобы появиться в Золотом павильоне.

— Наконец-то. Поздравляю, стажёр А, мир вышел что надо. Ошибку с финальным внушением ты навряд ли совершишь ещё хоть раз, — сказал наставник Ли, когда Альфэй передала ему видение последнего сотворённого мира. — А вот сердечный демон — это намного хуже. Как думаешь, какие твои черты и желания он воплощает?

— Ранимость, эмоциональность, мягкость, зависимость, желание красоваться и флиртовать, — не задумываясь, перечислила Альфэй.

— Что же очень хорошо. Первый шаг в работе с сердечным демоном, осознать, что он собой олицетворяет, чему в себе ты не даёшь места и жизни. Следующий будет сложнее. Необходимо дать всему этому случиться с тобой. Если сложно с проявлением чувств, подумай о том, что сможешь сделать уже сейчас.

— Я, кажется, выплакала все слёзы и эмоционально совершенно опустошена. Даже на то, чтобы наряжаться и флиртовать, сил нет, — пожаловалась Альфэй.

— Значит, вспоминай, чему училась, и как вернуть себе радость и силы жизни. Что наполняет тебя энергией? Само собой и по задумке богов всё происходит только у безответственных смертных, а боги сами сотворяют свои настроения, жизни и миры.

Когда-то, только вознёсшись на Небеса, Альфэй написала список того, что наполняло её энергией и силой: достаточный для отдыха сон, вкусная еда, занятия цигун, удовольствие от хорошо проделанной работы, общение с родными, любование красотами природы. Сейчас Альфэй включила бы в свой список ещё и общение с друзьями. Божественный секс тоже подходил, тем более что она всегда могла позвать к себе для этой цели Ежана.

А вот контакт с телом ослаб. Став богиней, она редко практиковала цигун и больше не беспокоилась о собственном теле, потому что у неё перестало что-либо болеть и беспокоить. А уж так упахаться, чтобы это сказалось на внешности, ещё надо было постараться.

На выходе из Золотого павильона Альфэй уже поджидала Сяои.

— А вот и ты! Идём скорее в купальни. Ежан сказал, что у тебя какие-то там проблемы с сотворением миров. А ты такая глупая, что совсем не отдыхаешь и только прыгаешь из мира в мир, — сразу же вывалила все свои причины и намерения Сяои.

Альфэй расслабилась и позволила, вцепившейся в руку, Сяои тащить её, словно невоспитанной собачонке за поводок своего нерадивого хозяина. Нежный голос богини несмотря на причитания и тирады оставался приятным и мелодичным, позволяя отрешиться от всего и расслабиться. Раньше её голос казался Альфэй писклявым и неприятным, но стоило их отношениям измениться и собственное восприятие круто развернулось на сто восемьдесят градусов.

Купальни в облаках пара с голубоватой водой, словно отражавшей высокое небо, оказались отличным решением для восполнения сил и возвращения бодрости духа. Сяои взялась за внешность Альфэй всерьёз: как фокусник, доставая из своего рукава то одно, то другое волшебное средство. По прикидкам Альфэй в её бездонных рукавах только одних средств для волос, лица и тела было на пару десятков килограмм. Всё же магия и артефакты — великая вещь!

После купален Сяои притащила её всё так же за руку в свой павильон. Там она зажгла благовония, выставила ароматный чай с восхитительными сладостями и взялась за пипу.

— Не знала, что ты умеешь играть, — удивилась Альфэй, красивому перебору струн.

— Вообще-то это тайна, — недовольно поджала накрашенные губки Сяои. — Но Ежан сказал, что тебе совсем худо и попросил меня позаботиться о том, чтобы ты пришла в себя.

Альфэй пила наверняка очень дорогой чай с таявшими на языке пирожеными, вдыхала воздух напитанный успокаивающим ароматом благовоний из курильницы и ощущала как музыка, словно вода в купальне очистившая тело, проясняет её дух.

— Спасибо! — искренне поблагодарила она. — Мне действительно стало намного легче.

— Ну ещё бы! Я на тебя прорву энергии Ци потратила.

— О... так это не просто музыка была?

— Это секретная техника, — сухо ответила Сяои.

— Не переживай, дальше меня это знание не уйдёт. Но ты зря его скрываешь, ведь это такой замечательный и полезный навык.

— Ох, ты такая наивная, знаешь? — как никогда серьёзно взглянула на неё Сяои, словно разом сняв все свои маски. — Чем меньше враг знает о твоих способностях, тем выше шанс на победу.

— Разве ты собираешься с кем-то сражаться? — удивилась Альфэй, ей казалось, что уж кто-кто, а Сяои не полезет в драку.

— Порой не остаётся иного выбора, как только защищать свою жизнь любыми доступными средствами. Никто не может гарантировать тебе безопасности.

— Понимаю, — вздохнула Альфэй, вспоминая демона, прочно обосновавшегося в её мирах.

— Так что у тебя стряслось?

— Сильный сердечный демон, которому я буквально объявила войну.

— С твоим дрянным, непримиримым характером, я бы поставила на то, что демон поглотит тебя в конечном итоге. А потом старшие боги изолируют мир с опасной тварью и уничтожат, — качнула головой Сяои. — Поняла уже как можно ослабить его?

— Наряжаться, флиртовать, капризничать, проявлять свои чувства... В общем вести себя как женщина, — ничуть не обиделась на Сяои Альфэй, она хорошо понимала, что у них очень разные представления о том, какой должна быть женщина и как себя вести и проявлять.

— А... так тебе прилетело за поведение, достойное неотёсанного мужлана. Тогда Ежан сделал единственно правильную в этом случае вещь, попросив моей помощи. Немедленно наряжаемся и идём к кому-нибудь в гости. Ты улыбаешься весь вечер, танцуешь со всеми кто предложит и стараешься промолчать.

— Я не люблю такие мероприятия, — поморщилась Альфэй.

— Выбирай или это или стать закуской демона. И не кривься, иначе складки на лбу будут как у обезьяны. Цель мероприятия научиться получать удовольствие от собственного внешнего вида, от внимания мужчин и научиться это использовать.

— Тогда наряд должен быть удобным, а мужчиной — Ежан.

— Наряд должен быть сногшибательным. А мужчин распалает конкуренция. От пара танцев с другими партнёрами от тебя не убудет, зато мужчина, который займёт потом твою постель, уж постарается убедить тебя, что ты сделала самый правильный выбор, остановившись на нём.

Боги встречались небольшими группами каждый вечер, но обычно Альфэй не принимала в этих мероприятиях участия. Теперь же Сяои расстаралась, и Альфэй едва узнавала себя в зеркале. Лицо, выбеленное и разгладившееся от минимальных мимических морщин, с большими глазами и ярким ртом смотрелось непривычно.

— Я выгляжу глупо.

— Так убери от «управления» своего внутреннего мужика и наскреби женщину или постарайся взрастить её с нуля. Да, ты будешь смотреться странно, особенно для тех, кто тебя знает. Но что значит, потеря репутации грубиянки в сравнении с перспективой расстаться с жизнью? Концентрируйся не на обществе, а на себе. На ощущении от одежды на теле, на своём отражении в зеркале, на новой причёске. Ежан тебе поможет отвлечься от внешних факторов. Он такие штуки с преобразованием женщин любит.

Сяои оказалась права, в павильоне стажёра В Альфэй ощущала себя не в своей тарелке из-за пристальных взглядов и откровенных смешков. Впрочем, к ней не цеплялись, иначе она всё же не сдержалась бы. Ежан почти не отходил от неё и мило ухаживал, через танец, уступая место её партнёра другим желающим, которых набралось как-то многовато.

Впрочем, её партнёры вели себя вежливо и рассказывали о своих успехах на практике, так что Альфэй и правда понравилось. Она охотно пообщалась и действительно интересовалась, как у других обстоят дела с сотворением миров. В основном стажёры не торопились прыгать по мирам, они вдумчиво работали над каждым, искали ответы на возникающие вопросы в библиотеке или у старших товарищей, а то и наставников. Такой подход был достоин уважения.

— Признайся, ты попросил других богов танцевать со мной? — спросила Альфэй, когда они с Ежаном не спеша шли по дорожке к её павильону между пионами и собравшимися на земле плотными облаками.

— Только не сердись, пожалуйста, — обеспокоенно глянул на неё Ежан.

— Ой, было бы из-за чего. Я же понимаю, что всё это нужно, чтобы противостоять демону.

— Сердечному демону нельзя противостоять. Его нужно принимать. Ослабить шаг за шагом, а попом... по-хорошему впустить в себя, дать ему место в собственном сердце и душе. Принять как любимое дитя, как часть себя.

— Как дитя — это вряд ли. У тебя был демон?

— Нет, но я сегодня ходил в библиотеку и читал о них.

— Зачем, если для тебя это не актуально?

— Хотел как-то помочь тебе, — отвёл взгляд Ежан.

И Альфэй не выдержала, развернувшись, она поцеловала Ежана, вкладывая всю нежность и благодарность за поддержку. В её павильоне они продолжили то, что начали на улице. Откинув все тревожные мысли, Альфэй позволила себе забыться в надёжных и желанных объятиях.

Ежан попеременно с Сяои проводили с Альфэй время, они словно вели круглосуточное дежурство подле неё, и эти забота и беспокойство отдавались теплом и признательностью в её сердце. Сяои показала свои любимые места на Небесах. Столько прекрасных пейзажей, от которых захватывало дух, Альфэй не видела за всё время обучения, но раньше она вообще мало просто гуляла и болтала на отвлечённые темы.

По настоянию Ежана Альфэй стала вспоминать движения цигун и больше практиковаться в медитации. Её эмоции и настроение выровнялись, вновь удалось прийти к гармонии с собой. Но вечно так продолжаться не могло. Альфэй быстро наскучило только есть, спать и гулять.

Несмотря на уговоры Ежана и Сяои повременить с четвёртым миром, через три дня, наполненных общением, танцами, вкусной едой и чувственным наслаждением Альфэй вновь закрыла свой павильон и взяла в руки чётки с тремя светящимися бусинами из шести.

Часть 4

Глава 1. Неоцененная богиня

Сотворение четвёртого мира далось Альфэй не в пример легче, хотя она была сильно сосредоточена на том, чтобы ненароком не напитать своей силой сердечного демона и оградить мир от войн. На этот раз божественной энергии ушло меньше, и её резерв не опустел, как бывало прежде. В любой миг, как пожелает, она могла вернуться на Небеса, но

без исследования сотворённого мира — это виделось нецелесообразным. Поэтому план был прост: осмотреться, по возможности, избегая сердечного демона, сделать выводы для следующего сотворения, и благополучно вернуться на Небеса.

Пейзаж нового мира радовал высотными домами, светом в окнах, фонарями на улицах, протянувшимися линиями электропередач, асфальтированными дорогами и тротуарами для пешеходов. Обоняние будоражил запах уличной еды. Ветер шелестел в кронах деревьев, раздувая полы её тонких одежд.

Альфэй зябко поёжилась от ночной прохлады.

— Ты кто такая? Что делаешь на моей территории? И почему покинула свой маршрут? — с одной из высоток легко слетела и аккуратно приземлилась на асфальт рядом с Альфэй девушка надменного вида в чёрном обтягивающем второй кожей костюме со светящимися неоновозелёным цветом полосами вдоль рук, ног и по две на спине и груди.

Такие трюки Альфэй уже видела в исполнении заклинателей. Всякие стойки журавлей, полёты ласточек, броски змей, рыки тигров и прочие зрелищные и звучные приёмы уверенных пользователей энергией Ци.

— Меня зовут У Фэй, и я потерялась. Приношу свои извинения за доставленные неудобства, — Альфэй воспользовалась проверенной линией поведения.

— Совсем никчёмная? В тебе ощущается огромный потенциал стражницы... Где твой доспех? — продолжила нападать на неё незнакомка, которой на вид едва исполнилось пятнадцать.

— Вежливости тебя не учили, как я понимаю. Хоть бы имя своё назови.

— Из какой ты деревни, чтобы не узнать стражницу их рода Цин? — возмутилась маленькая хамка.

— Цин Мин, ты так внезапно изменила направление, что я не успела за тобой, — жалобно попеняла ещё одна запыхавшаяся девица в похожем обтягивающем костюме со светящимися полосами, на пару лет старше первой и приземлившаяся не так изящно.

— Я почувствовала тут всплеск энергии...

— Неужели Ожившие? — побледнев, заозиралась вновь прибывшая.

— Я этого не говорила, Ли Цзя, — презрительно скривилась Цин Мин. — На нашу территорию забрела чужая стражница. Эй ты! Как там тебя? Из какого ты рода?

— У меня нет рода.

— Безродная? — приоткрыла рот Ли Цзя.

— Чушь! С таким потенциалом безродных не бывает, а вот дезертиры запросто. Нам некогда возиться тут с тобой... Ты задержана по подозрению в дезертирстве. Совет стражниц определит твоё наказание, — Цин Мин начертила в воздухе знак и указала двумя пальцами в сторону Альфэй.

Её тут же по рукам и ногам спеленали невидимые путы. Альфэй покачнулась и бревном свалилась на землю.

— Тёмные боги тебя побери! А понежнее нельзя было?

— Будешь возмущаться, ещё и заклятие онемения наложу, — пригрозила Цин Мин, вычерчивая новый знак, которым подняла спелёнатую Альфэй над землёй.

Альфэй поволокло по воздуху вслед за Цин Мин. Неподвижно лёжа в невидимых путах, она бездумно смотрела в звёздное небо с мелькавшими силуэтами высоких крыш. Для начала ей необходимо было разобраться в реалиях этого мира, поэтому Альфэй позволила волочь себя маленькой хамке на встречу к более разумным, как она надеялась, представителям рода

людского.

— А если в наше отсутствие случится восстание Оживших? — спросила Ли Цзя поёжившись.

— Не тормози, тогда ничего и не произойдёт. Сдадим по-быстрому эту... и сразу вернёмся.

— Она совсем не похожа на стражницу...

— И без тебя вижу, что она старая, в этом возрасте у неё не должно быть такого потенциала.

— Но ведь есть шанс остаться стражницей, соблюдая аскезу и дав обет безбрачия?

— Шанс есть. И, тем не менее, сила всё равно полностью уходит к сорока годам. Да и миру нужны новые поколения стражниц. Оставаться бездетной и по капле терять силу слишком эгоистично. Если бы боги не были так жестоки к людям, позволив Ожившим бесчинствовать, всё могло бы быть совсем по-другому.

Альфэй возмущённо фыркнула.

Высокомерная девица походя обозвала её старой эгоисткой. Да ещё и её творение умудрилась обругать! Но ради информации приходилось терпеть соплячку с её поганым ртом и всем тем, что из него вылетало.

До чего непочтительных смертных она создала! Спрашивается, ради чего так старалась, чтобы в этом мире не было войн? Такой зазнайке встряска бы не помешала, а ещё лучше хорошая трёпка!

Альфэй дотащили до богатого поместья. Сдав её привратникам, девицы куда-то ускакали по крышам. Вероятно, вернулись на свой «маршрут». А вот Альфэй вынуждена была терпеть пока её, переложив на носилки, доставят в один из павильонов поместья.

Утешало, что привратники оказались мужчинами, а значит, в этом мире Альфэй удалось решить хотя бы этот момент. И возвращаться к проблеме разделения на Инь и Ян больше не придётся.

В просторной зале, куда её приволокли, присутствовало семь женщин в чёрных обтягивающих костюмах со светящимися кислотно-зелёными полосами, только в отличие от уже виденных, у этих имелись глубокие капюшоны и юбки чуть ниже колен с разрезами по бокам до бёдер и светящейся окантовкой. Самой молодой из присутствующих женщин на вид было лет двадцать пять, она-то и сняла с Альфэй невидимые путы, наложенные хамоватой девчонкой.

— Сестра, прошу простить Цин Мин. Девочка лишилась матери в очень раннем возрасте, её воспитанием занимался отец. Из-за любви и горя брат совсем избаловал бедняжку, — посетовала женщина — Меня зовут Цин Жуйлинг. Мой старший брат является главой рода Цин. На востоке Чайной провинции я возглавляю совет стражниц. Назовись и расскажи нам о причине, заставившей тебя покинуть место своей службы.

— Как я уже говорила, вашей племяннице. Меня зовут У Фэй. И я не припомню, чтобы когда-либо была стражницей. Мне непонятно, о какой службе вы говорите.

Женщины заволновались, перешёптываясь.

— Из какой провинции ты прибыла к нам У Фэй? — продолжала между тем допрос Цин Жуйлинг.

— Я плохо ориентируюсь, так что не знаю.

— Если это правда, то как такое возможно? — повысила голос одна из женщин постарше.

— Это нам и предстоит узнать, — важно кивнула Цин Жуйлинг. — А пока мы выясняем, У Фэй, тебе придётся побыть у нас. Ты умеешь пользоваться своими силами?

— Э... — замялась Альфэй, поскольку своими божественными силами пользоваться она умела, но что-то подсказывало ей, что речь о другом. — Так как ваша племянница магичить я не умею, — определилась она с формулировкой.

— Тогда мы научим тебя всему, что должна знать стражница, — пообещала Цин Жуйлинг. — И да пребудет с тобой благодать!

Альфэй осталась в поместье Цин, на территории которого располагался совет стражниц востока Чайной провинции. Совету принадлежал отдельный павильон для обучения и принятия внутренних решений, а также казарма с полигонами для стражниц.

Комната Альфэй досталась в единоличное пользование. Из одежды ей выдали спортивный костюм с кроссовками, спортивное нижнее бельё, юбку с жилетом и белую блузу с ботинками, словно какой-то школьнице. Как она позже выяснила, чутьё не обмануло, и это правда оказалась учебная форма стражниц.

С ней несколько раз пробовала по душам поговорить Цин Жуйлинг, но в конце концов, сдавшись, отправила её учиться вместе со всеми. За партой в окружении шушукающихся девочек-подростков Альфэй ощутила себя не очень уютно и уместно. Учили юных стражниц тоже исключительно женщины.

— Без стражниц мировой порядок немислим. Без нас Ожившие пожрут всё живое. Им не ведомы жалость, усталость и боль. Их ведёт лишь вечный голод... — наставница прервалась, отреагировав на поднятую руку Альфэй. — Что-то непонятно У Фэй?

— Вы упомянули стражниц... Разве мужчина не может стать стражем? — вопрос потонул в смехах и шепотках её соучениц.

— Только женщины обладают врождённым целомудрием ничего общего с девственностью не имеющим, хотя и это тоже важный аспект для развития сил стражницы. Чем дольше женщина живёт, тем сложнее ей оставаться чистым проводником божественного провидения.

— Я-асно... — протянула Альфэй, которой, впрочем, ничего ясно не было.

Почему в её мире вновь появились какие-то разделения женщин и мужчин на группы по интересам? Она ведь разобралась со своим предвзятым отношением к мужчинам? Что же опять пошло не так?

Библиотека стражниц, в том числе была оснащена компьютерами, так что Альфэй большую часть свободного времени проводила там, изучая своё новое творение. Войны в этом мире действительно были редкостью, ведь люди и без того постоянно находились на грани вымирания. Главной угрозой для них стали Ожившие — мертвецы, которые под воздействием некроэнергии и «негативных» чувств и эмоций людей, таких как гнев, зависть, страх, ненависть, восставали из своих могил. Хотя в этом мире повсеместно старались сжигать своих мертвецов. В живой природе сжигание и не требовалось, всё же лишь за счёт некроэнергии мертвецы и не думали разгуливать по округе и пожирать живых. Зато, если рядом с трупом тигра случится погоревать или позлиться человеку — беды не миновать.

По этой причине посещение природных территорий, таких как: горы, леса, озёра, находилось под строжайшим запретом. В полях и на фермах работали автономные, дистанционно управляемые машины. А природой любовались в небольших парках, по большей части совсем лишённых животных. От зоопарков после нескольких трагических случаев полностью отказались.

В этом мире тщательно следили за тем, чтобы любому трупу, будь то человек или животное, устроить достойное погребение. С уважением относились к любой смерти и на этом принципе возникли и развивались все конфессии мира.

Тут навязчиво твердили о «позитивном мышлении». Осуждали любые «негативные» чувства и эмоции. На каждом шагу выклёвывали мозг всеми этими «должна принять», «должна простить», «должна отпустить», «должна порадоваться», «должна возлюбить». От здешнего лозунга «улыбайся ради всеобщего блага» уже тошнило, а сплошной поток нравочений начинал бесить.

Впрочем, местных жителей можно было понять. Всё же уничтожить Оживших без стражниц решительно невозможно. Пусть твари были активны только с заходом солнца и никаким зомби-вирусом через укус не заражали, но отхватить кусочек плоти могли запросто, не успокаиваясь пока не задерут насмерть. Ожившие преобразовывали «живую плоть» в часть себя, так становясь ещё сильнее и опаснее.

Единственным щитом между живыми и Ожившими оставались девочки-подростки с силой стражниц — достаточно большим резервом энергии Ци, которую они учились использовать в бою и восстанавливать в медитации. И тут было отчего впасть в уныние и беспокоиться будущим людей.

В основном девочек учили драться: врукопашную, с оружием, с помощью энергии Ци. Занятия самых маленьких больше походили на физкультуру с элементами боевых искусств. Старшие в обязательном порядке использовали энергию Ци для более точных и мощных — всеокрушительных ударов. В обучении оказалось действительно много так нелюбимой Альфэй медитации. Счастье, что энергия Ци даже и без медитаций неплохо её слушалась.

Красивые стойки и удары с применением энергии Ци из-за низкого уровня концентрации у Альфэй не очень-то получались, зато начертить знаки заклинаний, с помощью которых возможно поймать и уничтожить Оживших, она вполне могла.

— В этом возрасте пора расстаться с неусидчивостью и суетностью, — качала головой Цин Жуйлинг. — Ну же, У Фэй, немного больше внимания и концентрации!

Увы, от Альфэй даже наставники на Небесах не смогли добиться кристально ясного состояния сознания. Все эти «выкини лишние мысли из головы» и «очисти своё сознание» по большей части так и остались пустым сотрясанием воздуха. Куда проще Альфэй давалось сосредоточение на конкретной задаче, но... как показало сотворением миров и тут закрадывались посторонние, неучтённые мысли, которые вели к ошибкам.

Спустя две недели, Альфэй вновь предстала перед советом стражниц востока Чайной провинции.

— Стражницы с твоими биометрическими данными действительно никогда не существовало. Мы проверили в общей базе данных. Поскольку ты никому не принадлежишь, род Цин принимает тебя в ряды стражниц востока Чайной провинции. С понедельника начнёшь ходить в патруль, — сообщила ей Цин Жуйлинг.

— Но, сестра Цин, ты сама говорила, что У Фэй не даётся концентрация, — возразила одна из старших женщин совета стражниц.

— Поэтому будем ставить её в пару со стражницами, которые сильны в ближнем бою. У Фэй станет добывающей в связке стражниц. Возможно, с обретением боевого опыта концентрация и ясность сознания придут сами собой. В любом случае, мы не можем позволить себе разбрасываться сильными стражницами.

— Я согласна ходить в патруль, — поторопилась высказать своё мнение Альфэй, пока

её вновь не усадили за парту с малолетними стражницами.

— Тогда решено. И да пребудет с тобой благодать, сестра.

Альфэй выдали доспех стражницы — обтягивающий как вторая кожа чёрный костюм со светящимися полосками, которые лишь подчёркивали её округлые женственные формы. И если на девочках-подростках такая форма одежды неплохо смотрелась, то с размером груди зрелой женщины, выходило неловко.

— А чего-то более приличного у вас нет? — спросила Альфэй, рассматривая себя в зеркало и радуясь, что хотя бы живот у неё плоский и подтянутый. А вот ягодички под плотной тканью визуальнo перекатывались от каждого шага.

— Боюсь, что у рядовых стражниц одинаковый доспех. Стражницам входящим в совет полагается другая модель, но... чтобы её получить нужно состоять в совете.

Светящиеся полосы довольно прочного доспеха не давали как следует слиться с ночной темнотой. Наоборот высвечивая все выпуклости-вогнутости фигуры. Впрочем, такое решение несло практическую цель, позволяя видеть друг друга и территорию вокруг себя. Приглушённый свет не бил по глазам, и не мешал свободно сражаться даже в кромешной тьме. Хотя на освещении в городе и не экономили. Всё же несмотря на то, что электрический свет Оживших не останавливал, людям было с ним спокойнее.

Альфэй утешила себя тем, что ночью, когда Ожившие наиболее активны, её смогут увидеть в смущающем доспехе разве что напарницы-стражницы, а это она как-нибудь переживёт.

Часть 4

Глава 2. Нарывающаяся богиня

Первая неделя выдалась лёгкой. Альфэй с напарницами давали самые близкие к поместью Цин маршруты. Зато поисковое заклинание у неё получалось уже на автомате. Правда высвечивало оно только напарниц Альфэй и монолит поместья Цин с его защитными барьерами.

— Послушай Цин Мин, твоё поведение выходит за рамки. Ли Цзя уже третья твоя напарница, которая пострадала из-за нападения Оживших. Неужели тебе совершенно безразличны жизни твоих сестёр? — услышав звенящий от сдержанного гнева голос Цин Жуйлинг, Альфэй невольно застыла.

— Так это я виновата, что они такие медленные, что даже от только что восставшего Ожившего убежать не могут? — послышался другой звонкий и хорошо запомнившийся голос молодой госпожи Хамки.

Направляясь на территорию обычно пустующего тренировочного полигона Альфэй не ожидала наткнуться там на Цин Жуйлинг с племянницей.

— Ты даже не попыталась помочь Ли Цзя, — сдержанно продолжала упрекать Цин Жуйлинг.

— Было бы с чем помогать! Она стражница, которая должна защищать гражданских. Но вместо того чтобы попытаться уничтожить Ожившего, она кинулась от него убежать.

— Ли Цзя слабее тебя и ей медленнее удаются заклинания, она не успевала атаковать. В этом случае тактическое отступление вполне оправдано и закономерно.

— Пф, — выразила своё презрение к человеческим слабостям Цин Мин.

— С тобой никто не хочет становиться в пару. Ты понимаешь, что это значит?

— Я и одна отлично справлюсь!..

— Тебя отстранят от патрулирования, — не слушая племянницу, невозмутимо

продолжила Цин Жуйлинг. — Стражницы работают только в связке с напарницей. А ведь уже через десять дней состязание стражниц. И если до того времени ты так и останешься без напарницы, то помимо патрулей, ты не попадёшь ещё и на состязания.

— Но я самая сильная! Это не честно!

— Твоё счастье, что Ли Цзя жива, и её здоровью уже ничего не угрожает. Иначе наказание могло быть более суровым.

Поразмыслив, Альфэй решила обозначить своё присутствие. Хотелось, наконец, самой увидеть этих Оживших, а с более слабыми стражницами — это оказалось не так-то просто.

Кроме того после трёх нападений на её напарниц Цин Мин так и не усвоила урока. В то что бойкот и отстранение от патрулирования и соревнований, вставят ей мозг на место, Альфэй сильно сомневалась.

Есть тип людей, у которых все вокруг виноваты, а они всегда несправедливо обиженные. Видимо Цин Мин относилась к таким.

— Сестра Цин Жуйлинг, сестра Цин Мин, приветствую вас, — улыбнулась стражницам Альфэй.

— Ты?! Что она тут делает? — развернулась от Альфэй обратно к тёте Цин Мин.

— Учится, — лаконично ответила та.

— И уже хожу в патруль, — с мстительным удовольствием добавила Альфэй.

— Она?! — неприятно взвизгнула Цин Мин. — Значит, меня ты отстраняешь, а ей позволяешь ходить в патруль. Да она же дезертир!

— Ты не права. Мы точно выяснили, что У Фэй никогда не была стражницей.

— Но... но она старая!

— Цин Мин! Это, в конце концов, не вежливо. Где твои манеры? Немедленно извинись.

— Как ты можешь выпускать в патруль какую-то деревенщину, которая только вчера узнала о том, что она стражница? При этом меня, лучшую из лучших, отстранить?! — не слушала тётю Цин Мин.

— О... как ужасно узнать, что грубиянки и хамки никому не нужны, даже если они самые лучшие стражницы, — пропела Альфэй, заработав полный ненависти взгляд Цин Мин и умоляющий взгляд Цин Жуйлинг.

— Сестра У Фэй...

— Не стоит слов, сестра Цин Жуйлинг. Так и быть, я готова выручить вас из этого затруднительного положения. Я побуду напарницей вашей племянницы, пока вы не найдёте на это место кого-то более достойного.

— Но... — выдохнула Цин Жуйлинг и опасно покосилась на племянницу. — Мы можем обсудить это наедине.

— Зачем же? Я уже поняла, что у Цин Мин есть милое хобби скормливать своих напарниц Ожившим...

— Что ты несёшь?! — покраснев, заорала молодая госпожа Хамка и сжала руки в кулачки.

— Не стоит переживать, меня не так-то просто скормить кому бы то ни было... подавятся.

— Но, сестра У Фэй, при всём твоём огромном потенциале, уровень твоих способностей...

— Что она настолько плоха? — хмыкнула Цин Мин, шумно выдохнув и успокоившись.

— Не то чтобы... с уровнем силы всё более чем замечательно, а вот с концентрацией...

— Неужели мечты о прекрасном принце и розовой диадеме из головы никак выкинуть не можешь? — спросила эта противная девчонка.

— Всего лишь то, как хорошо покувыркалась в постели и в каких позах со своим любовником, — вежливо улыбнулась нахалке Альфэй. Такие мысли действительно порой мешали ей сосредоточиться.

— Т-ты! — злобно зашипела красная, как помидорка, Цин Мин.

— У Фэй! — воскликнула тоже покрасневшая Цин Жуйлинг.

— Она спросила, я ответила, — пожалала плечами Альфэй.

— Всё же думаю, что для тебя рано настолько удалиться от поместья Цин...

— Я согласна, — перебила тётю Цин Мин. — Пусть она попробует быть моей напарницей.

— Но у сестры У Фэй ещё недостаточно навыков...

— Я присмотрю за ней, — через силу попыталась зловеще улыбнуться Цин Мин.

Стоит отдать Цин Жуйлинг должное, она не сразу выпустила их с Мин Цин на улицы города. Сначала их навыки проверил совет стражниц, и только после этого, да ещё и индивидуального собеседования, на котором Альфэй объяснили отчего с Цин Мин никто не хочет вставать в пару, их связку одобрили.

— Будешь подчиняться мне. Я опытнее и лучше, — заявила Цин Мин на их первом патрулировании.

— Да-да, — отмахнулась от неё Альфэй.

— Не думай, что я теперь тебе чем-то обязана. Это я делаю одолжение, возясь с такой безрукой стражницей, как ты... — продолжила Цин Мин, только укрепляя Альфэй в мысли, что молодая госпожа Хамка, не умеет ценить помощь и хорошее к ней отношение.

Первым Ожившим, которого Альфэй увидела, оказалась крыса. Причём почувствовать её удалось даже без поискового заклинания. Маленькая, юркая тень в свете уличных фонарей и их костюмов метнулась в сторону Цин Мин.

— Сзади, — предупредила Альфэй, сосредоточившись на заклинании воздушных силков.

Цин Мин действовала быстро, успевала и уворачиваться, и довольно прицельно кидаться заклинаниями. Именно она спеленала жуткую облезлую, полуразложившуюся крысу и окончательно прикончила её заклинанием испепеляющего огня. Альфэй только мешочек для пепла успела подсунуть, для последующего упокоения твари по всем местным правилам.

После ещё парочки таких происшествий, когда Ожившие, словно вообще не замечая Альфэй, кидались на Цин Мин, та не выдержала.

— Почему они набрасываются только на меня?

— Видимо потому что от тебя идёт самый сильный негативный эмоциональный фон, — наигранно серьёзно ответила Альфэй.

Конечно, всё было совсем не так. В отличие от разумных рас, Ожившие вполне подчинялись Альфэй, как творцу мира, и физически не могли на неё наброситься. Заставлять их действовать против своей природы Альфэй не намеревалась, наоборот ловить вёрткую добычу на живца представлялось куда более лучшей идеей. Возможно, именно так вела себя Цин Мин со своими прошлыми напарницами, не зря же на тех каждый раз нападали Ожившие.

— Признайся, что используешь меня как наживку, — как-то сказала Цин Мин, не глядя

в её сторону, и подтверждая догадки на свой счёт.

— Признайся, что неспроста знаешь об этом способе охоты, — в тон ей ответила Альфэй, которой тоже понравилось спокойно ловить Оживших, пока Цин Мин отвлекала их на себя и металась из стороны в сторону. Во всяком случае, нравучений от Цин Мин поубавилось.

Каждая их вылазка заканчивалась столкновением с Ожившими. Альфэй начала верить, что эмоциональный фон действительно привлекает тварей. Цин Мин постоянно злилась и возмущалась, словно специально подманивая Оживших. Но жаловаться на это Альфэй не собиралась. Наоборот, в связке с Цин Мин она быстро научилась заклинаниям воздушных силков и испепеляющего огня, а её чутьё на нежить многократно усилилось.

— Нужно позвать на помощь, — сказала Альфэй, когда почувствовала действительно пугающее скопление Оживших.

— С чего вдруг? Я и сама справлюсь, если у тебя поджилки вдруг затряслись, — отозвалась Цин Мин, тоже формируя поисковое заклинание.

— Я когда-нибудь оспаривала твои решения? Или не подчинялась тебе на охоте? Как бы я не относилась к тебе лично, но с такой угрозой, как Ожившие, не шутят, и это не повод для излишнего героизма или безмозглой отваги. Прежде всего, нужно позаботиться о безопасности людей, а потом уж похвалиться силой и ловкостью.

Цин Мин побледнела, но не из-за отповеди Альфэй, а потому что, после сработавшего поискового заклинания, тоже поняла всю серьёзность их положения. Они связались с советом стражниц и дождались подмоги.

— Может, накинем воздушные силки на всю ту область, где ощущаются Ожившие? — предложила Альфэй, потому что, глядя на два десятка девочек-подростков в доспехах стражниц, ей вдруг стало жутко.

— Чем ты только слушала наставниц? Такую площадь воздушными силками не покрыть, — вяло огрызнулась Цин Мин.

Альфэй бы с ней поспорила. Её сил вполне хватило бы и на куда большую площадь, но тогда она раскрыла бы себя как не человека. Поэтому пришлось пойти другим путём. Пока стражницы окружали скопление Оживших, Альфэй сдерживала тварей.

— Ты тормозишь, — шепнула ей Цин Мин.

— Ага, поджилки затряслись, сил нет. Радуйся, вся слава достанется тебе, — сквозь зубы ответила Альфэй.

В месиве схватки она почти не участвовала, все силы тратя на то, чтобы замедлить Оживших. Цин Мин ощущалась где-то рядом, заслоном встав между Альфэй и Ожившими.

— Кажется, всё, — выдохнула она, почувствовав, что последнюю тварь упокоили, и открыла глаза.

— Не знаю, что ты сделала, но это было своевременно, — сдержанно сказала взмыленная и тяжело дышащая Цин Мин. — Только чудом никто серьёзно не пострадал.

Смотря запись охоты с городских видеокамер, Альфэй вынуждена была согласиться. На этот раз Ожившими оказались люди: мужчина и девушка, а также с десятков мелких животных. Стражницы подтормаживали, явно морально не готовые противостоять Ожившим людям — свеженькие трупы выглядели совсем как живые.

— К нашему приходу они отчего-то замедлились, хотя обычно на живых Ожившие реагируют иначе, — задумчиво пробормотала Цин Жуйлинг, также смотревшая запись.

Цин Мин бросила взгляд из-под ресниц на Альфэй, но промолчала.

— Мы получили от полиции запись с камер видеонаблюдения по этому делу. Взглянем, — переключилась на новую информацию Цин Жуйлинг.

На записи пошатывающийся мужчина подошёл к девушке и стал к ней приставать, отбиваясь девушка полетела с крутой лестницы и разила голову. Поднялась она уже Ожившей, и теперь настала очередь отбиваться мужчине. По ходу действия к парочке присоединялось всё больше привлечённых негативными чувствами Оживших.

— Возможно, когда мы звали на помощь и ждали подмогу, кого-то ещё можно было спасти, — высказала опасение Цин Мин.

— Невозможно, — отмахнулась Альфэй. — Я почувствовала именно Оживших. Посмотри на время вызова и сама убедишься, что к моменту, когда мы их засекали, для людей всё было уже кончено.

— У Фэй права, Цин Мин. Стражницы не могут всех спасти. В процессе охоты были ранены две стражницы и это при том, что в целом всё хорошо закончилось. Ожившие люди обычно куда опаснее и агрессивнее животных, — покачала головой Цин Жуйлинг.

— В этот раз благодать была с нами, — покивала другая стражница из совета.

Оставшееся до состязаний время отец и тётя не выпускали Цин Мин из поля зрения, из-за чего и Альфэй перестали выпускать за пределы поместья. Она как раз наблюдала за тренировкой стражниц, размышляя о предстоящих состязаниях и кандидатурах в напарницы Цин Мин, когда та подошла и села рядом.

— Мою маму убил именно Оживший человек, — сказала Цин Мин тихо. — После рождения ребёнка стражницы слабеют, но мама была очень сильной и до самого конца ходила в патруль. Я знаю, что такая же сильная, как мама. Но против Ожившего человека и этого может быть недостаточно.

— Первый раз столкнулась с Ожившими людьми? — заинтересованно посмотрела на неё Альфэй.

— У нас не часто такое случается, — тихо ответила Цин Мин, застывшим взглядом глядя перед собой.

— Я заметила на записи, что стражницы медлят нападать на Оживших людей.

— Они слишком похожи...

— Они уже не люди, им всё равно. Секунда промедления и на одного Ожившего человека будет больше, причём Ожившая стражница, наверное, будет куда опаснее...

— Именно это с мамой и случилось. Тогда... стражницы понесли огромные потери.

— А почему не вживить в доспех какой-нибудь амулет самоуничтожения? Чтобы как только доспех зафиксирует смерть стражницы... Пуф! И угроза устранена.

— До амулета самоуничтожения наши умники ещё не додумались, а вот фиксация Ожившего доспехом предусмотрена.

— Хоть что-то, — согласилась с ней Альфэй.

А ещё она с запозданием вспомнила, что ситуации бывают разными и нельзя исключать, например, клиническую смерть, которая может быть неокончательной.

— Отец не хотел отпускать меня на состязания стражниц, но тётя его убедила, что это хорошо для всего нашего рода. Ты пойдёшь со мной? — взгляд Цин Мин впервые показался робким.

— А кого-то своего возраста ты позвать не можешь?

— Никто, кроме тебя, не согласится.

— Ну да ты же всех распугала. Подожди, а участвовать надо в доспехах, в которых мы в

патруль ходим?

— Ну да, это же униформа, по которой нас узнают. И всем сразу видно, что ты стражница с востока Чайной провинции, приписанная к роду Цин.

— И за состязаниями будет наблюдать куча народа?

— Даже по телевидению выйдет трансляция, — кивнула Цин Мин.

— К тёмным богам такие состязания! Я отказываюсь позориться.

— Ну с твоими-то умениями — это точно, только позориться, — фыркнула Цин Мин и осторожно скосила взгляд на Альфэй. — Но мне и, правда, очень нужно туда попасть. Это важно для рода Цин.

— М... так ты просить меня пришла?

— Да, — шумно выдохнула Цин Мин. — Я прошу тебя, помочь мне.

Альфэй хмыкнула. Всё же спеси у девчонки поубавилась, а без грубостей и хамства Цин Мин ей даже нравилась. Проблема была в сердечном демоне. Состязание стражниц слишком значимое событие в этом мире, Альфэй со стопроцентной гарантией засветится на нём. Но сдаваться без боя она не привыкла, тем более бегать от проблем.

— Хорошо. Позориться так вместе, — согласилась Альфэй, и Цин Мин впервые по-человечески ей улыбнулась.

Состязания были рассчитаны на скорость, гибкость и силу. Никаких Оживших там и в помине не было, обычные мишени как на тренировочном полигоне. Сначала прошли состязания в провинциях, потом настало время для состязания по стране. В отличие от Цин Мин, Альфэй очень надеялась, что на мировые они не пройдут. Она уступала даже своей напарнице, что уж говорить о других более опытных стражницах.

До мировых состязаний ждать и не пришлось. На регистрацию они с Цин Мин явились, как и все остальные стражницы в доспехе, который кроме всего прочего служил своеобразным удостоверением. Там же оказался Сибилл в паре с красоткой из Мандариновой провинции на вид лет восемнадцати.

— Это мужчина? Страж? Разве такое бывает? — сипло прошептала рядом Цин Мин.

Альфэй не нашла в себе силы даже чтобы кивнуть ей. Сибилл словно услышав, что говорят о нём, развернулся к ним и, что-то сказав своей красотке, направился в их сторону. Альфэй нервно сжала на груди артефакт-накопитель.

Если она думала, что доспех обтягивающий, как вторая кожа, на ней, разменявшей третий десяток женщине, будет смотреться откровенно, то это она просто ещё мужчину со всеми выпирающими достоинствами в этом «чулке» не видела. От открывшегося вида потеплело внизу живота и захотелось смочить враз пересохшее горло.

— Давно не виделись, Фэй. Тебе очень идёт доспех стражницы, — он подошёл неопозволительно близко, и Альфэй на шаг отшатнулась, ощущая как от сомнительного комплимента запылала щёки. — Я подумал, что прошло уже достаточно времени, чтобы сгладилась все недоразумения между нами.

В обличии зверчеловека Сибилл был намного выше, но тигры вообще крупнее лис. Человеком Альфэй видела его последний раз подростком, и уже тогда Сибилл перерос её на полголовы. В этом мире он стал ещё внушительнее, заматерел и не только физически. Взгляд голубых глаз, стал как будто темнее и тяжелее, а около улыбчивого рта появились скорбные изломы. Впрочем, стоило Сибиллу оказаться рядом с ней, и он растерял большую часть своей собранности, расслабил плечи, улыбнулся в своей самой очаровательной манере, от которой даже у неё — богини зачастило сердце.

— Ты поторопился с выводами, — сухо ответила она.

— Неужели ты вдруг полюбила охоту? — перевёл он тему разговора.

— Я могу отличить Оживших от живых.

— Да? А я было решил, что ты с нашей прошлой встречи пересмотрела свои принципы, — намекнул этот паршивец, на её несдержанные слова о его уничтожении.

Альфэй сложно давалась аксиома, что сердечного демона нужно принять. Вот с пониманием того, что любой враг должен быть уничтожен, у неё проблем не было. Личная встреча всколыхнула едва притупившуюся злость и обиду, которые показались всё такими же обжигающими.

Часть 4

Глава 3. Потерянная богиня

Сибилл не смог бросить своё племя в войне против всех. Он был охотником и хорошо знал повадки дичи. Он убивал ради пропитания, но того с чем столкнулся в этом мире ему ещё видеть не доводилось. Даже в мире, практически уничтоженном войной, старые хроники не могли передать всего ужаса этого присущего разумным явления.

Под конец четырёхлетней войны Сибилл стал Великим Вождём всех пяти племён. Тигров осталось исчезающе мало, и для восстановления численности он обязал другие племена отдать своих самок в гаремы, чтобы в кратчайшие сроки пополнить популяцию. Странно, что в историю он вошёл не «гаремоводцем», впрочем, у него самого гарема самок как раз не было.

Всё время после ухода Фэй из мира зверолодей Сибилла мучил вопрос, почему на этот раз её исчезновение переполошило всех? Раньше он наблюдал совсем другую картину: люди забывали о ней, уверенные, что Фэй вернулась «туда откуда пришла», а переживал за неё только он. Теперь получилось наоборот. Хотела ли этого Фэй? Так мстила ему? В особенно плохие дни Сибиллу казалось, что да. Потом он вспоминал, какой была его сестрица и... вновь задавался вопросом, что пошло не так?

Когда он решился оставить мир зверолодей, то, помня, во что вылилось исчезновение Фэй, прямо рассказал о своём решении Ускользящему хвосту.

— Другой мир? Это даже звучит бредово, — сразу не поверил ему друг.

— А откуда по-твоему у меня столько знаний не вписывающихся в обычную племенную жизнь? Я не сам по себе такой умный, а потому что меня учили этому. Я же никогда не рассказывал, откуда мои знания. И если ты подумаешь, то поймёшь, что эта теория хорошо всё объясняет. Как, например то, куда делась Жестокая фея.

— Ты сказал, что она ушла. Но её запах словно обрывался в твоей пещере, — поморщился Ускользящий хвост, когда-то из-за этого началась война между лисьим и тигриным племенами. Эту историю никто вспоминать не любил.

— Именно. И там не было запахов крови или смерти. Она просто целиком и полностью перешла в другой мир. У меня пока что так же хорошо, как у неё, не получается, так что какое-то время я потрачу на безрезультатные попытки, но...

— В итоге всё равно уйдёшь, — понял его Ускользящий хвост. — Ладно. В конце концов, когда-то я согласился на твой безумный план натравить небесный огонь на надвигающуюся объединённую армию четырёх племён. Так что если кто и поверит в твой новый безумный план, то только я.

Уйти в другой мир оказалось, как всегда не просто, но, в конце концов, он своего добился.

Новый мир встретил Сибилла не ласково. От летящего к горлу собачьего трупа он отмахнулся рефлекторно, отстранённо отмечая, что руки вновь стали человеческими, без шерсти и когтей. Вот только труп пружинисто отскочил от земли, вновь нацелившись на него.

На линии горизонта в сгущавшихся сумерках фонари высвечивали очертания большого города. Сибилл видел такие в старых хрониках своего второго мира и направился в ту сторону. Люди, соседствовавшие с мёртвыми тварями, должны были знать, как с ними бороться.

Сибилл пробовал рвать полусгнившее мясо, расшвыривая ошмётки в разные стороны, но те всё равно соединялись в единую оскалившуюся тварь, вооружился палкой, чтобы держать тварь на расстоянии, убежал и залезал на дерево. Всё тщетно.

Силы уходили, а преследовавших его тварей становилось всё больше. К собачьему трупу присоединялись и другие: грызуны, птички. Сибилл мимолётно порадовался, что среди них нет ни одного зверочеловека, вот с кем совладать в человеческом теле было бы действительно сложно.

На руках и ногах появились первые царапины и укусы.

Приближаясь к городу, Сибилл всё лучше чувствовал холодную, как дуновение ветра с горных вершин, энергию преследовавших его тварей и теперь обходил стороной сгустки подобного холода. В самом городе тоже ощущались пылающие, словно костры, точки, но совершенно иной полярности. Вот на них Сибилли и нацелился.

Он уже какое-то время бежал по улицам города между наглухо закрытых железных дверей домов. Кажется, местные отлично понимали опасность, с которой столкнулся Сибилл, и не спешили на его призывы о помощи. Тянувшаяся за ним стая тварей ничуть не поредела.

— Быстрее! Заклинание показало Оживших в этой стороне, — услышал Сибилл высокий голос, прежде чем из-за угла на него выбежали две девчонки в обтягивающих костюмах с оранжевыми светящимися полосами.

Сибилл не успел даже испугаться за девочек, всё его внимание уходило на то, чтобы не подставиться под клыки и когти.

— Мамочка! — заверещала отставшая от первой девочка.

— Чэнь Лу, вызывай подмогу. Немедленно! — шикнула на неё первая и, подскочив к Сибиллу, стала чертить в воздухе знак, после чего указала двумя пальцами на труп собаки, который вздёрнуло в воздух. После новых пассов рукой труп собаки, барахтавшейся в воздухе, стал прахом.

Несмотря на опасения Сибилла ожившие трупы на девочек не нападали, они словно целенаправленно охотились только на него.

— Да что не так с этими Ожившими, — пыхтела рядом с Сибиллом первая девчонка, которая и не думала убежать или прятаться от тварей.

Сибилл старался держаться на расстоянии, давая место для манёвра и возможность спокойно прицелиться. Девчонка медленно, но верно сокращала численность атаковавших его трупов.

Они вдвоём дождались подмоги ещё двух пар таких же девочек в похожих костюмах и с тварями наконец было покончено. Сибилл устало сел на землю.

— Никогда не видела такую стаю, — всхлипывала Чэнь Лу.

— Молодец, что вызвала подмогу. Тут вообще что-то странное творилось, Ожившие

почему-то нападали только на этого мужчину. Меня, кстати, Лэй Мейфенг зовут. А тебя как? — спросила его спасительница.

— Сибилл. Благодарю за помощь.

— Это наша обязанность уничтожать Оживших. Мы же стражницы, — пожалала плечами Лэй Мейфенг. — Ожившие всегда на тебя так реагируют?

— Не знаю. Я впервые с ними столкнулся. Но что-то мне подсказывает, что и другие поведу себя так же.

— Если ты не против, я бы хотела забрать тебя к нам, чтобы показать совету стражниц. Думаю, оставлять тебя одного попросту опасно. Стоит изучить этот феномен.

— Я согласен. Мне в любом случае некуда идти.

— Ты что бездомный? — приоткрыв рот, уставилась на него Чэнь Лу, на которую тут же зашикали более старшие девочки.

— Похоже на то, — примирительно улыбнулся Сибилл.

Девчонки-стражницы переглянулись.

— Можешь подняться? Или тебя сильно ранили? — спросила Лэй Мейфэнг.

— Это всего лишь царапины. Я больше устал. Еда и сон всё исправят, — заверил её Сибилл.

Совет стражниц, в который входила и мама Лэй Менфенг — Лэй Куфей, выслушал Сибилла. Но только заступничество Лэй Мейфенг позволило ему остаться в поместье Лэй.

— Дочь уверена, что тебя опасно выпускать за пределы поместья. Поэтому пока что останешься тут в качестве рядового охранника, — поморщился Лэй Фенг — глава рода Лэй. — И раз уж на тебя так странно реагируют Ожившие, дашь стражницам себя осмотреть и провести пару экспериментов. Да не трясись ты так, будь мужчиной. Ну возьмут они немного крови, с тебя не убудет.

Мужчины в поместье занимались всеми бытовыми вопросами, в обязанности Сибилла входило помогать по мере сил, где скажут: уборка территории и помещений, помощь по кухне и в прачечной, мелкий ремонт, охрана территории. У стражниц были более важные дела, чем думать о такого рода вещах.

С Лэй Мейфенг у Сибилла сложились хорошие отношения. Та действительно заинтересовалась феноменом его тотальной привлекательности для Оживших и всегда сопровождала на неприятные процедуры вроде забора крови. Врачей после лабораторий своего второго мира он недолюбливал и моральной поддержке был рад.

— Послушай, Сибилл. Я бы хотела провести эксперимент... Понимаю, ты наверно боишься Оживших после прошлого раза, но обещаю, что буду рядом и смогу защитить тебя, — в конце концов предложила Лэй Мейфенг.

— Хочешь попытаться приманить на меня Оживших? — догадался Сибилл. — Конечно, давай попробуем.

— А ты смелый, — улыбнулась ему Лэй Мейфенг. — Мне запретили предлагать тебе такой рискованный эксперимент, но я всё же в тебе не ошиблась.

— Я хочу сам научиться себя защищать.

— Стражницами могут стать только женщины и то... Лет до двадцати сила нарастает, и совсем уходит годам к сорока. С рождением ребёнка сила уходит ещё быстрее, а у самых слабых пропадает полностью.

— Всё равно, — упрямо мотнул головой Сибилл. — Давай проведём ещё один эксперимент. Покажи, как вы уничтожаете Оживших.

— Э нет. Так не пойдёт. Раз ты согласен на эксперименты, проведём их по всем правилам. И для начала согласуем с советом стражниц! — решила Лэй Мейфенг.

И Сибилл был вынужден с ней согласиться. Всё же если кто-то пострадает в результате их экспериментов, влетит потом именно его подруге, а не ему.

Первая же вылазка за пределы поместья показала, что Ожившие действительно охотятся именно на Сибилла, забывая обо всех остальных.

— Чем ты их так привлекаешь? Неужели всё время грустишь или тоскуешь? — выдвинула теорию Лэй Менфенг.

— Не то чтобы у меня не было причин тосковать, но не имею привычки заикливаться на чём-то. Погорюю и сразу начинаю планировать, что с этим делать, — возразил ей Сибилл.

— Горевать вообще нельзя! — запальчиво сказала Чэнь Лу.

— Ну так и бояться тоже нельзя, — подколот её Сибилл.

Чэнь Лу была страшной трусишкой. Лэй Менфенг явно взяла её в напарницы, чтобы присматривать, а ещё, возможно, чтобы приманивать Оживших на сильное «негативное» чувство.

Следующим шагом стало обучение. Лэй Менфенг показывала ему уроки в записи и сама учила практическим навыкам, так что она первая узнала, что Сибилл вполне способен воспроизвести знаки стражниц и что самое главное они будут действовать.

— Не может этого быть. Ты же мужчина, — выдохнула она, рассматривая ручку, которую он удерживал воздушными силками. — Если только... Судя по реакции Оживших, даже если где-то существуют мужчины-стражи, они попросту не выживают. Да... в этом случае в поведении Оживших есть хоть какой-то смысл. Надо сообщить об этом совету!

— Подожди, — придержал её Сибилл. — Давай закончим хотя бы с заклинаниями помогающими уничтожить Оживших. А-то меня опять будут гонять сдавать кровь и просвечивать на разных аппаратах, неизвестно когда удастся вернуться к учёбе...

— Просто признай, что ты боишься врачей, — закатила глаза Лэй Мейфенг.

— Угадала. Но я предпочту загрузить голову, перед тем как сдать этим потрошителям. Может хотя бы так смогу отвлечься, когда потом в меня будут тыкать иглой.

— Это нелогично, бояться уколов и совершенно спокойно голыми руками отмахиваться от Оживших.

— Как скажешь, — быстро согласился Сибилл, лишь бы только она продолжала его учить.

Особенно его заинтересовала медитация, с помощью которой можно было пополнить силы и перенаправить их, например, для усиления тела, ощутить Оживших и стражниц, а также закрытые барьерами территории, вроде поместья Лэй. Сибиллу казалось, что теперь ему бы проще далось перемещение между мирами. Как только он это осознал, то попытался провести собственный эксперимент: позвать Аи. В первый раз у него закономерно ничего не получилось, но Сибилл знал, что тут главное проявить упорство, и он пробовал раз за разом.

Она предстала перед ним в форме полупрозрачного светящегося неоновом-синим силуэта.

— Аи! — воскликнул Сибилл и по привычке бросился ей на шею, но его руки ощутив лишь слабое сопротивление с покалыванием, как он разряда электричества, и уже привычную холодную энергию, прошли сквозь её тело. — Нет-нет-нет! — затопила паника, что своим вмешательством он убил её.

Аи открыла пасть, но из неё не вылетело ни звука. Тигриный рёв Сибилл ощутил у себя в голове, и откуда-то пришла уверенность, что он не убивал, а лишь позвал, и Аи услышала его. Вместе с тем, снизошло понимание, что без тела Аи долго не протянет, и тогда действительно он потеряет её окончательно.

— Я со всем разберусь. Иди ко мне, Аи, — позвал Сибилл, распахнув объятия.

Тигрица помедлила, словно давая время передумать, но всё же прыгнула ему навстречу. Тело пронзило сотней маленьких и больших разрядов. И Сибилл не смог сдержать вопль, на который отреагировали жившие по соседству с ним в поместье Лэй охранники. В его комнату зашли перед тем, как он окончательно отключился.

Всё же Сибилл угодил ко врачам, как бы их не избегал.

— Ты не докладывала, что у него получают заклинания! — его разбудил окрик главной стражницы совета Сюэ Юй.

— Сибилл боится врачей, — услышал он голос Лэй Менфенг.

— И всё равно оказался тут. Что за рисунок у него на спине? Раньше его не было.

— Я впервые его вижу. Сибилл не говорил, что хочет сделать нечто подобное.

— Заклинания поиска странно реагируют на татуировку, распознавая в ней Ожившего. Ты точно ничего не хочешь рассказать, Лэй Менфенг?

— Я уже сказала всё что знаю и написала все заклинания, которым учила его.

Когда Сибилл достаточно окреп, совет стражниц устроил ему допрос.

— Где ты нашёл запретные знания? Кто научил тебя им? — упорствовала Сюэ Юй.

— Никакие запретные знания я не использовал. Просто в медитации позвал свою подругу, и она пришла ко мне, — он умолчал о том, что звал специально и не раз.

— Ты говоришь о тигре?

— Да. Я вырастил Аи, но потом потерял.

— Ты осознаёшь, что такое слияние может быть опасным для тебя? — мягко спросила Лэй Куфэй.

— В любом случае отступить я не намерен, — предупредил Сибилл, ведь ему только-только удалось вернуть себе Аи.

— Пусть так. Тогда, сначала тесты. Останешься в госпитале, пока мы не убедимся что ни ты, ни татуировка у тебя на спине не представляете угрозы людям. А дальше будет видно.

Так они и замерли в этой патовой ситуации. Совет стражниц не желал подвергать опасности людей и выпускать Сибилла из госпиталя. А сам Сибилл ничем не мог доказать свою благонадёжность. Спасла его в очередной раз Лэй Менфенг, уговорив совет на новый эксперимент.

— Прогуляемся? Может хоть теперь Ожившие прекратят нападать на тебя, раз ты почти на половину один из них, — хмыкнула она.

Но её прогнозы не оправдались. Стоило им чуть углубиться в районы на окраине города, как на пути возник дохлый голубь. Впрочем, ни Лэй Менфенг, ни Сибилл ничего не успели сделать.

Спина зачесалась. Зудящее ощущение стремительно перетекло на руку и с тыльной стороны ладони к ногам Сибилла стекла Аи.

— Как ты это сделал? — напряжённо спросила Лэй Менфенг, отступив от него на шаг назад.

— Это не я, — улыбнулся Сибилл и поймал её руку, занесённую для начертания знака. — Только не нападай на Аи.

Аи грациозно прошла сквозь голубя, и тот упал, словно марионетка, которой подрезали верёвочки. За время патрулирования территории Аи появлялась ещё трижды. Все тушки, кроме первой Лэй Менфенг уничтожила, а голубя они взяли для исследования.

На обратном пути Аи вновь прыгнула к Сибиллу, заставив Лэй Мейфенг вскрикнуть, и искрами по коже просочилась под доспех на спину. Пришла уверенность, что такая охота на Оживших подпитывает Аи, делая её сильнее.

— И как?.. С тобой всё нормально? — обеспокоенно спросила его Лэй Менфенг.

— Я — просто отлично.

Так незаметно пришло время состязаний стражниц, и встал вопрос о том, кто станет напарницей Лэй Менфенг. Всё же Чэнь Лу для этого не подходила и это понимали все. Вот только то, что Лэй Менфенг предложит участвовать в состязаниях в качестве напарника Сибиллу стало неожиданностью так же для всех.

— Ну а что? Ты сильный и меткий. Глупо этим не воспользоваться. Заодно о страже-мужчине узнают все, чтобы у совета не было соблазна закрыть тебя где-нибудь в лаборатории, — обосновала своё предложение она, и Сибилл, передёрнув плечами, был вынужден согласиться с некоторой её правотой.

— Да пребудет с нами благодать? — у него на состязания стражниц были и свои планы.

— На благодать надейся, а сам не плошай, — заговорщески подмигнула ему Лэй Мейфенг.

Часть 4

Глава 4. Непримируемая богиня

Сибилл не задержался рядом с Альфэй. Красотка-напарница утащила его прочь, хотя тот ушёл, нехотя, поминутно оглядываясь. И Альфэй, наконец, разжала судорожно сцепленные вокруг артефакта-накопителя пальцы, всё же у участника состязаний стражниц не так много времени на любезности.

— Ты знаешь его? — Цин Мин всё провожала спину Сибилла взглядом.

— Мы пересекались, — вынужденно подтвердила Альфэй.

— И что? У него и правда есть сила... стража?

— Раньше не было, — ей не хотелось верить в то, что даже без подпитки её божественной энергией демон настолько силён.

Они приехали за день до начала состязаний, и после регистрации их с Цин Мин разместили на закрытой барьерами территории спортивного комплекса в отведённом для проживания стражниц общежитии.

Вечером, когда они уже переоделись в спортивные костюмы, в комнату постучали. Цин Мин побежала открывать дверь с такой готовностью, словно кого-то ждала.

— Привет. Меня зовут Сибилл. Я бы хотел увидеть У Фэй, — послышался знакомый голос, от которого сбилось дыхание.

— О... А я — Цин Мин — напарница Фэй. Мы как раз собирались с ней пойти поужинать.

— Я тоже ещё не ужинал. Не против, если составлю вам компанию? — тут же попался в эту простейшую ловушку Сибилл.

— Конечно, — сладко пропела довольная собой Цин Мин.

Альфэй не стала возражать против компании Цин Мин, всё же общаться наедине с сердечным демоном она остерегалась. Как и отказываться от совместного ужина и вновь провоцировать его.

Весь ужин Цин Мин весело щебетала, как самая примерная и милая молодая госпожа, ненавязчиво расспрашивая Сибиллу о его семейном положении и планах на будущее. С Альфэй она вела себя совсем иначе, сначала хамила напропалую, потому убедившись в её силе и надёжности стала вести себя более сдержано.

— Я искал Фэй. Нам многое надо обсудить, — с нажимом сказал Сибилл, и Альфэй пришлось уступить. В конце концов, на территории спортивного комплекса полно народа, как и камер видеонаблюдения.

— Хорошо. Цин Мин, возвращайся в комнату одна. Я подойду через пару минут, — кивнула Альфэй.

— Не думаю, что нам хватит пары минут, — поспешил вставить Сибилл.

Цин Мин надулась, как набивший щёки семечками хомяк, и, громко топая, удалилась.

— Так что ты хотел обсудить? — поторопила Альфэй.

— Хотел сказать, что ужасно скучал. А ты совсем не скучала по мне, Фэй? — смягчив голос и ласково улыбнувшись ей, спросил Сибилл.

— Пф! Вот ещё. Не имею дурной привычки романтизировать насилие и насильников, знаешь ли.

— Всё было совсем не так! Я бы никогда не стал...

— Проехали. Я не горю желанием обсуждать случившееся.

— Ты всегда оказываешься не готова говорить о важном и обсуждать проблемы. Ничего не объясняешь. Делаешь какие-то свои странные выводы.

— Прямо такие странные? — с вызовом задрал подбородок ещё выше, Альфэй сжала зубы от накатывающего волнами негодования.

— За то, что напал, причинил боль и напугал тебя...

— Я не боюсь тебя!

— Конечно, но... Я прошу прощения. Я действительно не хотел этого. Ты меня простишь, Фэй? — он проникновенно посмотрел ей в глаза.

— Если бы всё было так просто!..

— Не просто, — согласился с ней Сибилл. — Поэтому давай обсудим сложное. Уверен, мы сможем договориться.

— Да с чего ты это взял?

— Потому что хочу договориться. Я готов сделать всё, чтобы заслужить твоё прощение.

— Даже прекратишь меня преследовать и останешься в этом мире, когда я уйду из него? — прямо спросила Альфэй.

— Этого я сделать не могу, — отвёл взгляд Сибилл.

— Вот видишь. Нам не о чем договариваться.

— Ты не права. Есть много других путей мирного сосуществования.

— Это с тобой-то?.. — Альфэй почувствовала, как её вновь поглощает злость на свою беспомощность, когда на неё напал сердечный демон. — А тебе не приходило в голову, что я больше не хочу тебя видеть? Слышать? Находиться рядом?

— Ты так злишься... словно всё произошло только вчера, — прищурившись медленно проговорил Сибилл.

— Это у тебя годы проходят между нашими встречами, а у меня едва месяц прошёл! И то в местном летоисчислении, — поморщилась Альфэй, вспоминая своё обучение с девочками-подростками.

— Ты здесь уже месяц?

— Да всё здесь только месяц, — закатила глаза Альфэй, ведь она же только создала этот мир.

— В смысле целому миру всего месяц? — судорожно выдохнул Сибилл, и Альфэй очнулась. Ей много чего хотелось высказать Сибиллу, но всё сказанное ею демон потом непременно использует против неё.

— В любом случае, я не собираюсь продолжать этот разговор. В дальнейшем воздержись от новых встреч со мной. Это всё, чего я хочу, — Альфэй буквально сбежала от него, но Сибилл и не пытался последовать за ней.

В первый день состязаний проходили индивидуальные отборы. Их с Цин Мин разделили и определили в разные группы. Так что Альфэй с утра не видела свою напарницу.

Первое испытание проходило на территории огромного крытого стадиона. Незнакомые девочки-подростки в доспехах стражниц со светящимися, казалось, всеми существующими цветами и их оттенками полосами, выстроились в ряд перед полосой препятствий. Альфэй стартовала вместе со всеми, но почти сразу отстала. Без использования энергии Ци для своего физического укрепления или ускорения она ощущала себя бегемотихой в стаде длинноногих лошадей. Всё же её навыки оставляли желать много лучшего, но Альфэй упорно брала силой и выносливостью, махнув рукой на изящность, красоту и лёгкость. В отличие от соперниц играючи перелетавших стены, сети и ямы Альфэй приходилось лезть наверх и спускаться вниз. Впрочем, девчонок тоже надолго не хватило, и постепенно Альфэй нагоняла их одну за другой на бревне, в бассейне, проходя механизмы, грозившие выбить её с полосы препятствий. Так что полосу препятствий она всё же прошла первой в своей группе.

Но отдохнуть им не дали. Оказалось что полоса препятствий — это только часть первого испытания, и после стадиона Альфэй проводили в зал с висевшими под потолком воздушными шарами. Требовалось за минуту с помощью заклинания воздушных силков поймать как можно больше шариков.

Альфэй осторожно прихватила около одной пятой шаров, рассчитав силу, чтобы попасть в норму человека. И, тем не менее, этого оказалось слишком много. У большинства соперниц едва получилось выловить по двадцать-тридцать шаров и то, не за один заход. У многих девочек от перенапряжения дрожали руки и не получалось как следует прицелиться. Да и высота потолка была приличной, кому-то после пируэтов на полосе препятствий попросту не хватило энергии на формирование заклинания.

По окончании испытания её нашла Цин Мин, они вдвоём пообедали и дождались результатов первого тура.

— Прошла, — шумно выдохнула Цин Мин, расслабляя плечи.

Альфэй перевела взгляд на турнирную таблицу, чтобы убедиться, что так же допущена до второго тура состязаний.

— О... Сибилл из Мандариновой провинции тоже прошёл, как и его напарница. Не почему указано только имя без фамилии? У него высокая оценка, значит он всё же страж. Прямо не верится. А та девица, как я и думала из Рода Лэй.

— Оценка? — переспросила Альфэй, обращая внимание на числа рядом со своим именем.

— Ага, за скорость, силу, мастерство, красоту, оригинальность — всякое такое. У него одна из самых высоких оценок. Твою, наверное, подпортило мастерство и красота. Зато за силу должны были дать максимальное количество баллов.

Оказалось неожиданно неприятно проиграть Сибиллу. Всё же на Небесах Альэфф в том числе учили ощущать и работать с энергией Ци. И пусть она в этой области не блистала познаниями и умениями, как выходцы из миров заклинателей, всё же знала больше новичка, который впервые услышал о теории энергий.

На второе испытание Альэфф шла полная решимости утереть Сибиллу нос.

Задание они проходили индивидуально, чтобы избежать случайных жертв. Ведь испепеляющий огонь уничтожал не только Оживших, но и всё на своём пути. Как раз поэтому для его использования необходимо было сначала изловить Ожившего.

В закрытом помещении, где отовсюду выскакивали то мишени-Ожившие, то подставные картонные «гражданские» Альэфф беспрестанно палила заклинанием испепеляющего огня. Тут приходилось рассчитывать только на зрение, чутьё в случае с мишенями ей никак не помогало. Так что условно она оказалась на равных со всеми другими участниками испытания.

Мишени под напором Альэфф исчезали в считанные мгновения. Весело пылали и опадали пеплом. Она и не думала сдерживаться, в этот раз полностью выложившись, чтобы потом с замиранием сердца ждать результатов вместе с Цин Мин.

— Проща. Мы прошли! — взвизгнула под ухом Цин Мин, пока Альэфф судорожно искала их с Сибиллом строчки, которые словно насмешка оказались с равной оценкой за второй тур, и всё же итоговая сумма баллов у Сибилла вышла больше.

«Всё из-за одинакового количества мишеней!» — пришла запоздалая догадка.

В третий тур прошли только связки стражниц, то есть если по итогам индивидуальных испытаний кто-то из пары вылетал из соревнований, то в финал не проходила вся связка. Конечно, пройти два тура уже считалось очень почётным, но все Рода стражниц стремились к победе в состязаниях. Причём победа могла быть как фактической, так и по очкам — что называется: выиграл битву, но проиграл войну.

Вечером в их с Цин Мин комнату вновь постучали.

— Привет! Сегодня тоже пойдёшь с нами ужинать? — с порога стала навязываться Цин Мин, которая и открыла Сибиллу.

— Если пригласите, — подмигнул тот.

На этот раз Цин Мин волновали испытания состязаний, и она больше расспрашивала с том, как Сибилл их прошёл, не забывая и сама делиться опытом.

— Фэй, а почему у тебя такая низкая оценка за первое испытание? Я думал, что ты будешь лучше всех, — искренне спросил Сибилл, чем только больше разозлил.

— Она просто ужасна в медитации и концентрации, — прыснула Цин Мин.

— Не правда, — возмутилась Альэфф. — Медитацию слишком превозносят, когда вполне можно обойтись и без этого. Между прочим, боевой транс ничем не хуже.

— То, что ты называешь боевым трансом — это состояние берсерка. И это совсем другое состояние создания. Как морозная высь гор в сравнении с огненным жерлом вулкана, — снисходительно пустилась в разъяснения для «деревенщины» Цин Мин.

Альфэфф поморщилась. Какая-то смертная малявка заговорила с ней словами наставников. Не любила они медитировать и всё тут! Вернее Альэфф отдавала себе отчёт, что не добьётся таких же результатов, как все те боги из миров заклинателей, так стоило ли тратить время, пыhtеть и обливаться потом, чтобы потом всё равно выглядеть на их фоне неуклюжей бегимотихой? У Альэфф били другие сильные стороны, вот на них она и делала упор.

— Зато, Фэй очень сильная, — словно услышав её мысли, сказал Сибилл.

— Ну вот, только благодаря этому у неё за первое задание всё же довольно высокая оценка, — кивнула Цин Мин.

На этот раз Сибилл не настаивал на разговоре. Улыбаясь и весело болтая, он проводил их с Цин Мин до дверей комнаты и пообещал зайти завтра перед ужином. Альфэй же пообещала себе, что непременно победит его и сотрёт эту бесящую улыбочку с наглых, соблазнительных губ.

Часть 4

Глава 5. Ошибающаяся богиня

Третий тур проходил в парке, нужно было, действуя связкой, вывести из строя как можно большее количество противников. Альфэй отлично чувствовала всех затаившихся в кронах деревьев соперниц и не разменивалась на расшаркивание, пробивая заклинанием воздушных силков ветки и листья, стаскивала противниц на землю, где «добивала» их сама или оказавшаяся рядом Цин Мин. Если Цин Мин находилась к соперникам ближе, Альфэй подавала условный знак и взглядом указывала на засаду.

Согласно условий испытания побеждённых соперниц нужно было пометить. Для этого спелёнатым силками девчонкам Альфэй надевала на руку браслет неоновозелёного, как полоски на её костюме, цвета.

Альфэй отмахивалась от чужих заклинаний воздушных силков, перехватывала их или толкала в них своих соперниц.

— Ты просто монстр, — пробормотала Цин Мин, когда они израсходовали весь запас выданных им браслетов, сама она поймала всего троих соперниц.

— Берём браслеты последней группы, — решила Альфэй, она собиралась во чтобы то ни стало победить Сибилла.

Её кровожадный настрой разбил истошный визг. В небо поднялись красные искры фейерверка — давно вышедший из употребления, из-за повсеместного использования современных средств связи, знак опасности. Перед испытанием их лишили устройств связи и выдали эти самые фейерверки на самый крайний случай. Только теперь Альфэй почувствовала, что парк со всех сторон окружают Ожившие и это при том, что до наступления сумерек оставалось ещё несколько часов.

— Нас окружили Ожившие — это часть состязания? — спросила она Цин Мин.

— Что? Нет, конечно! Как здесь могли оказаться Ожившие? Это невозможно! Да и день же.

Альфэй сосредоточилась, пытаясь заставить Оживших уйти. Но даже замедлить такую стаю оказалось непросто. Они с Цин Мин не сговариваясь двинулись к точке, куда по ощущениям нацелились Ожившие. Попутно Цин Мин освобождала стражниц из воздушных силков и просила тех помочь с освобождением других участниц состязаний.

Точкой, куда стремились Ожившие, оказалась уже изрядно вытопанная поляна, на которой Ожившие непрерывно атаквали Сибилла, кое-кто из помогавших ему отбиваться стражниц оказался ранен. Красивая напарница всё ещё была бодрячком и близко к Сибиллу с Ожившими не совалась, предпочитая уничтожать тварей издали.

— Почему они все нападают только на него? — спросила Цин Мин, немедленно формируя заклинание воздушных силков.

У Альфэй были на этот счёт мысли. Во все прошлые миры она бессознательно вписывала Сибилла. Он становился такой же органичной их частью, как Солнце, вода и

любой смертный, населявший те миры.

Создавая этот мир, Альфэй старалась по максимум ослабить свою связь с демоном, и видимо подсознательно вычеркнула его из «настроек» мира и даже создала триггер на сердечного демона. Теперь же мир пытался его убить.

Альфэй уничтожала Оживших наравне с другими стражницами, но без того запала с каким участвовала в состязаниях. Её слишком потрясло открытие, что сотворённый мир мог сам по себе защищать её от кого-то вроде сердечного демона. Она ощутила горячую благодарность и сродство со своим детищем от его начала и до самого конца.

— Нужно уводить Сибилла из города, иначе могут пострадать гражданские, — скомандовала красавица-напарница Сибилла в просвете между нападениями, и вся их живописная компания, состоявшая из стражниц и Оживших, двинула на выход из парка.

В процессе перемещения по опустевшим улицам столицы к ним присоединялось всё больше стражниц, но Ожившие никак не заканчивались.

— Откуда их столько? — заныла одна из самых молодых стражниц.

Альфэй попробовала охватить своим вниманием как можно более обширную территорию и поняла, что ожившие стекаются с окраин города. Кроме того после её «прощупывания» тварей стало ощутимо больше.

«Они реагируют на то, что демон находится слишком близко ко мне», — догадалась Альфэй, в панике глянув на Сибилла.

— Что-то идёт не по плану? — послышался хриплый от усталости голос Сибилла, от которого не укрылся её взгляд. Но Альфэй промолчала.

Тем временем они уже вышли на пустырь за пределы города, со всех сторон на них надвигались Ожившие, и Альфэй вдруг поняла, что ей и не нужно сопротивляться неожиданной помощи от мира. Она же сама хотела избавиться от сердечного демона, верно? Вот он шанс!

Решение созрело моментально и, не давая себе передумать, Альфэй сосредоточилась, усиливая Оживших, чтобы те сделали своё дело. Ситуация кардинально изменилась в считанные мгновения. Новая волна Оживших накрыла их сплошным потоком.

Альфэй ещё успела поймать больной, неверящий взгляд Сибилла, когда его погребли под собой копошащиеся тела. Окружавшие стражницы зашумели, засуетились, заметались, откровенно не справляясь. По горе Оживших, образовавшейся на месте Сибилла, пробежали синие всполохи то ли призрачного пламени, то ли искр электричества. До неё полетел специфический запах, который бывает после грозы. Альфэй отчётливо чувствовала как жизнь медленно, но верно покидает её демона. Осталось дожать совсем немного...

— Что ты творишь! — рывком развернула её к себе Цин Мин. — Не знаю как, но... это же ты, да? Это... это уж слишком. Немедленно отзови тварей!

От её слов в ушах зазвенело, и Альфэй сдалась. Она отпустила контроль над Ожившими и, уже не заботясь о конспирации, пленила большую часть тварей воздушными силками. Уничтожить их испепеляющим огнём тоже не составило труда.

После её вмешательства в уничтожение миром демона поток Оживших прекратился как по команде. Или же все дело было в том, что демон больше не подавал признаков жизни?

Расчистив местность они обнаружили истерзанного Сибилла, свернувшегося клубочком на земле в кровавом месиве. Сердце ёкнуло, а дыханием остановилось.

Запоздало пришла мысль, что сердечных демонов не принято убивать не потому, что это в принципе невозможно. Сложно, но осуществимо. Другое дело, что для бога это почти сто

процентное самоубийство.

Неужели она так ненавидит демона, что готова умереть вместе с ним?

Красотка-напарница проверила пульс Сибилла. Казалось, уже через мгновение появилась машина скорой помощи, и Сибилла с его напарницей увезли. По плечам Альфэй хлопали другие стражницы, подбадривая и произнося какие-то утешающие слова. В толпе она поймала пустой и потерянный взгляд Цин Мин, которая почти сразу же отвернулась от неё и зашагала прочь.

В одиночестве Альфэй вернулась в комнату общежития, где они остановились, но Цин Мин не оказалось и там. По всем телевизионным каналам гражданских просили оставаться дома до снятия чрезвычайного положения. Состязания закончили досрочно, по количеству баллов победу одержала неизвестная стражница из Устричной провинции. Но всё это уже не имело ровным счётом никакого значения.

Цин Мин появилась в их комнате под утро и застыла на пороге, так и не закрыв за собой дверь.

— Знаешь, что он спросил, как только очнулся? В порядке ли ты, — тихо с затаённой болью сказала она.

Альфэй не хотела этого слышать. Где-то очень глубоко внутри что-то хрустело и ломались от этих слов. Мальчишка... Сибилл всегда умел найти её самые уязвимые и болезненные точки!

Словно это она, а не он монстр.

— И знаешь, что я ему ответила? — более жёстко продолжила Цин Мин. — Что ты ушла.

— Чтобы он поверил нужно говорить, что вернулась туда, откуда пришла.

— Учту, — отрывисто сказала Цин Мин. — Ты... Плевать, что это за способности. Я же видела. Знала. Но думала... Мне хотелось верить, что ты никогда не используешь свою силу против живых людей. Это же Ожившие, чтоб тебя!.. Я и подумать не могла... До сих пор не верится. Ты не просто меня или Род Цин предала, ты всех людей и всё человеческое в себе предала. Как ты вообще можешь... так?.. Быть. Жить с тем, что сотворила. Я хочу, чтобы ты убралась отсюда как можно дальше и никогда не возвращалась впредь.

Что же Альфэй была с ней согласна, из этого мира можно уходить. Резерв полон. Сердечный демон ей тут не страшен. Единственный, кого стоит бояться, она сама, и это самый привычный из всех раскладов. Несмотря на то, что на душе скребли кошки, к ней словно вернулась потерянная уверенность, вера в то, что она со всем справится и сможет себя защитить при любых обстоятельствах.

Альфэй ничего не стала говорить или брать. Она обулась и, как была в спортивном костюме, в который успела переодеться по возвращении с состязаний, прошла мимо застывшей и не смотревшей на неё Цин Мин. Улицы всё ещё пустовали, создавая ощущение, что от неё не только молодая госпожа Цин отвернулась, но и все люди этого мира.

Местные смертные не понимали, что Сибилл — опасный сердечный демон. Для Альфэй уж точно тварь пострашнее Оживших, которые, как и положено правильному творению, подчинялись своему творцу. В отличие от смертных, у которых вечно на всё находилось своё мнение. Иногда Альфэй не понимала, зачем давать смертным свободу воли. Никакие потоки маны, по её мнению, не стоили риска быть схваченной и запытанной собственными неблагодарными смертными.

Альфэй так старалась, чтобы трагедия мира зверолодей тут не повторилась. Но

установка «нет войне» при сотворении мира породила Оживших. В итоге твари забирали, наверное, столько же человеческих жизней, сколько бы это сделали войны между смертными. И, тем не менее, военные конфликты в её новом мире изредка, но случались. Никакие запреты бога не могли в этом помешать неугомонным смертным.

Согласно учению наставников даже в вопросе войн нельзя было ограничивать свободу воли. Смертные должны были сами избрать путь войны или мира. Альфэй ещё не видела цивилизаций, которые бы избрали путь мира, и поэтому такой путь представлялся ей намного более сложным, чем понятный путь войны. Порой она задавалась вопросом, как нужно навоеваться, чтобы возненавидеть это дело? В то, что смертные способны добровольно отказаться от войн, она не верила. Поэтому у неё остался только один путь — запрет. Который, впрочем, совершенно себя не оправдал. Возможно, наставники были правы в том, чтобы и тут оставить смертным свободу выбирать самим. Ведь в этом случае развязывание войн будет виной самих смертных, а так...

Цин Мин... эта несносная девчонка во многом оказалась права. Все жертвы Оживших легли непомерным грузом на плечи Альфэй. Конечно, она не управляла мертвецами и специально не натаскивала их на смертных. Разве что на Сибилла Альфэй натравила их сознательно, но... что значила одна жизнь в сравнении со статистикой, которая насчитывала миллионы жертв по всему миру? Оказалось одно преднамеренное почти убийство значит много.

Сейчас Альфэй не могла понять, что на неё нашло, когда она решила уничтожить сердечного демона. Ведь это было верным способом самоубийства. Хотя тогда она об этом даже не вспомнила. В тот момент ею овладело безразличное оцепенение, желание довести дело до логического завершения, окончательно победить своего грозного врага, того что почти... да нет, в какой-то момент полностью сломил её.

Мгновение растянулось в вечность

Возможно, она хотела отомстить за свой страх и бессилие. Она жаждала, чтобы Сибилл раскаялся? Чтобы умолял о пощаде? Чтобы ему было больно? Чтобы он почувствовал себя жалким и растоптанным?

Но разве Сибилл не раскаялся сразу, как напал на неё? Он же просил у неё прощения. Ей мало его вины и боли, которые отчётливо читались во взгляде? Она же признавала, что он не такой уж и отморозок. В конце концов, сердечный демон часть бога, который отторг его, воплотив в отдельной оболочке всё, с чем не мог примириться в себе. Ненавидеть его, всё равно, что ненавидеть часть себя. И тут уместно честно ответить себе на вопрос, а любит ли она вообще себя?

Увы, для всепрощения в Альфэй было мало смирения и принятия. Как, наверное, и для любви.

Приходилось признать, что идея, разорвать демона в клочья, приходила ей в голову, будоража упоительной сладостью. Хотя плана и даже такого намерения у Альфэй в действительности не было. На самом деле она просто сорвалась. Пошла на поводу у своих самых тёмных желаний и... ошиблась.

Повезло ещё, что они остались живы. Сибилл во всё, конечно, сам виноват. И Альфэй ни за что не будет просить прощения. Но впредь стоит держать себя в руках. И желательно подальше от демона и соблазна уничтожить как его самого, так и себя вместе с ним.

Дойдя до того самого пустыря, на котором чуть было не прикончила Сибилла, Альфэй очнулась от размышлений. Всё же это была единственная известная ей дорога в столице. На

земле ещё виднелись бурые пятна и пепел.

Она тяжело вздохнула и настроилась на возвращение в свой павильон на Небесах, не забыв на этот раз убрать себя из воспоминаний смертных.

В момент перехода Альфэй увидела, что Цин Мин станет очень строгой и требовательной матерью и наставницей, возвысит Род Цин, а её ученицы будут считаться примером морально безупречных стражниц. Красотка-напарница Сибилла — Лэй Менфенг, имя которой Альфэй узнала только теперь, так же будет в совете стражниц своей провинции, с детьми и ученицами она сосредоточится на поиске стражей, но... это будут безрезультатные поиски.

Альфэй по привычке попробовала нащупать судьбу Сибилла, но смутное видение подёрнулось туманом и словно вытолкнуло её сознание прочь.

Часть 4

Глава 6. Изгнанная богиня

По возвращении на Небеса Альфэй никак не могла найти себе места. Всё валилось из рук. Ничего не хотелось. В раздражении она запустила в стену пиалу с чаем.

Чуть-чуть полегчало.

Всё же Альфэй сильно задело то, что какая-то смертная посмела попросить её из её же сотворённого мира. Теперь собственная «покорность» такому требованию показалась трусостью. Словно девчонка была права, а Альфэй ошибалась. Будто Альфэй всё же чувствовала вину из-за нападения на Сибилла и потому выполнила требование смертной. Хотелось вернуться и навалить Цин Мин по шее, а заодно и высказать всё, что она думает. Вот только желание объясниться, вновь подтвердило бы наличие чувства вины и потребность это сгладить.

— Нет уж! Я тут богиня или эта соплячка, в конце концов?! — от негодования на саму себя Альфэй топнула. — Не чувствую своей вины, не желаю извиняться и думать забуду об этом дурацком мире.

Впрочем, сразу поступить так, как планировала, Альфэй не могла. Для начала она отправилась в Золотой павильон к наставнику Ли. Сотворённый мир нужно было обсудить с ним, прежде чем окончательно выбросить его и всё что в нём произошло из головы.

— Оригинально, — первое, что сказал наставник, после передачи воспоминаний о её четвёртом мире. — Стажёр А, ты решила, что тебя выгнали собственные творения? В моей практике еще не было такого, чтобы создания выгнали из мира своего творца. Убивали. Порабощали. Пытали. Пробовали контролировать, клонировать, получить потомство, изменить. Но чтобы просто выставили вон... Занятно-занято. Итак, какие основные выводы, ты сделала по итогу этого сотворения? Есть идеи, почему смертная попросила тебя уйти?

— Я ошиблась. Убийство сердечного демона — все равно, что попытка суицида, — поморщилась Альфэй от воспоминания о собственном промахе.

— Интересно, что в этом случае творения оказались сознательнее творца. Неужели так сложно принять то, что сердечный демон лишь кривое отражение тебя самой? На удивление миролюбивое. Всё же в этом случае совсем не агрессия легла в основу сущности.

— Да не могу я принять его как часть себя! Он же совершенно другой. Мы абсолютны разные.

— Верно. Сердечный демон, всё то, что ты отрицаешь и чему противишься в себе. Каждая его черта — это твоя боль. В войне со своей болью невозможно победить. Боль можно только понять и принять, как неотъемлемую часть опыта. Найти те дары, которые

она с собой принесла. Увидеть за её багровой завесой свободное пространство и выйти в просветление.

Альфэй тяжело вздохнула. Ей до просветления было как до Луны пешком, даже с учётом того, что на Небесах, та и казалась особенно близкой.

— Продолжай искать те, черты личности, которые отрицаешь, и развивать их в себе, — посоветовал наставник Ли. — Стажёр А, смогла ли ты понять, отчего стражницами в этом мире могут быть только женщины?

— Так сыграло моё недоверие к мужчинам?

— Хорошо. В классическом понимании именно мужчина является защитником. Это, конечно, не значит, что женщина не может защищать то, что ей дорого. Но отбирая у мужчины его естественную способность, мы вновь возвращаемся к дисбалансу Инь и Ян. Старайся подмечать за мужчинами достойные поступки. А теперь последнее, что думаешь о разделении чувств на положительные и отрицательные?

— Но разве это не из-за Оживших?

— Ты не разобралась в ситуации с разделением чувств. Всегда стоит помнить, что законы своего мира закладывает сам бог-творец. В следующем мире проблема лишь обострится. Подумай над этим как следует, — напоследок напутствовал её наставник Ли.

На этот раз в раздумьях Альфэй пришла в укромное место, которое ей показала Сяои. Отсюда открывался чудесный вид на горы с реками-водопадами и распростёртую, кажется, у самых ног пропасть цветущей долины.

Наставники предупреждали, что деление чувств на условно «плохие» и «хорошие», есть ни что иное как самообман и неумение прислушиваться к себе и своим потребностям. Любое «деление» внутри себя приводит к конфликту и потере энергии, в худшем случае — появлению сердечного демона. Возможно ли, что всё это звенья одной цепи?..

— Я тебя по всем Небесам ловить должна? Почему не сказала Ежану, что вернулась? Какая же ты безответственная! — донеслось из-за спины.

— Рада тебя видеть, Сяои, — улыбнулась этой ворчунье Альфэй.

— А я-то как рада, что ты до сих пор жива! Неужели трудно было сообщить, что с тобой всё в порядке? Мы волновались, — буркнула Сяои, стремительно приблизившись.

— Прости, у меня опять не клеится с сотворением, и я обо всём забыла...

— Снова твой демон?

— Эм... из-за него тоже, да.

— Та-ак, давай рассказывай, что у тебя опять стряслось?

— Я попыталась убить сердечного демона, и у меня почти получилось, — после коротких колебаний всё же призналась Альфэй.

— У тебя с головой все в порядке? Это же самоубийство чистой воды.

— В тот момент я об этом меньше всего думала.

— Ну да, головой ты редко пользуешься по назначению. Я тут стараюсь изо всех сил привести её в чувства, а вместо благодарности, ты чуть не пустила все мои труды... прахом.

— Пф... вот как раз прахом, да, — усмехнулась Альфэй.

— Всё хватит! Мне это надоело. Сообщи Ежану, что будешь поздно и чтобы сегодня он тебя не ждал.

Отложив расспросы, Альфэй отправила своего божественного посланника с сообщением.

— И что теперь? — всё же не смогла сдержать любопытства она.

— Мы идём пить в один из моих миров. Надерёмся, как... не самые разумные особы. Я так точно должна запить все свои несбывшиеся надежды на твою разумность и покладистость.

— Глупые были надежды, — Альфэй повеселили эти наивные мечты.

— Терпеть тебя не могу, — закатила глаза Сяои.

— А я только теперь поняла, что ты ничего так.

— Лесть тебя сегодня не спасёт. Будем пить до полной отключки!

Нежное личико Сяои стало столь комично решительным, что Альфэй, не сдержавшись, расхохоталась, с наслаждением слушая далёкое эхо. Всё же дружеская поддержка, как оказалось, это здорово!

Сяои закрыла свой павильон и взяла в руки чётки с розовыми бусинами, три из которых светились от наполнявшей их божественной энергии.

— Разве можно приводить в свои миры гостей? — удивилась Альфэй.

— Такого запрета нет. Иной раз самой сложно разобраться, в чём была твоя ошибка в сотворении. Тогда полезно обсудить это с более сведущим соучеником, — пожалала плечами Сяои.

— Ты уже бывала в чужих мирах до того, как нам дали задание по сотворению собственных миров, — пришла запоздалая догадка.

— Конечно. Тридцать лет сидеть безвылазно на Небесах — это же скука смертная!

Альфэй окончательно убедилась, что другие без зазрения совести всё это время пользовались чужой помощью. Одна она, глупо старалась соперничать «по-честному».

Сяои, проигнорировав её душевные метания, взяла за руку, и они вдвоём оказались на улице древнего города, похожего на те, которые показывали с исторических дорамах: с низкими деревянными зданиями и пыльными улочками. Вокруг сновали не обращавшие на них абсолютно никакого внимания люди: разодетые, словно императрицы, женщины и семенящие на два шага позади скромно потупившиеся мужчины.

Они вышли на менее оживлённую улицу, и Сяои уже привычно потянула за руку к двухэтажному дому с надписью «Нефритовый цветок», увешанному красными фонарями.

— Что это за место? — настороженно спросила Альфэй.

— Публичный дом, где можно заказать мальчиков и выпивку.

Несмотря на слова Сяои, никаких «мальчиков» внутри Альфэй не заметила, только зрелых, красивых мужчин. Казалось, тут были типажи на любой вкус: мускулистые «качки» и изящные тонкокостные «учёные мужи», с коротким ёжиком и длинным хвостом антрацитово чёрных волос, гладко выбритые и с зарослями на груди, теряющимися за поясом штанов, укутанные до подбородка в тонкие ткани и полуголые в одной набедренной повязке.

Альфэй чудом удержалась от так и крутившихся на языке вопросов. Всё же мир — это отражение бога-творца. Не хотелось как-то обидеть Сяои, которая по сути показала своё самое сокровенное. Ежан вот проговорился о море и куче доступных красоток. Так почему бы богине не сотворить мир, который мог бы порадовать её доступными мужчинами на любой вкус?

Сама Альфэй вместо того, чтобы подчинить мужчин, долгое время убивала их в собственных мирах. Вот только оба этих варианта, наглядно демонстрируют дисгармонию Инь и Ян. Альфэй показалось, что она впервые приблизилась к пониманию того, за что же на самом деле наставники так «не любят» богинь. Без кропотливой работы над собой, без

понимания, смирения и проработки обид, оказалось не так-то просто достичь внутренней гармонии.

Задумавшись, Альфэй упустила суть разговора Сяои и низенького пухляша с милой улыбкой. Один из работников проводил их в гостиную с двумя, отделёнными бамбуковыми перегородками спальнями.

Сяои и Альфэй сели за низкий столик по центру утопавшей в красном цвете комнаты. К ним присоединились укутанные в тонкие одежды мужчины с подносами. Двое сели по обе стороны от Сяои и двое за спиной Альфэй.

— Выпьем за твоего демона. Чтобы ему долго жилось! — усмехнулась Сяои, когда мужчины безмолвно налили им вина.

Альфэй оглянулась по сторонам, проверяя насколько заинтересованными выглядят окружающие их мужчины. По всему выходило, что ничего примечательного для себя, те не слышали.

— Говори свободно. Я сделала так, что для них мы общаемся на другом языке.

— Нашла, за что пить, — покачала головой Альфэй, чуть расслабляясь, но чашу приняла и осушила до дна.

— Сама ты скорее убьёшь и его, и себя за компанию. Что за вздорный характер! Нет бы подумать, как сделать его своим союзником.

— Он — демон, мы не можем быть союзниками, — Альфэй, не глядя, осушила следующую чашу, тогда как Сяои маленькими глотками пила ещё первую.

— Глупая. Пока ты моталась по своим мирам, я по просьбе Ежана искала информацию о сердечных демонах. У тебя, не богатый выбор вариантов, как победить, так и выжить. Либо принять его, как собственное дитя...

— Невозможно! — отрубил Альфэй, опрокинув в себя третью чашу.

— Тогда остаётся единственный путь, стать одним целым. Любовниками.

— Мы уже переспали, — поморщившись, напомнила Альфэй.

— Это не то. Я говорю не о физической близости, а о духовной. Демон — одержим своим богом. Дай ему шанс. Знаешь, как исчезают демоны? Они буквально растворяются в своём создателе, теряя физическую форму. Отторгая его, ты не позволяешь этому случиться.

Альфэй застыла, глядя в свою чашу с вином. Она крутила в голове мысль, стать любовницей Сибилла. Кроме страха потерять собственные божественные силы, препятствий в этом не было. Да, после нападения демона, она опасалась его, а ещё больше собственной беспомощности. Но если сделать мир, подобный творению Сяои, и загнать всех мужчин в рабство... Альфэй смогла бы побороть свои опасения. Она не видела иного пути, кроме того, где могла говорить с демоном с позиции силы.

Вот только тут возникала другая проблема. Альфэй не хотела становиться «одним целым» с Сибиллом. Было это неприятием демона? Или же она просто не хотела, чтобы он исчезал? Тогда почему допускала мысль об убийстве?

— Не грузись так сильно. Позже подумаешь о своём демоне. На трезвую голову, — легко щёлкнула её по кончику носа Сяои. — Сегодня мы расслабляемся и забываем обо всех проблемах. Тем более о мужчинах.

— И как ты собираешься это делать в окружении своих «мальчиков»? — улыбнулась Альфэй, отмирая.

— Глупышка. Вместо того, чтобы заикливаться на одном-единственном, посмотри на разнообразие. Тем более это всего лишь смертные, не ровня богам. Всё равно, что играть

самой с собой. Думаешь, Ежан в своих мирах чем-то другим занимается?

— И чем же он там занимается со своими смертными? Ты видела?

— Даже если бы не видела... Я слишком хорошо его знаю. Необитаемый остров женщин, которые поклоняются любому попавшему туда мужчине. Постапокалипсис с единицами выживших мужчин, которые бесконечно вынуждены трудиться над воспроизводством потомства. Легализация порноиндустрии со всеми видами плотского удовольствия. Гарем из самых красивых представительниц различных рас. Мир маги, которая пополняется только по средством секса. И обязательно отдающиеся своему богу жрицы.

— Впечатляющий список.

— Ежан любит женщин, — пожалала плечами Сяои, и хлопнула в ладоши.

Один из прислуживающих им поднялся и впустил широкоплечего красивого, словно небожитель, мужчину с волной даже на вид гладких и шелковистых волос, спускавшихся ниже пояса. Тот разместился у окна и, расставив пошире ноги, воткнул между своими бёдрами пипу, так что внизу живота потеплело.

— Хорош, да? Изящная внешность и абсолютное бесстыдство.

Под нежную мелодию Альфэй опрокинула в себя ещё несколько чаш с вином. Красавец словно невзначай распахнул ворот, демонстрируя безволосую грудь. В перерыве между мелодиями он скинул верхний слой одежд, оставшись в полупрозрачной накидке, которая не скрывала затвердевших, словно от холода, сосков. С момента, как она его увидела, мужчина ни разу не взглянул на них с Сяои, больше уделяя внимания своему музыкальному инструменту.

— Дальше он будет постепенно обнажаться. Особым писком считается зажатое между бёдрами и пипой готовое к атаке мужское достоинство. Но можно отозвать музыканта в спальню, чтобы он разделся только для тебя.

— Часто тут бываешь? — перевела Альфэй взгляд на оставшуюся равнодушной к стриптизу Сяои.

— Я не так давно сотворила этот мир. Но когда только создала его, почти полгода по местному летоисчислению безвылазно провела в этом заведении. Знаешь, удовлетворение своих тайных желаний, освобождает. В некоторых разочаровываешься, другие открываются в ином свете. Но отказывать себе хоть в чём-то я точно отучилась. Иначе, какой вообще смысл быть богиней?

Альфэй перевела взгляд на красавца, дёрнувшего за пояс штанов и красивым движением оставшегося совершенно обнажённым. Пипа приземлилась на вздыбленный орган и в воздухе разлилась ещё более томительная и страстная мелодия.

— Он и во время секса может продолжать играть на пипе. Ну так что? Этот? Или позвать кого-то другого?

— Этот, — Альфэй решительно осушила ещё одну чашу и встала слегка покачиваясь.

Мужчины, прислуживавшие ей за столом, подхватили было под локти, но Альфэй от них отмахнулась, поманив красавчика за собой. Тот, даже не взглянув на неё, отложил пипу и поднялся следом.

Комната плыла перед глазами, в голове шумело, а ноги стали ватными. Альфэй помнила, как упала на кровать, утягивая за собой красавчика. Припоминала его старания. Но больше всего запомнился вкус разочарования. Без воздействия течки переспать со смертным оказалось совершенно... никак. Больше её возбудил вид обнажающегося мужчины, чем его

прикосновения и ласки. Теперь она в полной мере поняла, отчего боги столь пренебрежительно относятся к совокуплению со смертными. Совесть отчего-то совсем перестала терзать её за факты таких вот «измен». Было бы из-за чего переживать! Такому опыту только и оставалось что посочувствовать.

Утро застигло Альфэй с головной болью в незнакомой комнате. Побродив по чужому павильону, она опознала в нём жилище Сяои. Нашлась тут и вполне современная ванная комната.

По пути в гостиную Альфэй услышала два знакомых голоса.

— Наставник Ли сказал, что появление сердечного демона сильно снижает общую оценку за стажировку, — голос Ежана показался отстранённым и холодным.

— И то верно, кому нужен бог, который не может с собой совладать, — Сяои в присутствии своего обожаемого Ежана, говорила тонким, почти детским голоском.

Вот не понимала Альфэй этой манеры, столь разительно менять даже свои привычки и манеры в угоду мужчине. Впрочем, после того как они с Сяои подружились, это уже не так раздражало, как раньше, больше заставляло недоумевать. Сяои оставалась милой и в ампула «невинной девочки», и в качестве стервозной красавицы.

— Значит высшего балла мне уже не получить? — не стала скрывать, что слышала разговор Альфэй.

Сяои и Ежан застыли, словно в миг окаменев, и напряженно посмотрели на неё.

— Наставник сказал, что появление сердечного демона весьма нежелательно, — голос Ежана стал очень ровным, тогда как поза и взгляд выдавали нервозность.

— Но почему он мне сам об этом не сказал?

— Да потому, что ты его и не спрашивала, — фыркнула Сяои. — Наставник отвечает только на заданные вопросы. И любит повторять, что творец сам всё должен осознать, в противном случае цена знания не высока.

— Теперь, узнав это, ты перестанешь гнаться за признанием наставника и подумаешь о собственной безопасности? — осторожно спросил Ежан.

— Э, нет. Я так просто с дистанции не сойду. Демон там или что. Но глупо сдаваться, даже не попробовав победить, — Альфэй уже давно всё для себя решила.

Ежан опустил взгляд, занавесив выражение глаз густыми ресницами. А когда посмотрел на Альфэй, то улыбнулся своей мягкой, всепрощающей улыбкой, которая раньше, её здорово бесила, потому что она не считала, что её за что-то нужно «прощать». Теперь же Альфэй почувствовала только благодарность за понимание.

День она провела с Ежаном, во всех подробностях и позах вспоминая, почему же боги лучше смертных. Она отмахнулась от его уговоров остаться на Небесах подольше, чтобы примерить наряды, которые подобрала Сяои, и заняться ослаблением сердечного демона. Они поужинали при свечах, и Альфэй выпроводила Ежана, закрыв павильон.

Впереди её ждали ещё два мира и бесконечное множество нерешённых вопросов.

Часть 5

Глава 1. Исследующая богиня

На этот раз Альфэй обошлась без установок и запретов для мира, только исключила из него сердечного демона. По окончании сотворения у неё ещё оставалась уйма сил, и это дарило уверенность в том, что она со всем справится.

Новый мир подавлял своей серостью. Над головой, сдавленные со всех сторон небоскребами, протыкавшими их насквозь, нависли тяжёлые, низкие тучи, которые редко и

нудно роняли большие, холодные капли. Сами здания выглядели одинаково неприглядными и безликими. И хоть улицы были широкими, но из-за отсутствия зелени и однотипных высоток застройка казалась плотной.

Улица выглядела аномально безлюдной, в то время как над головой на разных уровнях между зданиями тянулись бесчисленные ленты дорог, забитые транспортом похожим на автомобили и поезда из её родного мира. Не было только привычных колёс, что не мешало этим транспортным средствам парить на небольшом расстоянии от поверхности дорожного полотна и ловко лавировать в потоке таких же бесколёсных средств передвижения.

Пока Альфэй осматривалась к ней подъехала узнаваемая машина общественной безопасности, но вместо привычной надписи на этой красовалась сбивающая с толку приписка: «экзорцисты».

— Здравствуйте, я, кажется, заблудилась, — Альфэй постаралась как можно приветливее улыбнуться двум вышедшим навстречу людям в форме.

Оба сурового вида мужчины настороженно осмотрели её с головы до ног.

— Сохраняйте спокойствие. Мы вам поможем, — бесстрастно заверил её один из них. — Пройдёмте с нами.

Перед Альфэй распахнули заднюю дверь, отчего внутри шевельнулась тревога. Но судя по тому, как быстро её обнаружили, в этом мире, куда бы она ни отправилась, её легко догонят. Поэтому для начала Альфэй решила разобраться в здешних реалиях.

Кроме того она уже промокла и продрогла в своём лёгком ханьфу. Хотелось укрыться от резких порывов ветра и мороси хоть где-то.

Попытки в дороге разговорить мужчин ничего не дали. Ну, хоть те откликнулись на жалобу, что она замёрзла. Ударившая в лицо струя тёплого воздуха сделала происходящее чуть более сносным.

Они прибыли на подземную парковку одного из, ничем не отличимого от соседних, серых небоскребов.

— Выходите. Следуйте за нами, — сказал более разговорчивый из двух мужчины, и Альфэй оказалась зажата между ними: спереди и сзади.

Лифт быстро и плавно доставил их на сотый этаж, откуда Альфэй вывели в мрачный коридор с пронумерованными дверьми, рядом с которыми красным или зелёным горели, электронные панели. Её подвели к одной с номером тысяча тринадцать, у которой панель светилась зелёным. Шедший впереди мужчина приложил к панели ладонь и что-то там понажимал, отчего цвет тут же сменился на красный. Дверь с номером отъехала в сторону, пропуская в скупую обставленную гостиную, из которой через полностью прозрачную перегородку открывался вид на спальню с письменным столом и шкафом, там же виднелись двери в ванную комнату и туалет.

У прозрачной стены из толстого стекла также была панель, которая среагировала на прикосновение мужчины, открывая проход.

— Располагайтесь. Через сорок минут к вам направят координатора, который всё объяснит.

Обозначенное время ожидания Альфэй потратила на то, чтобы согреться с помощью горячего душа. Она успела переодеться в нечто мягкое и бежевое среднее между спортивным костюмом и пижамой, когда перед прозрачной стеной спальни встал высокий, плечистый мужчина примерно возраста её вознесения на Небеса. Бесстрастное выражение совершенно не портило его идеально красивого лица.

Альфэй подошла к разделяющему их толстому стеклу.

— Приветствую в отделении экзорцизма и эмоциональной безопасности. Вас доставили сюда, потому что дежурные экзорцисты зафиксировали ваше нестабильное эмоциональное состояние. Согласно процедуре вам предстоит пройти проверку на наличие одержимости и сопротивляемости ей. Отказаться от исследований вы не можете. Меня зовут Хэ Цун. С этого дня я ваш экзорцист-координатор, — словно робот ровно оттарабанил холодный красавец. — Прошу назвать свои имя и идентификационный номер.

— У Фэй, я... не знаю никакого номера.

— Напоминаю, что самовольное извлечение чипа с идентификационным номером карается тремя месяцами лишения свободы и снятием баллов индивидуального показателя. Для установления личности вам предстоит пройти полную сверку биометрических данных. Вам всё ясно?

— Не совсем. С чего вы вообще решили, что я одержима?

— Я не говорил, что вы одержимы, лишь указал на такую возможность. Из-за нестабильного эмоционального состояния вы рискуете подхватить филлиду.

— Что ещё за филлида?

— Бестелесная, энергетическая сущность питающаяся эмоциями людей. После проверки на одержимость, вам стоит пройти эмоциональную зачистку во избежание...

— Нет! Никакой эмоциональной зачистки.

— Эмоциональная нестабильность карается лишением свободы и включением в список штатных эмпатов экзорцистов, — словно по бумажке продолжил сыпать фактами Хэ Цун.

— Кто такие эмпаты?

— Одержимые с высокой сопротивляемостью, которые помогают экзорцистам выявлять эмоционально нестабильных людей и других одержимых. Среди эмпатов известны случаи, когда смерть от внедрения филлиды так и не наступила.

— Из-за филлид ещё и умирают? — впечатлилась Альфэй.

— Происходит постепенное отмирание тканей и внутренних органов, а после окончательная смерть.

— Если я не соглашусь на эмоциональную зачистку, вы подселите в меня эту самую филлиду?

— Сознательное внедрение филлиды против воли человека карается смертной казнью, — отрицательно качнул головой Хэ Цун, который не выказал никаких признаков удивления от её неосведомлённости. — Однако от филлид не существует иной защиты, кроме полного отсутствия эмоций. Эмоциональная нестабильность рано или поздно привлечёт к вам филлиду.

— Кажется, начинаю понимать, — с облегчением вздохнула Альфэй.

— Для более детального изучения ситуации и самостоятельного поиска ответов на возникающие вопросы у вас в комнате установлен компьютер, — обратил Хэ Цун её внимание на громоздкого и явно доисторического монстра на столе. — Чтобы вызвать экзорциста-координатора на панели доступа с вашей стороны нажмите и удерживайте цифру один.

После вводной лекции о здешнем мироустройстве Хэ Цун оставил Альфэй в покое. Вечером небольшой лифт доставил ей ужин и увёз грязную посуду в неизвестном направлении.

А утром сразу по окончании завтрака Хэ Цун отвёл Альфэй на медицинский этаж.

расположенный чуть ниже на девяносто девятом. Первым делом Альфэй просканировали шпуклой напоминающей томограф, которая подтвердила, что никакая она не одержимая.

— Зачем нужен прибор, если можно определить одержимого с помощью эмпата? — удивилась Альфэй.

— Проверку эмпата вы уже прошли, подтверждение филлидоискателем нужно для внесения в дело, — пояснил обследовавший её медик.

Большую часть дня Альфэй провела сдавая тесты и медицинские анализы. Ей отсканировали сетчатку глаза, взяли отпечатки пальцев и даже кровью не побрезговали.

На обратном пути в её то ли комнату, то ли камеру Хэ Цун вновь попытался убедить её избавиться от эмоций. Впрочем, вариант с камерой был всё же ближе к истине, потому что, выслушав её отказ, экзорцист-координатор вновь запер её за прозрачным стеклом, как рыбку в аквариуме.

Альфэй осталась в одиночестве обдумывать своё положение. Как и предупреждал наставник Ли, в новом мире ситуация с запретом на эмоции только усложнилась. Встреченные ею люди неподвижностью лицевых мышц больше напоминали андроидов. Если в мире Оживших чувства делили на «хорошие» и «плохие», то теперь смертные вовсе их отринули. Увы, решение этой проблемы крылось внутри самой Альфэй.

Искать подсказки она стала единственным доступным ей сейчас способом: в Сети, к которой был подключен компьютер.

Смертные этого мира придумали множество методов подавления и уничтожения эмоций, от психологических и медикаментозных до хирургических. Кто-то подчинялся необходимости, кто-то боролся, считая, что жизнь наполненная чувствами стоит даже риска одержимости.

Пропаганда отказа от эмоций строилась на эксплуатации всеобщего страха. Впрочем, в реалиях этого мира скорее побеждал инстинкт самосохранения, логика и голый расчёт. Сеть пестрила видеороликами бьющихся в истерике одержимых, забившихся под кровать или в шкаф, нападающих на других людей или животных. Во всех случаях эмоции буквально сводили человека с ума. Чаще всего одержимый не доживал до момента, когда из-за филлиды у него начнут отказывать внутренние органы. Не привычные к чувствам, люди накладывали на себя руки, не в силах вынести психологической нагрузки.

Эмпатами становились единицы тех, кто смог ужиться с подселившейся филлидой. Для этого требовалась высокая устойчивость к одержимости и, по-видимому, склонность, поскольку даже люди с высокой устойчивостью не обязательно становились эмпатами.

Войны и преступность не обошли этот мир стороной. «Общий враг» не помог людям объединиться. Наоборот, правительства многих стран финансировало эксперименты по созданию если не эмпата-суперсолдата усиленного филлидой, то, как минимум, искали способ, который позволил бы управлять филлидами, чтобы натравить тех на соседей. Что-то получалось, что-то нет, но люди продолжали совершать одни и те же ошибки.

Удалось найти примерный внешний вид филлид. Приборы филлидовидения фиксировали светящиеся перевёрнутые каплеобразные формы, похожие на воздушные шарики, которые летали на высоте трёх-пяти метров над землёй. Момент внедрения филлиды в человека лучше всего наглядно объясняло видео, демонстрирующее процесс с двух камер: обычной и филлидовидения. В одной стороне экрана с женщиной ровным счётом ничего необычного не происходило, в другой светящаяся шарик-филлида подплыла, спикировав сверху, к силуэту человека, выпустила хоботок-верёвочку куда-то в область

головой и сдулась, словно просачиваясь вниз, на голову ничего не подозревающей жертве. Казалось бы, филлида исчезла из поля зрения обеих видеокамер, но тут-то и начинались странности в поведении одержимой женщины. Она начала затравленно озираться, дрожать, причитать и скулить от страха, пока не сорвалась на крик и не забилась в дальний угол. Идентично на записи обеих видеокамер.

На мгновение Альфэй задумалась над тем, мог ли сердечный демон «вдохновить» её на создание филлид. Но быстро отогнала эту мысль. Даже если подсознательно она видела сердечного демона именно таким, филлиды в любом случае с ним не сравнятся. Да, отрицая свою эмоциональность, Альфэй в том числе впихнула ту в Сибилла. Но это не значит, что сама она стала безэмоциональным роботом. Скорее её отрицание своих чувств, а вернее их «тёмной» части, привело к двум независимым проблемам: первая, появление сердечного демона, вторая, отрицание её пятым миром чувств, как таковых, и подсознательное «создание» филлид для обоснования такого решения.

Эмпаты выглядели почти как обычные, не подавляющие свои чувства, люди, только чуть более эмоционально нестабильные и дёрганые. Их ценили за способность ощущать других одержимых. У эмпатов по сути оставалось два пути: либо сотрудничать с экзорцистами и провести всю оставшуюся жизнь взаперти, либо скрываться от закона.

Альфэй здраво оценила свои возможности. Сойти за местных, лишённых эмоций людей, она не сможет. Сбегать, чтобы на несколько минут получить свободу, не имело смысла. Доводом в пользу того, чтобы оставаться под надзором экзорцистов, так же служила надежда, что в этом случае сердечному демону до неё не добраться.

Для отчёта наставнику можно было изучить мир и с помощью Сети. Вот только это отрицательно скажется на оценке её стажировки, с чем Альфэй соглашаться не собиралась.

Часть 5

Глава 2. Неуламываемая богиня

Альфэй проспала всего пару часов, а после завтрака к ней пришёл Хэ Цун вместе с женщиной, чьи волосы уже тронула седина. Но не возраст второго посетителя взволновал её, а то, что тот выглядел более «живым» по сравнению со всеми людьми, которых Альфэй довелось видеть в этом мире.

— Это мой отец — Хэ Бэй. Надеюсь, он сможет убедить вас сделать эмоциональную зачистку, — представил мужчину Хэ Цун.

— Вряд ли. Тем не менее, приятно познакомиться, — откликнулась Альфэй, которую для разговора выпустили в гостиную, где они втроём уселись в кресла, выставленные вокруг низкого столика.

— Мне тоже приятно познакомиться с девушкой, о которой так заботится мой сын, — растянул губы в крошечной улыбке Хэ Бэй.

Всё внимание Альфэй занял отец её экзорциста-координатора. Его взгляд искрился теплом и интересом, цеплял и привлекал внимание. Несмотря на то, что мимика Хэ Бэя оставалась довольно скудной, спутать его с лишёнными эмоций местными смертными было невозможно.

— Неужели вы — эмпат? — сделала очевидный вывод Альфэй.

— Верно. Хэ Цун очень серьёзный мальчик и ответственно относится к работе, как когда-то и я сам. Он хочет, чтобы я рассказал вам свою историю и предостерег от того пути, на который нас толкают эмоции.

— Благодарю за то, что согласились просветить эту неразумную, — церемонно

ответила Альфэй. Всё же изучение мира по фотографиям и видео не могло сравниться с непосредственным взаимодействием с его реалиями.

— Ах, какая вежливая девочка! У Хэ Цуна отличный вкус.

— Отец, — спокойно одёрнул его Хэ Цун.

— Всего лишь делюсь наблюдениями, — недовольно глянул на сына Хэ Бэй. — Видите ли, У Фэй, как и мой сын, раньше я был экзорцистом и считал, что эмоции — самая большая угроза, нависшая над человечеством. Работа с эмпатами только больше убеждала меня в этом. Когда я встретил Мейли, то решительно осудил её желание сохранить свои чувства. Предпринимал одну за другой попытки убедить её сделать эмоциональную зачистку. Пока не стало слишком поздно. Одержимость Мейли я воспринял, как личное поражение. На самом деле, в то время меня мало волновало, как тяжело приходится Мейли, не трогали её переживания и страдания. Больше задевало то, что несмотря на то, что одержимости можно было избежать, мне не удалось это сделать, не смог убедить её отказаться от эмоций. Я продолжал изводить Мейли упрёками в том, что если бы она меня послушала в самом начале, то не подхватила бы филлиду.

Хэ Бэй умолк, а в его взгляде отразились печаль и сожаление.

— Мейли раскаялась? — Альфэй действительно интересно было узнать.

— И не подумала! Она говорила, что нет разницы между смертью и жизнью лишённой эмоций. Верила, что только для того, чтобы чувствовать и появилась на свет. Мы спорили... Я не понимал, что может быть хорошего в страхе и боли. Кроме того, с момента подселения филлиды Мейли стала вести себя более... раскованно. Она постоянно провоцировала меня. А за хорошо выполненную работу требовала... Все мы тут люди взрослые, думаю, никого не шокирую своим признанием. Я расплачивался с Мейли за её работу эмпата поцелуями.

Хэ Цун резко развернулся к отцу, когда услышал это откровение, но промолчал.

— Конечно, всё выходящее за рамки профессиональных отношений происходило не здесь, — обвёл рукой гостиную Хэ Бэй. — Пока я мучился сомнениями и думал над этичностью своего поведения, убеждая себя в том, что ничего страшного не происходит, плата, которую требовала Мейли, росла. Однажды она попросила ночь любви. Так и сказала «любви». У меня всё же хватило совести воспротивиться и попытаться отговорить, но это не помогло. Эмпаты физически сильнее, да и... всерьёз сопротивляться Мейли я уже не мог.

— Ты говорил, что мама сама на тебя набросилась, — сощурился Хэ Цун.

— Сынок, все экзорцисты-координаторы так говорят, даже если это далеко не так. В тот момент, я не мог допустить, чтобы за несдержанность меня уволили. Мейли тоже этого боялась, поэтому поддержала эту ложь, — болезненно поморщился Хэ Бэй.

— И часто экзорцисты насилуют одержимых? — уточнила Альфэй.

— Это исключено. Тут везде ведётся видеонаблюдение, — вскинулся Хэ Цун.

— Бывает, — пожал плечами его отец. — Эмпаты сильнее обычного человека, но всё зависит от филлиды, которой одержим человек. Кто-то одержим страхом, кто-то — похотью.

— О... я, кажется, понимаю. Продолжайте.

— Той ночью мы и зачали сына. Из-за беременности сопротивляемость одержимости Мейли упала. Врачи предупреждали об опасности, рекомендовали сделать аборт. Но она снова поступила по-своему. Мейли умерла во время родов. А я остался с ребёнком на руках мучиться вдруг проснувшимся чувством вины.

— Полагаю, она ни о чём не жалела?

— Сколько бы я не спрашивал, Мейли отвечала, что прожила эту жизнь так, как хотела. Что мечтала познать любовь, ради которой не страшно умереть. Что ничего не стала бы менять, если бы у неё появилась такая возможность.

— Интересно. Получается, одержимость не передаётся от матери к ребёнку? Неужели филлида умирает вместе с одержимым? — Альфэй задумчиво уставилась на Хэ Цуна, который, как на него ни посмотри, на человека, способного испытывать хоть какие-то эмоции, не походил.

— Я никогда не был одержим, — мотнул головой, словно отгоняя назойливую муху, Хэ Цун.

— Филлиды новорождёнными не интересуются. Опасным считается возраст от трёх лет. В случае с эмпадами, их смерть не ведёт к появлению новых филлид, — пояснил Хэ Бэй.

— Только смерть эмпадов?.. — Альфэй подскочила в кресле от этой оговорки.

— Научно доказано, что в момент смерти человека от его тела отделяется филлида. Этот факт породил теорию, что все мы, так или иначе, одержимы. Просто отсутствие эмоций позволяет купировать вредное воздействие филлиды. Однако, данная теория до сих пор не доказана.

— Хм... А теории, что филлида и является человеческой душой, нет?

— Есть, но это полная чушь, — высказался Хэ Цун.

— А, что со смертью обычных одержимых? Отделяется от них филлида или нет?

— Точно установить не удалось. Были случаи как отделения филлиды от тела, как и нет.

— Мы удалились от темы. Всё это бездоказательные разговоры, а у нашей беседы иная цель, — напомнил им Хэ Цун.

— Ах, да, моё покаяние, — тяжело вздохнул его отец. — После смерти Мейли я стал эмоционально нестабилен. Чем больше оттягивал с блокировкой эмоций, тем больше начинал понимать Мейли. Но окончательно меня сломило осознание, что Мейли меня любила. Пока я воспринимал её, как часть своей работы, она пыталась завязать со мной отношения и добиться взаимности. Всё это я понял слишком поздно...

— Когда эмоциональная нестабильность достигла критической отметки, экзорцисты взяли отца под стражу. А когда он отказался пройти эмоциональную зачистку, суд вынес решение об аресте. Одержимость стала вопросом времени, — не глядя на отца, пояснил для Альфэй дальнейшее развитие событий Хэ Цун. — У Фэй, вас тоже ждёт арест, как только удастся установить личность. Эмоциональная зачистка поможет избежать проблем с законом и филлидами.

— Вот как? Но я так и не услышала самого главного в вашей истории. Хэ Бэй, вы жалеете?.. — Альфэй лукавила, на самом деле где-то глубоко внутри она знала ответ на свой вопрос, но её ответ и ответ человека, прошедшего этот сложный путь — это две разные вещи.

— Сожалею ли я о том, что не ответил взаимностью на чувства Мейли вовремя? Каждый день. Когда любила она, я не мог испытывать тех же чувств, а когда смог, её уже не стало. Жаль ли мне, что сын остался без моей поддержки, когда я был ему нужен? Безмерно...

— Если жалел, должен был сделать эмоциональную зачистку, — откликнулся Хэ Цун.

— А вот о способности чувствовать я не жалею. Пусть поздно, но я полюбил Мейли. И я люблю нашего сына. Даже боль от того как всё сложилось, не умаляет радости от того, сколько дорогих даров я получил от жизни. Цену всему, я осознал и принял. Теперь я

понимаю, что всё это было не зря. Каждый шаг и решение, словно драгоценный камень в бесценной мозаике жизни. Я бы не стал менять в ней ничего.

— Что-то мне подсказывает, что ещё одной филлиды после вашей смерти не получится, — покачала головой, словно и, правда, сожалея об этом, Альфэй.

Хэ Бэй расхохотался.

А ей пришлось вновь разочаровать Хэ Цуна, которому не удалось уговорить её на эмоциональную зачистку.

Несмотря на интересную историю и открывшиеся через неё факты, визит Хэ Бэя чуточку расстроил Альфэй. Она так и не смогла почувствовать филлиду, которая предположительно засела внутри эмпата. Природа филлид оказалась совершенно иной, нежели Оживших в прошлом её мире.

Через три дня Хэ Цун заглянул к ней, чтобы сообщить последние новости:

— Установить вашу личность не удалось, но отчаиваться рано. Возможно, что-то даст запрос в международную базу данных экзорцистов. У Фэй, у вас выявлена невероятно высокая сопротивляемость одержимости. Поэтому можно надеяться, что стать одержимой вам всё же не грозит. Это не точно, поскольку прецедентов столь высокого уровня сопротивляемости до сих пор не было зафиксировано...

— Меня выпустят отсюда? — перебила его Альфэй, которую перспектива безвылазно просидеть взаперти всё время пребывания в этом мире не радовала.

— Закон един для всех, поэтому нет. Пока вы не согласитесь на эмоциональную зачистку.

Бесстрастность и упёртость Хэ Цуна начинали бесить, а вынужденное заточение — угнетать.

* * *

Альфэй проснулась в предрассветной мгле от резко хлынувшего в комнату холодного, влажного воздуха. Она поёжилась, закукливаясь плотнее в одеяло, чтобы через мгновение вздрогнуть от тревожного предчувствия.

Окно на протяжении недельного заточения она ни разу не открывала!

Сонливость моментально слетела, и она открыла глаза. В скупом свете серого рассвета над ней склонился высокий светловолосый мужчина в чёрном. Взгляд его ярко-голубых, словно подсвеченных внутренним огнём, глаз сосредоточился на Альфэй.

— Ну, здравствуй, Фэй, — голос звучал глухо через закрывавший нижнюю часть лица респиратор, но сомнений в его принадлежности не было. — Тебе придётся меня простить, как и мне тебя. Я воспользуюсь твоей слабостью.

Крик застыл в горле.

Путаясь в одеяле, Альфэй попыталась нащупать артефакт-накопитель, способный принудительно выдернуть её из любого мира. В момент опасности она напрочь позабыла о том, что нужно сконцентрироваться и всего лишь пожелать оказаться на Небесах. Этих мгновений паники хватило, чтобы демон распылил ей в лицо отдававшее горечью лекарство.

Перед глазами всё расплылось, но отчего-то Альфэй не уплыла в спасительную тьму беспомысленности.

Сибилл поднял её с постели вместе с одеялом и понёс в сторону окна.

— Сопротивляешься, милая? Не стоит. Убивать я тебя точно не собираюсь. Спи спокойно. Набирайся сил, они тебе очень скоро пригодятся, — прижав её к груди, шепнул он в висок.

Трепыхнувшуюся напоследок панику быстро смыло вновь накатившей сонливостью. В последний момент Альфэй ещё уловила лёгкое прикосновение к своим волосам, а затем сердце и желудок ухнули вниз, как от резкого спуска с крутой высоты.

Часть 5

Глава 3. Предавшая богиня

Казалось безвозвратно потерянный, душевный покой вернулся, как только Сибилл заполучил Фэй обратно. Тяжесть её тела приятно оттягивала руки. Он смотрел на неё и не мог насмотреться. Вдыхал аромат распущенных волос и не мог надышаться.

Он больше не мог позволять ей предавать себя. Слишком сложно оказалось пережить это... Решительный взгляд Фэй поверх беспрерывно атакующих Оживших, словно что-то оборвал внутри. Золотые нити её энергии, питавшей и усиливавшей тварей. Острая, разрывающая боль в теле и на сердце.

Ощущение бесконечного падения во тьму ледяной пропасти с того момента не покидало Сибилла.

Он верил, чувствовал, знал, что если бы тогда Фэй встала на его сторону, к нему и близко не подошёл ни один Оживший. И как бы ни хотелось обмануться, Сибилл прочёл во взгляде Фэй свой приговор. А золотая паутина энергии, тянувшейся от неё, доказывала, что за нападением на него Оживших стояла она.

Это оставило незаживающую рану. Не на теле, а глубоко внутри.

Несмотря на когда-то высказанное Фэй сожаление о том, что его невозможно убить, Сибилл не хотел верить в то, что она на самом деле оказалась на это способна. Вот только факты не зависели от его желаний и высвечивали совсем иное положение дел, чем то, на которое он рассчитывал.

Первое время он всё ждал Фэй и того, что она придёт, всё ему объяснит и развеет страшные подозрения. Надеялся, что как-то всё уляжется, утрясётся и будет, пусть не по-старому, но хотя бы сносно.

Фэй не пришла. Исчезла из мира, не попрощавшись, словно ей было наплевать, существует он ещё или нет. Она и раньше не хотела говорить и что-то ему объяснять.

Её вновь будто забыли все, кроме него. Всё же этот эффект не был случайностью. Сибилл впервые задумался, а вспомнил бы сам о Фэй, если бы она могла забрать память и у него? Пришло моментальное понимание, что «да», она заставила бы его забыть. Если бы могла.

Может потому и боялась его, что ничего не могла с ним сделать? Свежее воспоминание предательства и предсмертной агонии напомнило, что кое-что Фэй всё же могла и делала.

Капля за каплей набиралось затопившее его осознание. Она едва терпела его. Отказалась от него. Стремилась оставить позади, как только представлялся такой случай. Даже не пыталась понять. Злилась на него. Гнала от себя. Обижала. Причиняла боль. Бросала полные презрения взгляды. Не любила и не хотела. Кажется, Фэй просто... ненавидела его?

Он-то, думал, что, невзирая на страхи и опасения, предубеждение и запреты, на самом деле Фэй любит его. Видимо, он опять принял собственные желания за действительность.

Мысль, что она хотела его смерти, неумолимо, как солнце, восходила над горизонтом его души, выжигая всё на своём пути.

Хорошо, что в этот раз, когда его жизнь в очередной раз осыпалась больно ранящими осколками разбитых надежд, рядом была Аи. Подруга, которая, никогда, ни при каких

обстоятельствах не забывала и по своей воле не бросала его. На этот раз она вновь, как и когда-то в глубоком детстве, поделила с ним всю горечь и печаль его обиды и поражения, всю боль и невозможность принять новый удар судьбы. Аи осталась с ним, даже когда он сам себе казался жалким и слабым.

Сибилл всё силился угадать, что между ними пошло не так, но без Фэй эта затея заранее оказалась обречена на провал. Впрочем, факты один за другим выстраивались в цепочку и приносили кое-какую определённую ясность.

До того, как Фэй поняла о нём что-то разрушительно важное, она ещё готова была мириться с его присутствием и привычками, так раздражавшими её. Но что-то уничтожило возможность их мирного сосуществования. Факт, через призму которого, Фэй теперь смотрела на него абсолютно безжалостным взглядом.

Была ли это догадка, что он преследует её?.. Когда она поняла, что его появление у зверолодей не случайность, а результат целенаправленных действий, именно тогда всё окончательно разладилось. Кажется, он чем-то мешал её планам. Последнее, о чём она просила его, не ходить за ней из мира в мир... А значит идти было нужно.

Она упоминала...

О множестве миров. О возможности путешествовать между ними. А ещё Фэй сказала, что мир Оживших только начал своё существование, и он ей верил. Даже если все факты говорили об обратном, всё равно верил. Просто чувствовал, что она не врёт. В этом свете оговорки про богов звучали совсем не как случайная информация. Особенно от Фэй, которая ощущалась, чуть ли не всемогущей и всеведущей. Могла ли она быть богиней? Или пришельцем со сверхспособностями, которому даже космический корабль для путешествий между мирами не нужен?

Вроде бы она упоминала про какое-то задание или миссию. А может это он уже сам додумал или так её понял? Но главное, что в своём деле, каким бы то ни было, она не являлась самостоятельной независимой единицей, предоставленной самой себе. Её действиями и выводами явно кто-то руководил. Тот, кого Фэй назвала «наставником».

Сибилл не мог отказаться от мысли, что кто-то другой, а не Фэй, виноват, в её отказе от него. Он готов был оправдывать Фэй до бесконечности и обязательно простил бы ей всё. Только сомневался, что ей нужны его оправдания и прощение.

Обвинять кого угодно, кроме неё, было проще. Поймав себя на этом, Сибилл только горько усмехнулся. Он постоянно совершал одну и ту же ошибку. Не принимал те ответы Фэй, которые ему не нравились. Сколько ещё раз она должна напрямую ему отказать, чтобы до него это окончательно дошло?

И всё же... Всё же он не мог её отпустить.

Предельно ясно, что договариваться следует не с Фэй, а с тем, кому она подчиняется. С Фэй он уже пробовал разговаривать, пора было менять тактику. А для этого необходима информация, источник которой у Сибилла имелся только один.

Он нежно погладил выбившуюся из одеяла и одиноко свисавшую прядь волос.

— Ты меня в любом случае уже не простишь, слишком упрямая. Так есть ли смысл обманываться дальше? — прошептал Сибилл, ощущая необходимость говорить и оправдываться, даже если это было совершенно бесполезно.

В этот раз по прибытии в новый мир ему повезло сразу попасть в нужное место к нужным людям. Они называли себя «оппозицией эмоциональным импотентам» и признали Сибилла за своего лишь потому, что он способен чувствовать.

Целый подземный город времён древних войн этого мира, когда люди жили под землёй, был заселён одержимыми либо доживавшими последние дни, либо перешедшими на уровень эмпатов.

Сибиллу дали кров и пищу, поделились информацией об окружающем мире. Но самое главное ему помогли найти Фэй, ведь она даже не стала имя своё менять, а потом и выкрасть её из-под носа у экзорцистов.

— Ну что нашёл свою пропажу? Это она? — налетел на него Ву Чэн — сын главы оппозиции Ву Лю.

— Она. Спасибо тебе, друг! — Сибилл улыбнулся Ву Чэну.

Если бы не феноменальные способности взломать любую даже самую защищённую базу данных этого парня, Фэй Сибилл бы так быстро не нашёл и тем более не заполучил.

— Да ладно, я только определил место её заключения и незамеченным провёл тебя к ней, остальное ты сделал сам, — смущённо почесал нос Ву Чэн. — Ей не успели сделать эмоциональную зачистку?

— Ты же сам сказал, что нет.

— Это так в её деле записано. Но вдруг она уже дала своё согласие? Вообще-то мало кто в нашем мире рад возможности испытывать эмоции. Люди не могут пережить даже капельку тревоги или тоски. Может она такая же?

— Она и без эмоциональной зачистки может отсекал лишние, на её взгляд, эмоции, — с горечью признал Сибилл.

— Так, может, стоило оставить её?..

— Я не могу этого сделать. Она важна для меня. Вот только не думаю, что Фэй обрадуется моей инициативе, когда придёт в себя.

— Отец и остальные будут против человека, который не сам выбрал путь одержимости, — закусил губу Ву Чэн.

— Дай мне несколько дней. Я попробую убедить Фэй остаться с нами. Когда... если мне не удастся, тогда я сам расскажу обо всём Ву Лю.

— Ла-адно. Но ты должен понимать, что её проживание в подземном городе грозит нам всем раскрытием и большой бедой.

— Знаю. Если экзорцисты выйдут на след, я сдамся им, возьму всю вину на себя. И не оставлю вас в любом случае. Но Фэй... это другое.

Сибилл с самого начала поселился в отдалении от кучкующихся одержимых, как раз на случай, если найдёт Фэй. Ну и ещё потому, что Аи требовалось хоть изредка выгуливать.

Эмпаты считывали его как одержимого. Сибилл понял отчего, когда как-то раз увидев момент смерти одного из одержимых, от которого отделилась светящаяся субстанция. Потом ему рассказали, что это была филлида. Светящийся воздушный шарик подплыл к нему, и Сибилл машинально подставил ладони. От сущности ощущалась необузданная ярость.

Филлиду Сибилл считывал, так же как Аи, мыслящей и чувствующей. А это значило, что эмпааты считают его одержимым из-за Аи, и что филлиды, как и его подруга, живые существа, пусть и бестелесной природы.

Он чувствовал, что может уничтожить этот сгусток энергии и эмоций, но также, что это будет неправильно, и поэтому отпустил.

Сибилл отчего-то знал, что филлиды не несут для него равным счётом никакой угрозы. После столкновения с одной из них, не покидала внутренняя уверенность, что даже если на него нападут — он справится. Впрочем, вероятность агрессии в его сторону этих сущностей

казалась крайне мизерной. Возможно, из-за Аи он ощущал некое средство с этими сущностями.

Вылазка на поверхность принесла свои плоды помимо воссоединения с Фэй. За Сибиллом, следуя на приличном расстоянии, увязалась целая стая филлид, нырявшая и петлявшая за ним по всем переходам подземного города. Он вновь покосился на филлид, но другие люди никак не реагировали на светящиеся воздушные шары.

В подземном городе филлид практически не было, а вот на поверхности Сибилл увидел тысячи сиявших в темноте, словно светлячки, филлид, придающих ночному городу причудливый вид. Он даже подумал, что желание людей, жить и передвигаться далеко от поверхности земли, связано с тем, что пустынные улицы были забиты филлидами.

Отсек Сибилла насчитывал четыре комнаты, выходящие в одну большую гостиную. Каждая комната была оборудована своим санузлом.

Сибилл устроил Фэй по соседству со своей комнатой, но побоялся хоть на мгновение оставить одну. Он не в первый раз ломал голову над задачей, как допросить Фэй и не позволить ей сбежать в другой мир. По собственному опыту он знал, что снотворное самый надёжный способ не позволить ей исчезнуть. Однако основную его задачу снотворное не решало.

Расправив пижаму и огладив костяшки, он положил руки Фэй поверх покрывала. Поправил длинные волосы, чтобы те не путались и не падали на пол. Задумавшись, Сибилл дотронулся до щеки Фэй и застыл, разглядывая расслабленное выражение её лица.

Он не зря воспринимал её почти что всемогущей. Фэй ощущалась, до краёв полной энергией восхитительно горячей и искрящейся. С этой силой, она не то, что сбежать, победить его могла. Стоило подумать о том, чтобы «разоружить» её, и Сибилл ощутил, как энергия широким потоком перетекает к нему.

Фэй нахмурилась во сне, и Сибилл отдёргнул от неё руку.

Вспомнилось, с какой лёгкостью тогда в пещере он смог уложить Фэй на лопатки. Из-за физического контакта он бессознательно тянул из неё силы. И так стал сильнее неё. Или вернее сделать её слабее себя?.. А после она сторонилась и боялась его.

Одну тайну Фэй он всё же смог разгадать и без неё сознательно участия в этом процессе. Жаль, что с другими вопросами так же разобраться не получится. Сибилл взял Фэй за руку, забирая у неё всю доступную энергию, пока не почувствовал, что ещё чуть-чуть и может навредить ей. Теперь Фэй ощущалось такой же слабой, как большинство встреченных им людей этого мира.

Фэй просыпалась нехотя. От дрожи её ресниц сердце Сибилла застучало часто и рвано, а во рту пересохло. Он уговаривал себя не трусить и не раскисать. И всё равно полный гнева и презрения взгляд, словно ударил под дых.

— Что ты со мной сделал? — хрипло спросила она и потянулась рукой куда-то за ворот пижамы.

Сибилл успел перехватить руки Фэй, и сам нашёл на её шее цепочку с прозрачным камнем, но снять не смог, что подтвердило худшие его предположения.

— Что это? — его вопрос она проигнорировала. — Эта подвеска может перенести тебя в другой мир?

Фэй молчала, но Сибилл уже сделал свои выводы. Он заставил её сесть на постели и связал руки за спиной, судорожно соображая как нарушить её концентрацию. На личном опыте Сибилл знал, что для перехода из мира в мир необходимо сильно сосредоточиться.

Из гостиной, куда за ним набились филлиды, через закрытую дверь просочился светящийся воздушный шарик и толкнулся Сибиллу в плечо. Он машинально отмахнулся от панического страха и отчаяния этой филлиды, и та проплыла мимо него к дёргавшейся Фэй.

— Какого?.. — только и успел он выдохнуть, как филлида пустила хоботок и ушла внутрь Фэй.

Сибилл напряжённо застыл, а Фэй сгорбилась и задрожала, по её лицу покатались слёзы.

— Нет-нет-нет, — запричитала она. — Не надо! Не ешь меня.

— Не есть?.. В каком смысле? — выдохнул Сибилл, плохо соображая от накатившей при виде её слёз паники.

— Убери руки. Не прикасайся ко мне. У меня и так не осталось сил. Ты же убьёшь меня!

Фэй ещё сильнее забилась в его руках, и Сибилл отпустил вздрагивавшие плечи. Она упёрлась босой ногой ему в грудь и, оттолкнувшись, вжалась в дальний от него угол постели, где уткнулась в свои колени лбом.

— О... так ты об этом, — пробормотал Сибилл, не предпринимая больше попыток прикоснуться, но и не отстраняясь. — Я не собираюсь тебя убивать. А ты меня, Фэй?

— Если бы я только могла...

— Оживших... натравила на меня ты? — Сибилл упёрся ладонью, на которую с ужасом уставилась Фэй, в постель.

— Хотела убить, но передумала. Наставник и все... сердились. Зря остановилась. И пусть это самоубийство. Ненавижу быть беспомощной, — всхлипнула Фэй.

— Значит всё же ты, — едва слышно, от в одно мгновение вернувшейся боли и гнева, выдохнул Сибилл. — За что ты хочешь меня убить?

Он сдвинул ладонь на постели чуть ближе к Фэй. Её взгляд полыхнул отчаянием, и Фэй затрясло.

— Ты — мой сердечный демон. Ты — всё то, что я не принимаю в себе. Даже наставник это не сразу понял. Жаль, что демона нельзя убить, только принять...

— Не заметил, чтобы ты хотя бы попыталась меня принять.

Его захлестнула такая ледяная ярость, что в этот момент он сам хотел убивать. Мысль умереть вместе с Фэй показалась притягательной. В комнату, словно привлечённые его эмоциями, просочились филлиды. Сибилл хорошо чувствовал их раскалённую ненависть, раскаяние, обиду, похоть.

По наитию Сибилл прикоснулся к макушке Фэй, отчего она вздрогнула особенно сильно, и ощутил филлиду. Он чувствовал, что может воздействовать на филлиду и потянул ту, изрядно раздувшуюся, словно клещ, прочь из Фэй. Не глядя он выхватил из воздуха хоботок другой филлиды и подтолкнул ту к Фэй.

— Ты!.. Ненавижу тебя! — взревела Фэй, расправив плечи и вскинув голову.

Стоило новой филлиде обосноваться внутри неё, Фэй откинулась на стену и уставилась на Сибилла, красноречивым и яростным взглядом.

— Из-за тебя вся моя работа загублена. Теперь меня ждёт самый низкий балл за стажировку и самая убогая должность в пантеоне богов, какого-нибудь захудалого мирка.

— Балл за стажировку?.. Это всё, что тебя волнует, Фэй?

— О... Ну ещё сушая мелочь — смерть от рук сердечного демона.

— А сердечный демон — это я.

— Ты!.. Всё мне испортил. Лучше бы тебя не было, — кричала Фэй, отбиваясь от его рук, заменявших одну филлиду на другую. — Из-за тебя я не могу даже спокойно прийти в собственный мир...

— Собственный? Это твой... твои миры? Этот и все до него?

— Да. С ними и так масса проблем, ещё и ты...

— Если все миры, которые я знал, создала ты... Ты сказала, что я твой сердечный демон. Значит, ты и меня создала?

— Я не хотела! И вообще поняла, что ты такое только в третьем мире.

— Неужели тебе было совсем не жалко меня убивать? Или считаешь себя вправе забрать жизнь, которую дала мне?

— Жалко. Но игнорировать сердечного демона — это в большинстве случаев растить своего убийцу. Наставник и соученики говорят, что сердечного демона надо принять как собственного ребёнка. А какой ты, к тёмным богам, ребёнок?

— Да-а... Дети — это не по твоей части. А более жизнеспособный вариант есть?

— Ну или любовник, — брезгливо скривилась Фэй, выражая тем самым своё отношение к такой перспективе.

— Вот отличное же решение, что тебя в нём не устроило?

— Помимо того, что у меня уже есть любовник и другого мне не надо? Ненавижу слабость и безвыходные ситуации. Никому не позволю диктовать мне условия!

— Когда это я тебе их диктовал? — пробормотал Сибилл, заменяя филлиду.

Новость о том, что место рядом с Фэй уже кем-то занято больно резануло по сердцу. Хотя она уже что-то такое говорила, но в пылу ссоры он не придавал этому факту должного внимания.

Почему с ней всегда так безнадёжно сложно?

— Во всём виноват ты! Почему ты не мог оставаться простым смертным? Или клоном?..

— Если бы я был смертным или клоном, я бы забыл о тебе, как и все другие?

— Конечно.

— И не смог ты переходить вслед за тобой из мира в мир?

— Естественно.

— Тогда я рад, что являюсь сердечным демоном.

— Ну почему ты такой противный?

— Видимо, потому что ты сама не подарок, Фэй. Я думал, что ты меня любишь. Был счастлив, когда ты пришла ко мне в течку.

— Это не считается! Не хочу вспоминать, — нетипично для себя надулась Фэй.

Сибилл вычислил нужную филлиду и, помедлив, всё же поместил ту в Фэй, взамен прошлой. Он уже вовсю пользовался слабостью Фэй, так что одной подлостью больше, одной меньше. Какая разница, верно?

— Тебе... совсем не понравилось быть со мной? — он скользнул рукой за спину Фэй, развязывая её.

— Всё из-за течки, — зашептала она.

Её грудь стала вздыматься чаще, а бёдра заёрзали по постели. Фэй поспешила сунуть руку за ворот к подвеске.

Пришлось Сибиллу перехватить её запястья и дёрнуть на себя, заставляя проехаться по покрывалу и упасть на спину. Он навис сверху, стремясь максимально зажать. Однако Фэй успела упереться ногой ему в плечо, чтобы сохранить между ними расстояние.

— И как к этому отнёсся твой любовник? — спросил Сибилл, игнорируя душевную боль.

— Мы договорились о том, что всё, что происходит в наших мирах, не в счёт. С богом в сексе никто не сравнится.

— А, так он тоже бог. У вас какой-то свой мир для избранных?

— На Небесах обитают только боги.

— И кто любовник? Твой наставник?

— Причём тут наставник Ли?

— Не наставник, значит. Так что?.. Этот бог, лучше меня, Фэй?

— Всё из-за течки, — повторила Фэй, а её ступня вдруг двинулась вниз от груди к животу Сибилла.

— То есть все-таки было хорошо? — Сибилл осторожно погладил большими пальцами пойманные запястья, и Фэй подавила тихий стон, принимая его вес на колено и уводя ступню ниже.

— Было... Хватит, — застонала Фэй. — Почему я так странно себя чувствую?

Фэй наконец полностью капитулировала, позволяя лечь на себя и потёрлась о Сибилла всей собой. Как тогда в пещере...

— М-м... Хочешь прекратить? — он вжался в неё плотнее.

— Пожалуйста... Да!

Фэй обхватила его ногами и над головой Сибилла, словно сомкнулась вода, отсекая лишние звуки и ощущения.

Часть 5

Глава 4. Обессиленная богиня

Страх сменился раскаянием, ненависть вожделением.

И всё же по сравнению с течкой Альфэй осознавала что происходит, прослеживала сильные, словно ниоткуда взявшиеся, чувства. А вот помнить о том, почему нельзя предаться страсти с Сибиллом удавалось с трудом. В конце концов, даже Ежан признавал, что это лучший способ взаимодействия с сердечным демоном.

Если бы на месте Сибилла был любой другой, Альфэй давно забыла о сопротивлении. Но окончательно сдаться мелкому засранцу, который вырос на её глазах, не позволяла гордость.

И всё же оторваться от чутких, настойчивых поцелуев оказалось слишком сложно. В объятиях Сибилла Альфэй самой себе казалась маленькой и хрупкой, и не находила сил, чтобы отказаться от чужой трепетной страсти.

Только когда Сибилл поменял их местами, перестав нависать над ней и усадив её на свои бёдра, Альфэй смогла собрать волю в кулак. Она буквально шлёпнулась на пол, хотя Сибилл всё равно придержал, чтобы она не ушиблась.

— Н-не прикасайся ко мне, — прохрипела Альфэй.

— Ну... Я должен был хотя бы попытаться, — криво усмехнулся, такой же тяжело дышащий и взбудораженный произошедшим, Сибилл.

Альфэй переводила взгляд с его груди, открывшейся в порванном вороте футболки, на спутанные волосы и алый зацелованный рот. Отчего-то именно Сибилл выглядел жертвой сексуального домогательства. А ей слишком сильно хотелось продолжить. До сдавленного стога, сжатых кулаков и разлившегося внизу живота стыдного жара. Внутри пылало бешеное желание.

— Что ты со мной сделал? — голос сел, выдавая силу её вожделения.

— М-м?.. — Сибилл стянул разорванную футболку и провокационно потянулся, демонстрируя совершенное полуобнажённое тело.

Она закусила губу, едва сдерживаясь.

— Ты выпил мои силы! — Альфэй очень старалась смотреть ему в глаза и ни в коем случае не соскальзывать взглядом хотя бы ниже пояса.

— Иначе ты бы сбежала от меня...

— Это не оправдывает того, что ты воспользовался...

«Сибилл, у нас проблемы», — услышала Альфэй прервавший их приглушённый голос из микронаушника, приклеенного к ушной раковине Сибилла.

— Извини мне нужно ответить на звонок, — Сибилл закрыл за собой тяжелую дверь и оставил её наедине с самой собой сходить с ума от неудовлетворённости.

Впрочем, отсутствовал он не долго, а когда вернулся, был полностью одет во всё чёрное, как ей запомнилось по собственному похищению.

— За тобой пришли, — хмуро бросил он и подошёл слишком близко, отчего в нос ударил соблазнительный мужской запах.

Сибилл потянул её за руку вверх, мимоходом погладив по голове, и безжалостная, иссушающая жажда отступила.

Однако как только необузданное желание утихло, на его место пришла апатия. Альфэй почувствовала себя вымотанной, эмоции словно побледнели и притупились, силы оставили. И её зашатало. Ощущение полёта на мгновение перекрыло всё, отрезая от реальности. Дыхание замерло, как и сердце. А Альфэй осознала себя в объятиях Сибилла.

Сердце запоздало зачастило.

— Придётся снова воспользоваться мной в качестве средства передвижения, — улыбнулся он. — Почему тебя так быстро нашли?

— В этом мире очень хорошо развиты технологии, — вспомнила свои первые наблюдения Альфэй. Она слишком устала, чтобы злиться и воевать. К тому же большую часть информации демон у неё уже узнал.

— Настолько чтобы поймать даже богиню?

— Я ещё только учусь. Начинающих богов часто ловят собственные смертные, иногда даже убивают.

— Ты сказала, что для тебя опасен только сердечный демон, — недовольно зыркнул на неё Сибилл, петляя по переходам каких-то катакомб.

— Не правда, я такого не говорила. Сердечный демон может... Короче, смертным сложнее уничтожить бога, но это не невозможно.

— Ты боялась, что я тебя «съем», потому что сердечный демон может выпить бога подчистую, так?

Альфэй покосилась на Сибилла, но промолчала, не собираясь подтверждать эти опасные для неё выводы.

— А что будет в случае «принятия» демона? Что-то мне подсказывает, что здоровья мне это не прибавит.

— Когда бог полностью принимает своего сердечного демона, то тот соединяется с богом... Поговаривают, что это выглядит так, словно демон истаивает и выпитывается обратно в породившего его бога, отдавая свои силы, — нехотя пояснила Альфэй.

Она надеялась, что от услышанного Сибилл начнёт избегать её. Всё же зла он ей не

желал. Раз уж зная, о том, что может убить её, всё равно этого не сделал. Оставалось найти способ держать его на расстоянии от себя.

— Отдаёт свои силы обратно богу... Значит, либо демон поглощает бога, либо наоборот бог демона, — от осознания Сибилл даже споткнулся.

— Если бы с этим «принятием» было всё так просто!

— И мы вернулись к тому, что ты хотела меня убить, — помрачнел он и тут же встрепенулся. — А что там было про самоубийство?

— Я действовала импульсивно, — поджала губы Альфэй. — Бог способен убить своего сердечного демона, но так никто не делает, потому что можно лишиться всех своих божественных сил. Это если уничтожение своей «тёмной половины» не убьёт тебя.

— Я бы поспорил с тем, кто из нас двоих «тёмная половина», — на это бестактное заявление Сибиллы, она стукнула его кулаком по плечу.

— То, что бог отрицает в себе не обязательно «зло». Зачастую наоборот, сложнее пробиться на верхушку божественного пантеона доброму и отзывчивому божеству. Его же все будут использовать!

— Звучит логично... Значит ты вложила в меня всю свою «доброту»?

— Скорее «женственность»?

— Ну, нет, — остервенело замотал головой Сибилл, вновь сбиваясь с шага.

— Что не нравится? А мне-то как не повезло! Чтобы от тебя избавиться нужно обрядиться в рюшечки-бантики, глупо хихикать над тупыми сплетнями, тащить к себе в павильон всё пушистое и милое, обливаться литрами духов и прочей пахучей дряни. Изображать из себя забитое существо, которое без мужчины выйти за порог спальни не в состоянии и не способно пользоваться собственной головой...

— Ерунда. Всё не так, — забормотал Сибилл, но оборвал себя, когда впереди показались люди.

— Именем закона остановитесь! — раздался окрик человека в форме экзорциста.

— Это эмпат. У Фэй всё ещё не одержима — долетел второй голос.

— Ты стал эмпатом? — резко развернулась к Сибиллу Альфэй.

— Теперь захотела узнать обо мне больше? — улыбнулся он.

— Не могу понять, как такое возможно. Ты сильный, а с учётом того, что... у меня не осталось энергии — это значит, что ты стал ещё сильнее. Твоя сопротивляемость одержимости должна быть запредельной, — тихо, чтобы её услышал только Сибилл, Альфэй поделилась своими мыслями.

— Я...

— Назови своё имя и идентификационный номер, — вклинился в их разговор приблизившийся экзорцист, которым оказался Хэ Цун.

— Сибилл, и у меня нет никакого номера.

— Что сразу двое без идентификационных номеров? — вышел из-за спины сына Хэ Бэй, который только нагнал их.

— Эта женщина принадлежит мне.

— Что ты несёшь! — устало возмутилась Альфэй на это заявление.

— Прошу прощения, неверно выразился. Это я принадлежу этой женщине. Так лучше? — уточнил Сибилл, и Альфэй не нашлась с ответом, вместо этого ударив наглеца в плечо.

— А у тебя появился соперник, сынок, — присвистнул Хэ Бэй.

— Глупости, — отмахнулся Хэ Цун, которого Сибилл одарил тяжёлым взглядом. — Сибилл, вы обвиняетесь в похищении и незаконном удерживании человека. А так же в эмоциональной нестабильности и незаконном пребывании на свободе. Признаёте ли вы свою вину?

— С последним я не согласен. У меня одна просьба, можно до поверхности У Фэй на руках понесу я?

— Что случилось? Она ранена?

— Просто устала.

— Ты не о том спрашиваешь, сынок. Нужно уточнить что с ней сделал этот паршивец, что У Фэй не в силах идти самостоятельно.

— Это не то о чём вы подумали, Хэ Бэй, — поспешила вмешаться Альфэй.

Вот только жалости ей не хватало!

— Альфэй, вы согласны с просьбой Сибилла? — сурово уточнил Хэ Цун.

Не то чтобы Альфэй жаждала и дальше находиться так же близко со своим демоном. Но альтернативой стали бы Хэ Цун и Хэ Бэй. Во-первых, она не была уверена в физических возможностях своих смертных. Во-вторых, сомневалась, что Сибилл позволит ей «пересесть на другого мужчину». Глупо было провоцировать сердечного демона из-за такой ерунды, если уж он был столь добр, чтобы проигнорировал её попытку убить их обоих.

— Всё в порядке, Хэ Цун. Сама я всё равно идти не смогу.

— В таком случае, просьба Сибилла может быть удовлетворена.

— Чёртов сопляк, такую девушку упускает и хоть бы хны, — не одобрил поведения сына Хэ Бэй.

По тёмным, извилистым переходам они выбрались на поверхность, где стоял серый день, подобный тому, когда Альфэй только попала в этот мир.

Хэ Цун всю дорогу монотонно бубнил о правах и обязанностях эмпада, время от времени уточняя, понимает ли Сибилл, о чём ему втирает экзорцист-координатор. И неизменно получал утвердительный ответ

— Мне важно только то, чтобы Альфэй была всё время на виду, — выставил вроде как условие Сибилл.

— В одни апартаменты заселить вас не возможно, но видеться вы сможете, — подумав, пообещал Хэ Цун.

— Я на это очень рассчитываю.

— Все встречи только в присутствии экзорциста-координатора, — жёстко вставил Хэ Бэй.

— То есть видеонаблюдения недостаточно?

— Кому ты рисуешь лапшу на уши вешаешь, малец? Видеонаблюдение не зафиксировало даже похищение У Фэй!

— Хэ Бэй, ты сказал лишнее, — сдержанно одёрнул отца Хэ Цун.

— С этим пройдохой не стоит договариваться, он всё равно тебя перехитрит, поверь моему опыту, сынок. Это тот ещё себе на уме манипулятор.

— А вы отлично разбираетесь в людях, — заметила Альфэй.

На поверхности их ждали два безколёсных автомобиля этого мира. В одном обнаружили ещё двое экзорцистов, которые забрали к себе Хэ Бэя.

— Родственник-эмпат не может быть напарником экзорциста-координатора. Только на проверку заброшенного тоннеля мне позволили взять чужого эмпада в пару, — пояснил ей

этот неясный момент Хэ Цун.

— И что? Никогда не хотелось работать в паре с отцом?

— Сначала такие мысли были. Но потом я понял правоту и смысл этого правила. В такой паре слишком велика вероятность эмоциональной нестабильности.

В другой машине обнаружился напарник экзорцист Хэ Цуна. Им с Сибиллом пришлось расположиться на задних сидениях. Когда и в машине Хэ Цун принялся расписывать Сибиллу его будущее в качестве эмпата, Альфэй не выдержала и задремала. Всё же Хэ Цун обладал уникальной способностью нудно и монотонно вещать о чём угодно.

Когда Сибилл потянул её себе на руки, Альфэй лишь на мгновение открыла глаза и вновь провалилась в сон.

Подъём на сотый этаж и возвращение в свою комнату-тюрьму она не отследила, проснувшись только на следующий день к завтраку.

Часть 5

Глава 5. Уступающая богиня

Как следует подумать над всем произошедшим, Альфэй не успела. С самого утра к ней заявила компания из трёх мужчин: Хэ Цуна, Хэ Бэя и Сибилла.

— Сегодня с меня снимут биометрические данные. Это займёт много времени, а ты же знаешь, как я боюсь медиков. Составишь мне компанию, Фэй? — попросил Сибилл после завтрака.

— С какой стати я должна это делать? — возмутилась Альфэй.

— Потому что с твоей подачи у меня ятрофобия.

— Чего?!

— Эмпаты, как и все одержимые, подвержены перепадам настроения, панике и паранойе. Если эмоциональное состояние Сибилла возможно стабилизировать, то стоит использовать для этого все доступные способы. Поддавшись чувствам, он может навредить медицинским работникам. У Фэй, неужели вы позволите этому случиться? — присоединился к её уговорам Хэ Цун, и стало совершенно очевидно по какой причине они к ней явились.

— Он совершенно адекватен, не стоит обманываться, — попыталась откреститься от навязываемого статуса насадки Альфэй.

— Не хотел вмешиваться, но... У Фэй, вы должны знать, что Сибилл намного сильнее обычного эмпата. До того как придти к вам, мы провели небольшой спарринг... Должен сказать, что в случае, если он взбунтуется, мы его навряд ли остановим. Во всяком случае, без разрушений не обойдётся, — нехотя признал Хэ Бэй.

Альфэй почувствовала иррациональную обиду, что её никто на спарринг не позвал. Ладно, она не эмпат, вроде как не боевая единица. Но могли бы дать хотя бы посмотреть!

Под напором всех троих Альфэй всё же сдалась.

Пока они шли по коридору к лифту, Сибилл удержал Альфэй за руку вынуждая отстать от Хэ Цуна и Хэ Бэя.

— Ты немного восстановилась, — еле слышно заметил он, и Альфэй немедленно выдернула свою кисть из его хватки.

— Не смей!

— Тогда ответь, сколько тебе понадобится времени, чтобы накопить сил для перемещения из этого мира. Я же правильно понимаю, что тебя тут больше ничего не держит, и как только сможешь ты уйдёшь? Кстати, сразу в следующий мир или сначала на

эти ваши божественные Небеса?

— Тише. Тут же везде камеры!

— В коридорах камеры звук не слышат. Так ты ответишь мне?

— Вечером я смогу уйти. Сначала на Небеса.

— А потом, значит, в новый мир. Давай договоримся, что ты не будешь сегодня от меня убегать, а я...

— Чего вы там застыли? Поторопитесь, — позвал их Хэ Бэй. — Вот с кого пример надо брать, сынок. Пацан тебя в романтическом плане на одном упрямстве обойдет.

— Ты слишком много думаешь, — отозвался Хэ Цун.

— Обещаю вести себя паинькой и ничего не отнимать, — шепнул Сибилл. — Побудешь со мной сегодня?

Не то чтобы Альфэй хотела этого, но в груди предательски потяжелело.

У них с Сибиллом остался всего один тренировочный мир, чтобы хоть как-то наладить контакт. Он даже сделал вид, что забыл её срыв с попыткой его уничтожить.

Впервые Альфэй задалась вопросом, кому будет нужен бог, за которым из мира в мир таскается сердечный демон. Было слишком страшно задумываться об ожидавших перспективах. Ей вообще хоть какое-то место в пантеоне самого безнадёжного мира достанется? Стоило, наконец, признать, что стажировку она феерично провалила. Ни высокого балла, ни престижной должности ей не светит.

Злиться за свои неудачи на Сибилла? Она уже пробовала и к лучшему ничего не изменилось. В том, что сможет принять сердечного демона хоть в какой-то перспективе, у Альфэй имелись серьёзные сомнения. И что же ей оставалось? Поставить на себе и своём будущем «крест»? Злопыхателей она не обрадует. Сдаваться претило её натуре. В конце концов, когда они с Сибиллом решали действовать заодно, из них двоих получалась отличная команда.

— Побуду с тобой, — ответила Альфэй уже на медицинском этаже.

Резко развернувшись, Сибилл не смог скрыть удивления и одарил её самой тёплой и искренней улыбкой.

В груди замер тяжёлый вздох. Порой ей казалось, что Сибилл вообще не меняется. Как был маленьким плаксом, для счастья которого Альфэй достаточно было просто улыбнуться, так им и остался. Даже врачей боялся, словно мальчишка.

Отец Альфэй — У Чжунь тоже не любил больницы. Мама его со скандалом выпроваживала на осмотр или больничный. И то, отец всегда раскручивал её на оказание моральной поддержки в стенах медицинских учреждений. Старшего брата Альфэй уважала ещё и за то, что тому не требовалась мамино присутствие, чтобы поставить прививку или взять кровь из вены.

Сканирование Сибилла филлидоискателем подтвердило, что тот является эмпатом.

— И всё же не понимаю, как ты умудрился подхватить филлиду? — попыталась узнать правду Альфэй, пока у Сибилла брали кровь.

— Давай, я тебе это расскажу в следующий раз, когда встретимся, — напряжённо улыбнулся он, цепко наблюдая за тем, как шприц наполняется его кровью.

Альфэй тоже обратила внимание на процесс забора крови и заметила, что Сибилл во всю правит параметры собственной крови.

— Как ты это делаешь? — не удержалась от вопроса она, отчего медсестра настороженно осмотрела Сибилла, пытаясь определить, что так поразило Альфэй.

— М... Ты же знаешь, что я самоучка. Так что почти всему, что умею, научился методом проб и ошибок.

Альфэй раздражённо выдохнула. Всё же бывают гении, которые сами додумываются до секретов, которым она училась тридцать лет на Небесах, и то... порой забывала применить что-то на практике.

До того как Сибилл попал к экзорцистам, Альфэй совершенно не мешал видеонаблюдение. Теперь же её бесила невозможность откровенно поговорить. Ирония заключалась в том, что до этого Сибилл преследовал её, чтобы всё выяснить, а она от него отмахивалась. Когда, наконец, Альфэй захотела поговорить с ним сама, то обстоятельства решительно не позволяли это сделать.

На фоне переживаний о взаимодействии с сердечным демоном проблемы с сотворением миров, казались, такими незначительными.

Как бы Сибиллу это не нравилось, но тот факт, что для его создания Альфэй использовала собственную вытесненную женственность, оставался неизменным. Впрочем, женские черты характера и алгоритмы поведения, как и мужские, в той или иной степени присущи каждому. Логика и целеустремлённость, например, считались мужскими чертами, но это не значит, что не существует женщин с подобными доминирующими чертами характера. И так же мягкость, сопереживание, способность создавать уют не являются прерогативой исключительно женщин.

Теневая сторона — как у бога, так и у смертного, появляется лишь тогда, когда какие-то свои черты характера, стремления и желания личность принять не может.

Альфэй ненавидела быть слабой. Ей казалось, что женщины априори слабее мужчин или, по крайней мере, их таковыми считают. Этот внутренний конфликт, словно брошенный в воду камень, создавал внутреннее возмущение, влиял на все её отношения, эмоции, поступки и в целом — взгляд на жизнь.

— Как думаешь, я слабая? — поделилась Альфэй своими терзаниями, пока с Сибилла снимали отпечатки пальцев.

— А у тебя есть сомнения в себе? — он удивлённо вкинул на неё взгляд. — Не знаю никого сильнее тебя. Но я постараюсь тебя превзойти.

— Вот уж не нужно!

Ей только превосходящего по силе сердечного демона не хватает, чтобы исключить любую возможность карьерного роста там, где и так всё плохо.

Хоронить свои амбиции Альфэй не хотела до боли, но другого выхода не находила. Конечно, сдаваться она тоже не собиралась. Но сначала пришлось признать, что переоценила свою готовность сотворять миры. Мнила себя всезнающей, сильной, почти идеальной богиней.

А ведь наставники упорно твердили, что нет «идеальных» богов, потому что идеал не достижим, это утопичная, выдуманная категория ничего общего с жизнью не имеющая, и к тому же у каждого идеал свой.

Но что ещё хуже бесплодных попыток достичь идеала — это незнание и непринятие себя. Потому что на шатком фундаменте не то что дом мечты не построить, а даже менее претенциозное строение. В случае богов, без знания своих сильных и слабых сторон не сотворить стоящего мира.

Альфэй смотрела на воплощение своих «слабостей» и всё больше убеждалась, что от себя не убежать. В признании собственного несовершенства помимо боли, стыла и вины за

разоблачение, крылось ещё и облегчение от скинутой непомерной ноши.

Не получилось из нее идеальной богини, и что с того? Из неё и женщина, по мнению мамы, вышла так себе. Кто только не критиковал её. Так что теперь: подстраиваться под представления других? И кто вообще имеет право диктовать ей, какой быть? Альфэй злилась и пыталась всем и каждому доказать, что она решительная, сильная, умная и способная и не важно, какой там должна быть «идеальная» женщина и богиня. Как-то так получилось, что она в пылу споров и дискуссий отринула от себя даже тот факт, что является женщиной, лишь бы к ней меньше цеплялись с тем, какой там она должна стать. Она — человек и точка. Старалась, действовать и думать так, как по её мнению это делают мужчины. Воевала внутри самой себя и вовне. Билась и расшибалась о действительность. И, тем не менее, смотрела на себя взглядом других людей и богов и не принимала такой, какая есть.

А ведь в действительности деле всё куда проще.

Чтобы быть собой не нужно быть умной, сильной, лучшей и идеальной. А то, что кто-то засчитал в её недостатки, на самом деле может быть самым ценным достоинством, которое просто мешает остальным использовать её. Если убрать чужие и свои собственные ожидания, то Альфэй была даже не против остаться неудобной, прямолинейной, ошибающейся, упрямой, вредной, амбициозной, неуступчивой и неуживчивой. Ведь даже такую её любили родные, к ней тянулись, её выделяли и замечали, о ней стремились заботиться.

Той, кто избегал близких отношений, была она сама. Причина не в её характере и «недостатке женственности», как утверждала мама, а в том, что Альфэй не хотела узнавать других: будь то смертные, боги или сердечный демон, потому что боялась, что её обидят и причинят боль.

Она не заводила разговор о прошлом Ежана или о трудностях его стажировки. По большей части ей было плевать на него. Это он проявлял заботу и заинтересованность в её делах.

Альфэй отмахивалась от Сибилла, не желала к нему привязываться, пока считала смертным, а потом воевала, как и со всеми остальными, и... чуть не убила. Это Сибилл раз за разом делал шаг ей навстречу, прощал, пытался понять и договориться, преследовал из мира в мир.

Это родители до последнего вздоха ждали её во снах. А она была увлечена учёбой и жизнью богини. Альфэй понимала, что родители и брат её ни в чём не винили, это она сама не могла простить себе, что не попросилась с мамой и папой, когда это было ещё возможно, что мало говорила им о том, что на самом деле любит.

Это от Сяои исходила инициатива в их дружбе. Альфэй только принимала.

А всё из-за того что без полноценного принятия себя Альфэй не могла принять и других. Потому что страшно и больно увидеть чужое «несовершенство», и ещё хуже то, что другие увидят её собственное «несовершенство». Теперь она смогла это увидеть: собственный страх, слабость, неидеальность. Предстояла трудная задача принять себя и других, такими как есть, но Альфэй в себе не сомневалась — она упрямая и обязательно со всем справится.

— Спасибо, — на волне эйфории от озарения Альфэй дёрнула Сибилла за локоть и, привстав на цыпочки, чмокнула в щёку.

Они возвращались на этаж, где экзорцисты содержали эмоционально нестабильных людей. Хэ Цун и Хэ Бэй шли чуть впереди.

— Что я сделал? — шумно выдохнул Сибилл, дотронувшись до щеки, словно Альфэй не поцеловала его, а залепила пощёчину, и с подозрением осмотрел её с головы до ног и обратно.

— Ничего, — пожалала плечами Альфэй. — Просто я поняла, в чём моя ошибка.

— И теперь я исчезну? — напрягся он.

— Говорила же, это не так просто. Как тебе кажется.

— И ты ещё не уходишь?

— До вечера побуду тут, как и обещала.

Поздний обед прошёл на территории Альфэй. Сибилл сначала намекал мягко, потом не очень.

— Может, вы двое уже оставите нас наедине с Фэй? — наконец спросил он Хэ Цуна в лоб.

— Каков наглец! — восхитился Хэ Бэй.

— Не имею права. Нахождение подопечных в одном помещении без присмотра экзорциста-координатора нежелательно, а в случае возможного возникновения романтического интереса строго запрещено, — невозмутимо отбрил Хэ Цун.

— Наконец-то ты показал свои истинные чувства, сынок.

— Это инструкция, а не чувства. В зависимости от филлиды эмпат может быть опасен для себя и окружающих. Мы ещё не выяснили класс филлиды Сибилла.

— А какие классы есть? — заинтересовалась Альфэй.

— Агрессивный или пассивный.

— Эта система требует усовершенствования, — пренебрежительно фыркнул Сибилл. — Филлиды всегда усиливают какое-то конкретное чувство. Предположительно эмпатами становятся только те, с кем филлида вошла в резонанс. Из примеров положительного симбиоза человека и филлиды, которые я встречал в Сети: женщина, которая мечтала о любви, и её филлида усиливающая либидо, мужчина промышлявший подпольными боями и его филлида увеличивающая агрессию.

— Теория сродства эмпата и его филлиды осталась не доказанной из-за невозможности точно определить первоначальный характер той или иной филлиды.

— Даже компьютер способен по выражению лица распознать эмоции. А в первый момент после подселения внушаемые филлидой чувства особенно сильны. То, что люди не верят в чувства, не значит, что их нельзя увидеть или доказать. Просто никому это не нужно.

— Другими словами человек и филлида могут жить в гармонии только если они «созвучны» в доминирующих чувствах? — заинтересовалась Альфэй.

— Если у человека низкая сопротивляемость одержимости, филлида в любом случае его убьёт, — возразил Хэ Цун.

— Но ведь правительство работает над созданием армии эмпатов. Я читала об этом. Проблема у них в добровольцах для опытов из-за слишком высокой смертности. Сейчас для этого используют приговорённых к смертной казни. А что если научиться определять первоначальный «заряд филлиды» и более точно подбирать добровольцев по совместимости?

— Это научная фантастика. Все исследования по данному направлению пока что не дали никакого результата, — Хэ Цун перевёл безразличный взгляд на окно, за которым уже стемнело.

— И всё же, мне кажется, что мирное сосуществование филлид и людей возможно. От

них никуда не деться, и по-настоящему опасны они только для людей с низкой сопротивляемостью. Остальные способны стать эмпатами: усилить и себя, и оборону страны, раз уж военные в них так верят.

— Вся сила эмпатов заключена в бесперебойной работе гормонов и привычке справляться с сильными эмоциями, — хмыкнул Сибилл.

Так они продискутировали до ужина, после которого Хэ Цун всё же выгнал Сибилла из апартаментов Альфэй.

— До встречи? — перед тем как уйти, Сибилл нерешительно застыл напротив неё.

— У тебя появились сомнения на этот счёт?

— Значит мир? — Альфэй легко прочитала облегчение на его лице. — А как насчёт варианта с любовниками?

— Ты знаешь, куда можешь засунуть этот вариант.

— Тебе?

— Себе!

Альфэй осталась одна, в ярости сжимая и разжимая кулаки. Внешняя дверь отрезала бархатистый смех Сибилла и ворчание Хэ Бэя, о том, что Хэ Цун должен брать пример охмурения противоположного пола с «пацана».

И всё же Сибилл был и оставался маленьким, избалованным, пусть сердечным демоном, но засранцем!

Часть 5

Глава 6. Воодушевленная богиня

Альфэй перешла на Небеса из ванной, где по идее не должно быть камер. Но на всякий случай она не пожалела энергии, чтобы вывести из строя все электронные приборы, а также позаботилась о том, чтобы сгладить у смертных воспоминания о себе, и те не слишком старательно её искали.

В момент перехода Альфэй отследила дальнейшую судьбу Хэ Бэя и Хэ Цуна. Младший Хэ тоже стал эмпатом, и оба родственника перешли на службу к военным, как раз туда, где проводили эксперименты по усилению людей филлидами.

Способ определять «заряд филлид» всё же нашли, и дальнейшие эксперименты проводили уже только на добровольцах. По сути, общество разделилось на эмпатов и людей без эмоций с прослойкой экзорцистов между ними, выявляющих эмпатов и координирующих их жизнь в социуме.

Судьбу Сибилла вновь не удалось отследить, но теперь это совершенно не беспокоило. Сердечному демону налопавшемуся божественной энергии под завязку никакие смертные не страшны. А в том, что её миру сам демон не угрожает, Альфэй не забыла убедиться.

Её переполняла жажда действия, казалось, что она горы способна сворачивать и реки обращать вспять. Поэтому первым Альфэй посетила наставника Ли в Золотом павильоне.

— Вот с самого начала бы так, — с явным облегчением выдохнул наставник, просмотрев её воспоминания. — Эх, эта юношеская поспешность и максимализм. Дожил, сердечные демоны пошли мудрее своих богов.

— У кого-то ещё из соучеников демон, как у меня? — заинтересовалась этими стенаниями Альфэй.

— И не у одного. Однако другие ученики, по крайней мере, не пытаются убить своих сердечных демонов, — строго глянул на неё наставник, и у Альфэй хватило совести потупить взгляд. — Повезло, что твой оказался таким миролюбивым. Осталось наладить

сотрудничество с ним, потому что сердечный демон — это надолго, особенно в случае нежелания бога разбираться с первопричиной его возникновения.

— Но я хочу разобраться!..

— Ты хочешь победить. Чтобы договориться, одного желания мало, тем более такого... не искреннего. Нужны ещё соответствующие действия и, что немаловажно, эффект от них. Принять собственные сильные и слабые стороны, ничего не утаивать от себя — важнейшая задача, чтобы создать жизнеспособный мир. Не что попало и как придётся, а то, что нужно.

— Я поняла, наставник.

— Теперь, стажёр А, расскажи мне о главной совершённой ошибке в своём последнем мире.

— Отрицание эмоций. Сначала я разделила их на: хорошие и плохие, уместные и нет, которые мне нравятся и не очень. А после того, как попыталась убить сердечного демона, испугалась самой себя и неуправляемой силы своих эмоций, — покаялась Альфэй.

— Страх плохой советчик. Опасайся любых решений принятых из страха. Впоследствии ты о них обязательно пожалеешь.

— Из-за страха я отказалась от ненадёжных, толкающих на опрометчивые поступки, чувств.

— От чувств бесполезно прятаться и отказываться. Этим только усугубишь главную проблему, которую бегством не решить. Воин, поддавшийся самообману и жалости к самому себе, — плохой воин. Посмотри на себя без прикрас, ясным взором. Что есть — то есть, чего нет — того нет. Без жалости и самоистязания. Инь сильна гибкостью и глубиной, как вода, текучая, изменчивая, неиссякаемая. Там, где Ян сожжёт грязь, завалы и заторы, Инь грозит застревание и загнивание. Доверься своей доминирующей энергии, не препятствуй её ровному течению в теле. Убери страх, доверься своим желаниям и отклику. Внутренняя божественная суть всегда подскажет верное решение. Нужно только уметь слушать себя.

Всё это наставник говорил и раньше, но Альфэй словно не слышала. Впрочем, он же ворчал, что, сколько бы ни повторял одно и то же, а пока ученики не набьют собственных шишек, всё учение без толку.

Из Золотого павильона Альфэй выпорхнула в приподнятом настроении.

Наконец, её старания принесли должные плоды. Сожалеть об упущенном времени, возможностях, мирах она не собиралась. С неё хватит глупостей, теперь-то она точно сотворит самый лучший мир, на который только способна!

— Прости! — вырвалось у Альфэй, когда она на полном ходу снесла стажёра Жо, который не очень красиво растянулся на земле.

— Поаккуратнее надо быть, — буркнул тот и, поднявшись, куда-то заторопился.

Стажёр Жо, как и Сяои частенько крутился рядом с Ежаном. Но в отличие от стажёра В метившего на место Бога войны, Стажёр Жо был более скромн и, на вкус Альфэй, слишком услужлив.

Буквально через пару шагов перед Альфэй появился божественный посланник Ежана — призрачный кот, и ей стало не до мыслей о слабом боге.

«И вновь ты предпочла наставника Ли мне, — укорил её мягкий голос Ежана. — Позволь хотя бы посмотреть на тебя. Приходи в павильон Сяои».

Забота и беспокойство о ней Ежана и Сяои теплом отозвались в груди.

В павильоне Сяои яблоку негде было упасть от количества собравшихся там богинь. В этом цветнике сияющий улыбкой Ежан оказался единственным мужчиной, что неприятно

поразило. Однако стоило его взгляду упасть на Альфэй, и Ежан, раскланявшись, поспешил к ней.

— Я соскучился, — прошептал он, целуя в щёку, чем удивил ещё сильнее.

Альфэй заметила обращённые на них двоих светящиеся любопытством взгляды богинь, большая часть которых, после столь явной демонстрации чувств, потемнела от злобы.

— Пришёл к Сяои спросить, не видела ли она тебя, а тут... — начал словно бы оправдываться Ежан.

— Только тебя и ждём, Сяоа, — капризно притопнула ножкой Сяои, перебивая Ежана.

— Да... Я пожалуй пойду, чтобы не мешать вам.

— Стажёр Е, ты нам не помешаешь! Оставайся, — хором, будто репетировали, возразили сразу несколько тонких, писклявых голосков.

— Нет-нет, что вы? Компания стольких прекрасных богинь — слишком смущает. Тем более, друзья возненавидят меня, если узнают что я тут был.

— Ах, он такой милашка. Просто лапочка. Скромняшка, — полетел в спину, быстро ретировавшемуся Ежану, мелкий бисер комплиментов.

— Мы тут немножко празднуем, — подхватила её под локоть Сяои. — Чисто женской компанией поэтому стажёр Е не может быть с нами. Кто-то только сотворил свой первый мир, кто-то подходи к финалу. Кстати, сколько миров осталось сотворить тебе, Сяоа?

— Последний, — улыбнулась Альфэй привычному щебету подруги.

После её заявления наступила вязкая тишина.

— Лихо. Она не только стажёра Е в постель успела затащить, так ещё и со стажировкой быстрее всех справляется, — грубый комментарий высказала незнакомая богиня, явно из старших.

— Талантливая богиня, талантлива во всём, — победно улыбнулась той Альфэй.

— Хэй, мы не ссорится тут собрались, — слегка шлёпнула её по руке Сяои. — Давайте отпразднуем свои сотворённые миры сколько бы их ни было!

Сяои железной рукой пресекала непристойные расспросы и шпильки других богинь. Когда ситуация более-менее стабилизировалась она оставила Альфэй в компании одной из старших богинь, видимо чтобы другие не смели на неё нападать.

Старшая богиня, которую ей представили как богиню До, молчала потягивая вино. Её изящные брови были страдальчески сведены, а во взгляде плескалась такая чёрная, вселенская печаль, что окружающие обходили по широкой дуге, столь явно не настроенную на компанию особу.

Ощущения от праздника были двоякими. С одной стороны Альфэй чувствовала собственное превосходство как в профессиональной сфере, так и на личном фронте. С другой её немного расстраивало то, что она опять оказалась отделена, и словно бы противопоставила себя женскому обществу. Она не понимала, как она должна была себя повести, чтобы точно так же, как и Сяои, сойти тут за «свою».

— Не переживай, — вдруг заговорила, с ней старшая богиня До. — Женское общество, как клубок змей. Тебе не нужно становится частью этого клубка.

Голос её оказался неожиданно низким и глубоким, обволакивающий и завораживающий.

— Разве? Но все говорят другое, — растерялась Альфэй.

— Подруги это действительно другое. А открываться и заслуживать любовь всех подряд не стоит. Ты слишком сильная и острая. Тебя скрутят и отравят своим ядом эти змеи. Просто

живи, как чувствуешь, как умеешь. Твои люди придут в ту жизнь, которая откроется на этом пути. Если изменишь себе, то этот путь закроется.

— Думаю, я понимаю, о чём вы.

— Правильно не понимать, а чувствовать. Мыслить и понимать прерогатива богов. Богини провидят и предчувствуют. Богини не меняют реальность, а притягивают нужный исход своим намерением. Богиня материализует, бог разрушает и строит заново. Ты сбилась с пути предначертанного тебе по праву рождения, дитя.

Альфэй сама не поняла, отчего на глаза навернулись слёзы. Ведь богиня До ничего особенного не сказала, чтобы вызвать такую резкую реакцию.

— Как?.. Что со мной? — всхлипнула Альфэй.

— Слёзы — это хорошо. Это душа в тебе откликается. Так она очищается, освобождаясь от былых страхов, боли, обид, гнева. Что-то в тебе не отгорёвано. Чувствуй. В этом сила богини.

— О, мамаша До опять за своё. Довела до слёз очередную бедняжку. И чего этой пьянчужке в своём павильоне не сидится? — донесся до Альфэй нелестный комментарий, и она недовольно поджала губы.

— Не обращай внимания на чужую суету. Смотри вглубь себя. Чувствуй. Для тебя был ценен этот разговор? — отвлекла её от хамского замечания богиня До, налившая себе ещё чашу вина.

Альфэй, как было велено, вдохнула и медленно выдохнула, отслеживая своё физическое, эмоциональное и ментальное состояние.

— Да, — просто ответила она, ощутив необыкновенное умиротворение и гармонию с собой и миром.

— Можешь приходить ко мне. Я не откажу в совете и помогу, — богиня До впервые за время разговора подняла от чаши и кувшина с вином пугающий, наполненный до краёв болью, бездонно тёмный взгляд.

— Хорошо, — от удивленного, чуть сбилась Альфэй.

До своего павильона Альфэй добралась только вечером. А когда услышала стук и увидела на пороге Ежана, с оторопью осознала, что совершенно о нём забыла.

— Прости, я не вовремя? — нерешительно спросил Ежан. — Ты не звала, но Сяои сказала, что тебя расстроили, и ты уже ушла. И я подумал... Мне уйти?..

— Нет-нет, проходи, — отмерла Альфэй.

Она впервые видела, чтобы Ежан за кем-то бегал и так откровенно навязывался. Альфэй вновь запуталась в своих чувствах. С одной стороны было лестно, что о ней беспокоятся и заботятся. Тем более такой популярный бог, как Ежан. С другой Альфэй вдруг поняла, что столь плотная «осада» начинает её раздражать. Она только вернулась из своего последнего мира, где постоянно находилась под видеонаблюдением и контролем экзорциста-координатора. А когда оказалась на Небесах поспешила к наставнику и потом буквально с порога Золотого павильона угодила на спонтанную вечеринку богинь.

— Я ещё не успела отдохнуть после своего пятого мира, — деликатно намекнула Альфэй.

— Пятого? — застыл посреди гостиной Ежан. — А как у тебя с сердечным демоном?

— Договорилась о сотрудничестве.

— Откуда вообще ты берёшь энергию на сотворение?

— Коплю. А как ещё?

— Взять из накопителя, например? Предполагается, что свою божественную энергию мы тратим на сотворение, а обратно перемещаемся с помощью артефакта-накопителя. После чего отдыхаем и медитируем для восстановления. Это целесообразнее делать на Небесах — восстановление проходит быстрее.

— И что, ты каждый раз используешь артефакт, чтобы покинуть свой мир? А потом перезаряжаешь его?

— Конечно. Даже Сяои пользовалась своим, чтобы вы смогли посетить её мир.

— Она тебе и об этом рассказала? — напряглась Альфэй.

— К слову пришлось, — замялся Ежан, и Альфэй отчётливо услышала фальшь, хотя раньше он себе такого не позволял. Альфэй вообще не помнила случая, чтобы Ежан врал.

— О чём ещё она тебе доложила? С кем я была? И чем мы там занимались?

— Давай не будем об этом.

— То есть «да». И во всех подробностях. Так ты попросил её «подружиться», чтобы Сяои шпионила за мной?

— Я беспокоился. Не знал что делать. Сердечный демон мог убить тебя! Сяои женщина и лучше понимает, как тебе можно помочь. Я советовался с ней. Не к наставнику же мне было с этим обращаться? Тем более он уже разговаривал с тобой, а проблему это не решило, — повысил на неё голос Ежан тоже впервые. — Прости. Не понимаю, что на меня нашло. Обычно я не веду себя так... — он растёр лицо ладонями, словно стирая лишние эмоции.

— Ладно, спишем всё на излишнее беспокойство, — согласилась Альфэй. — Хотя такая плотная опека ни к чему.

— Был не прав. Позволишь мне сегодня остаться?

— Я действительно устала.

— А завтра ты опять ускочишь сотворять следующий мир, и до конца стажировки я тебя больше не увижу, — мягко напомнил Ежан, обняв её. — Поужинаем вместе и просто ляжем спать?

— Как старички? — не сдержала она смешок и позволила Ежану себя поцеловать.

— Как очень целомудренная пара.

— Ты сам-то себе веришь?

Они поужинали и легли в постель, но не спать. Медленные, даже ленивые, и нежные поцелуи и ласки Альфэй тоже понравилось. Она чувствовала, будто её диапазон ощущений стал шире. Зато утром её ждало такое страстное пробуждение, что она совершенно забыла, за что накануне сердилась на Ежана.

— Безжалостно будешь всех побеждать? — у порога спросил Ежан и снова, словно никак не мог остановиться, легко коснулся её губ на прощание.

— Конечно. Даже не думай так просто обойти меня!

— Уже и не надеюсь, — печально усмехнулся Ежан. — Знаешь, раньше я завидовал тебе, а теперь восхищаюсь.

— Ты уже говорил это.

— Нет, я говорил про твою выдержку. А сейчас о тебе в целом.

Что-то в словах Ежана царапнуло восприятие, но Альфэй не стала долго раздумывать над этим. Она закрыла павильон и взяла чётки с пятью светящимися бусинами и последней, которую ей ещё только предстояло наполнить своей божественной энергией.

Часть 6

Глава 1. Счастливая богиня

Альфэй застыла на краю облачного острова, находившегося в собственном подпространстве и невидимого смертным сотворённого ею мира. Новый мир раскинулся под ногами огромный, завораживающий, заселённый множеством рас. Внизу сияли ослепительным светом её храмы. Потоки маны лились со всех концов мира, вместе с мольбами и просьбами:

«Богиня Альфэй, накажи этого обманщика!»

«Верховная богиня, даруй мне мудрости вести за собой свой народ!»

«Богиня-воительница, защити моих сыновей!»

Резерв наполнился молниеносно. Одежды Альфэй, откликаясь на каждый призыв, видоизменились сначала в богатое, красное, тяжёлое от золотой вышивки и драгоценных камней ханьфу, а затем поверх него словно соткался из солнечного света сверкающий доспех.

За спиной Альфэй постепенно рос её дворец выкрашенный красным и украшенный золотыми дисками солнца.

Каждая услышанная мольба ярким, жарким огоньком зажжённой свечи и серебристым, горьковатым дымом благовоний возносилась к чертогам Альфэй, окрашивая облачный остров в багровые и золотые цвета. Пухлое, как перина, основание её чертогов, похожих на кучевое облако, всё ширилось и росло.

Любое искреннее желание её верующих встраивалось в судьбу мира и либо удовлетворялось, либо каралось в соответствии с Небесным законом, по которому этому миру суждено было жить до самого своего конца. Альфэй впервые довелось на практике, а не со слов наставников, увидеть Небесный закон в работе. До этой попытки, другие её миры оказались не слишком совершенными, чтобы законы мира сформировали единое плетение Небесного закона — канона, кармы или судьбы мира, как его ещё объясняли.

В работу Небесного закона даже богу-творцу не так-то просто вмешаться, хотя лазейки оставались всегда, а у других богов возможности и того меньше. Всё же чужой мир — чужие правила.

Большая часть смертных этого мира относилась к расе людей, расселившихся во всех его уголках. Чуть менее многочисленными были зверолюди и змеелюди. Первые преимущественно обитали на севере, вторые — на юге. К малочисленным причисляли птицелюдей, напоминавших Альфэй западных ангелов, и людорогов, похожих на рогатых демонов. Птицелюди предпочитали селиться повыше, а людороги зародились в пустыне и не торопились её покидать.

Расы отлично между собой скрещивались, поэтому полукровок с экзотической внешностью и способностями было не счесть.

Альфэй разочаровано фыркнула. Всё же на драконов, эльфов и вампиров её воображения не хватило. Поговаривали, что на Небесах среди старших богов представители этих рас есть, но она сама их ни разу не видела. Зато насмотрелась на человеческую ипостась духовных зверей с крыльями, хвостами и ушами. И вот как это аукнулось. Ведь опыт — самый верный фундамент для сотворения миров.

Попрощавшись с надеждой хотя бы в собственном мире увидеть дракона, Альфэй успокоила себя тем, что главным показателем успешной божественной стажировки было не умение представить что-то за гранью фантазии, а обретение навыка создавать смертных способных осознать и поклоняться богам. Вот она — вершина мастерства бога-творца.

От переполнявшего Альфэй счастья сердце, казалось, бухало в ушах, а от широкой улыбки свело мышцы. У неё всё получилось! Она смогла. И пусть только в тренировочном мире, но стала Верховной богиней.

Неизвестно сколько времени она так простояла, наблюдая за своим миром и наслаждаясь триумфом. Внутри бурлила сила, опьяняя ощущением пузырящегося всемогущества.

— Приветствую Солнцеликую. Чего желает Верховная богиня? Возможно, отведают подношения своих верующих? Лучшее вино с южных виноградников? — вернул её в действительность сильный мужской голос.

Альфэй развернулась. На миг сердце пропустило удар, потому что макушка склонённой головы показалась до боли знакомой. А потом мужчина выпрямился во весь свой впечатляющий рост, и наваждение схлынуло, оставив после себя непонятную пустоту.

Перед ней стоял классический блондинистый голубоглазый ангел с белыми крыльями. Мужчина из расы птицелюдей был одет в синие полупрозрачные восточного кроя штаны и запашную рубаху до середины бедра, самую интересную часть тела скрывали многослойные складки верхней части штанов. За ним до самого дворца выстроились другие представители рас в не менее откровенных нарядах: крылатые людороги, зверолюди и змеелюди, другие птицелюди. Не хватало только людей, но Альфэй сообразила, что на облачном острове бескрылым попросту опасно находиться. В подтверждении этого ни одного мужчины без крыльев, она не увидела.

— Кто вы и что здесь делаете? — требовательно спросила она.

— Ваш гарем, Верховная богиня, — с поклоном ответил всё тот же птичечеловек. — Мы здесь для вашего услаждения. Желаете осмотреть?

Альфэй прошла во дворец под неспешную речь птичечеловека, который назвался Азуром. Когда-то он служил верховным жрецом в одном из королевств. У птицелюдей эта должность оказалась очень почётной и доставалась самым сильным и достойным, вплоть до того, что король мог отказаться от трона ради служения Верховной богине, что собственно и сделал сам Азур.

В какой-то момент своего служения он ощутил непреодолимую тягу — зов Верховной богини и, передав обязанности верховного жреца в своём королевстве, полетел на зов к самому солнцу. Так он оказался в её чертогах.

Других мужчин из её гарема постигла та же участь: они оказались жрецами разных рангов и королевств, но менее впечатляющего происхождения, которые, ощутив зов, отправились служить Верховной богине. Что особенно понравилось Альфэй — это идеальная дисциплина. Азур, видимо, не зря в прошлом был королём и верховным жрецом королевства, успел доказать и закрепить свой авторитет. Когда он говорил, гарем внимал и повиновался. Альфэй понадеялась, что под его железным контролем склок в гареме можно не опасаться.

Мужчины сопроводили Альфэй на возвышавшийся позолоченный трон со спинкой в виде солнечного диска за накрытый стол. Чуть позади за её левым плечом расположился Азур, подливая вино.

Грянула музыка. Перед Альфэй выпорхнули птицелюди плавно скользя по воздуху и словно «замирая» в стойках, как в фильмах про заклинателей: красиво и величественно. Следом стройными шеренгами высыпали людороги, чётко, технично и выверено синхронно играя с прозрачными одеждами и платками, не переходя в пошлость. После них танцы

крылатых звероловцев больше напоминали агрессивный бой без правил с разрыванием одежды. Напоследок под томную музыку завершенно изящно выползли и заизвивались змеелюди.

В целом это действие очень напоминало то, что Альфэй уже видела в борделе мира Сяои. И если бы не воспоминание о том, насколько пресен секс со смертными, Альфэй соблазнилась бы игрой мускулов под золотистой или полупрозрачно-белой, или угольно-чёрной кожей, а то и вовсе покрытой шерстью. Но разочаровываться не хотелось. Всё и так было отлично.

— Солнцеликой никто не понравился? Возможно, этот недостойный сможет угодить её вкусу? — когда она досмотрела представление, проникновенно заглянул ей в глаза Азур.

— Вы все в моём вкусе. Почему ты решил, что вы должны делать что-то большее, чем быть услугой моих глаз?

— Этот недостойный заслужил наказание за свои грязные помыслы, — бухнулся лбом в пол Азур, запылая ушами, а его крылья забавно встопорчились за спиной.

— Можешь мыслить о чём и сколько угодно грязно, я не возражаю. Вам также не возбраняется удовлетворять свои желания. Я не требую целомудрия. Только не тащите в мой дворец женщин, у меня всё же вполне традиционные предпочтения.

— Этот недостойный услышал, — шепнул в пол Азур, прежде чем поднять на неё взгляд, пылающий фанатичным огнём.

Показалось, что Азур как-то неправильно её понял, но объясняться Альфэй не собиралась. Ещё не хватало став Верховной богиней отчитываться за каждое своё слово и действие! И перед кем? Каким-то смертным, да ещё из собственного гарема.

Хоть Азур и назвался её верховным жрецом, но для себя Альфэй обозначила его главным по гарему. Он цепко и въедливо взялся за свои обязанности: распланировал досуг, чтобы вокруг Альфэй всегда крутились мужчины в полупрозрачных одеждах, полураздетые, а то и совсем обнажённые, как например в купальне. Ломал голову над тем, как показать вверенное ему подразделение мужчин в наилучшем свете и по-всякому извращался в этой плоскости. Устроил смотр на тренировочном поле, на котором махали вполне себе боевым оружием и швырялись разноцветными заклятиями. Даже что-то вроде показа мод отчудил, чтобы Альфэй смогла выбрать фасон одежды и степень их открытости и прозрачности.

Постепенно среди общей массы Альфэй выделила любимчиков. Первым стал мощный крылатый людорог с чёрным оперением в цвет кожи и с золотыми глазами и рогами по имени Саддат. В купальне облачённый в одни хрустальные капли воды мужчина производил неизгладимое впечатление. А на тренировочном поле подавлял противников своей всепокрушающей дикой мощью.

Крылья достались Саддату от матери птичеловека. Как оказалось, тёмные оттенки кожи представителей расы людорогов говорили о чистокровности. Его отец-людорог происходил из семьи, весьма щепетильно относившейся к своей родословной Увы, чванливая семейка не одобрила его выбор спутницы жизни. Поэтому мать-одиночка вынуждена была отдать Саддата на воспитание в храм.

Другой любимчик Альфэй изумительной красоты кожистокрылый брюнет змееловек с изумрудной расцветкой чешуи и раскосых глаз — Шисяйсан выделялся на общем фоне изяществом и деликатностью. С заманчивыми колечками пирсинга в сосках и цепочками на запястьях, шее, поясе и даже в причёске. Гибкий, сильный, стремительный и смертоносный. Впрочем, большую часть времени он просто красиво лежал в своём полупрозрачном

ханьфу, устроившись на собственных кольцах, диване, бортике бассейна или скамье в беседке, и следил за ней из-под опахал густых чёрных ресниц.

История Шисяйсана походила на историю Саддата. Только чистокровной ханжой оказалась его мать — змеечеловек, которая родила и отказалась от сына. В раннем возрасте Шисяйсан познал лишения, холод и голод, пока однажды его не нашёл на улице и не позаботился о будущем в храме отец-птицечеловек.

Выяснилось, что среди рас нет равенства, хотя королевств полностью состоящих из монорас не существует. Люди в той или иной мере живут повсеместно, как и прочие расы. Вот только птицелюдей и людорогов признают высшими расами из-за того, что каждый представитель этих рас в той или иной степени владеет магией. У людей уже только около половины могли похвастаться наличием магического дара. А змеелюди и зверолюди почти совсем не владеют магией, а те единицы, кто всё же владеет, зачастую или полукровки более магически одарённых рас или «благословлены богиней». Из-за этого змеелюдей и зверолюдей считают низшими расами, а то и вовсе отзываются, как о разумных животных.

— Разве Верховная богиня ничего не может сделать с притеснением змеелюдей и зверолюдей со стороны других рас? — спросил Шисяйсан, который в отсутствии Азура поведал Альфэй о царившем между расами несогласии.

— Могу, — честно призналась Альфэй. — Но моё вмешательство только усугубит неравенство. Смертные должны принять на себя ответственность за собственные решения, дела и жизни.

— Поэтому птицелюди так угодны солнцеликой? Они-то ответственные и свободные, — Шисяйсан не смог скрыть горечь.

— Скорее потому что у них есть крылья, и они могут избавить меня от одиночества, — пошутила Альфэй.

В чём-то она была согласна с Шиняйсаном. Азур и его сородичи казались ей более уравновешенными и надёжными. С подсказки Шисяйсана она, наконец, смогла разглядеть неуверенность змеелюдей и зверолюдей, которых даже в её чертогах оттеснили другие расы. Но лезть во внутренние разборки, чтобы защитить мужчин Альфэй посчитала лишним.

На фоне гарема она сама себе казалась коротышкой. Все крылатые смертные этого мира, так или иначе, были или птицелюдьми, или полукровками этой расы, поэтому мужчины её гарема отличались высоким ростом, мощным и мускулистым телосложением. Даже учитывая то, что крылья передавались лишь вместе с магическим даром, пользоваться ими могли только физически одарённые смертные с богатым опытом полётов.

Учитывая это, вступаться хоть за одного из её «ручных бугаев», казалось, смешным. Тем более, что мужчины умели подчиняться и хорошо работали в структурах построенных на иерархии. Руководствуясь этими рассуждениями, Альфэй и думать забыла о недовольстве отдельно взятых представителей гарема.

Поток маны от смертных изначально стабильный постепенно пошёл на убыль. Сначала Альфэй этого даже не заметила. Потом ей показалось, что часть её храмов потускнела, и их в мире как будто стало меньше.

Альфэй окончательно осознала, что что-то не так, когда из её чертогов пропал Шисяйсан. Она не сразу придала этому значение, потому что сама же разрешила мужчинам покидать небесный остров, чтобы удовлетворять свои сексуальные потребности, и никак эти отлучки не контролировала.

— Азур, ты знаешь, где Шисяйсан? Я давно его не видела, — спросила Альфэй, когда не

смогла отыскать своего жреца у смертных.

— Простите, Верховная богиня! Этот недостойный виноват, — бухнулся ей в ноги Азур. — Шисяйсан отказался быть жрецом и улетел. Я не смог его остановить.

— Он объяснил причину своего ухода?

— Этот неблагодарный... Шисяйсан... Он сказал, что Верховная богиня отказалась мирить расы между собой, поэтому ему больше нечего здесь делать. Он хвастался, что нашёл другой способ исполнить своё желание.

— И что это за способ?

— Шисяйсан не уточнил, но...

— Говори.

— Почти все змеелюди покинули небесный остров.

— Кажется, я видела сегодня Мурася и Сииросюна, — напрягла память Альфэй, вспомнив двоих змеелюдей, которые были слегка «не от мира сего» и, казалось, что им ничего в жизни не нужно, кроме того чтобы греться на солнышке, лениво жмуря красивые глаза.

— Только они и остались, — съёжился на полу, распушив крылья, Азур.

— Это не твоя вина. Поднимись.

Как и в самый первый день создания этого мира Альфэй пришла к краю облачного острова. Она внимательно всмотрелась в свет своих поредевших храмов на земле, возносимые к ней огоньки свечей и дым благовоний. Вслушалась в мольбы и просьбы верующих смертных, среди них действительно почти не осталось голосов змеелюдей.

Часть 6

Глава 2. Брошенная богиня

Изучая странную тенденцию потери змеелюдьми веры в неё, Альфэй простояла на краю облачного острова, кажется, целую вечность.

«Фэй... Фэй... Фэй...» — донеслось глухое и еле слышное эхо, словно завывание ветра в пещере. Если бы она не прислушивалась, то и не вычленила этот странный звук на грани слышимости.

«Альфэй?» — раздался неуверенный бархатистый шёпот прямо в ухо, от которого по спине побежали мурашки, а сердце забилося чаще.

«Сибилл? — позвала она в ответ. — Ты где?»

«Наконец-то! Я тебя звал-звал... А ты имя сменила. Я под землёй».

«Что ты там делаешь?»

«Э... Стоп. Живу?» — неуверенно ответил он.

«Сейчас буду».

«Подождите. Погоди... Нет!»

Недослушав, Альфэй переместилась в тёмную пещеру, освещённую очень скудно. Она сразу же нашла Сибилла. Казалось, что свет шёл именно от него, а точнее от его кожи и вновь отросших до поясицы волос.

Сибилл стоял в окружении полуголых фигурист женщин разных рас со спущенными штанами и разведёнными полами многослойного ханьфу.

Альфэй почувствовала, что от переполнявшей её ярости температура повысилась сразу на десятки градусов. В пещере же стало значительно ярче и запахло палёным. Раздался грохот и под ногами Альфэй вздыбились неровные разломы.

— Это не то, что ты подумала! — жалобно застонал Сибилл, а его мужское достоинство

начало наливать силой, под восторженный женский писк.

— Действительно большой! И светится! — донеслись совсем уж бесстыдные комментарии.

— Все вон! Оставьте нас, — рыкнул на них Сибилл, наконец, отвоёвывая свои штаны из цепких пальчиков, и натянул их на себя.

Взбудораженных женщин словно ветром сдуло, а вернее телепортировало, выбросив из пещеры принадлежавшей богу. Альфэй выдохнула чуть свободнее.

— Эти женщины только что появились. Я их вообще не знаю. Набросились... Всё из-за того, что меня тут считают богом плодородия и приписывают огромный размер... э... — торопливо начал объяснять Сибилл.

— Того самого органа, который отвечает за плодородие, — подсказала Альфэй. Она чувствовала, что Сибилл говорит ей правду и это успокоило её окончательно.

— Ага, — с облегчением выдохнул он.

— Значит, это был твой гарем? — догадалась Альфэй.

— Э... Ну я говорил им, что мне не нужен гарем, но они не хотели уходить и вот...

Альфэй сосредоточилась, пытаясь увидеть храмы Сибилла, но это у неё отчего-то не вышло.

— Перестань блокировать моё ясновидение, — попросила она у Сибилла.

— Ничего я не блокирую... вроде бы...

Как только он задумался об этом, Альфэй смогла увидеть. Храмов было не так уж много, зато самодельные статуэтки, как правило в форме того самого органа, который женщины обнажили у Сибилла, оказались очень распространены.

Пазл потери в неё веры змеелюдьми начал складываться.

Альфэй сама вписала Сибилла в этот мир при сотворении — решила, что это будет самым убедительным жестом добрых намерений для их будущего сотрудничества. Кто же знал, что тут он станет богом, как и она? Хотя, наверное, логично, что сердечный демон бога в тренировочном мире сам стал кем-то вроде божества.

Длинные светлые волосы Сибилла спадали на чёрное ханьфу и, казалось, вплетались в геометрический узор вышитый серебряной нитью. Сибилл словно стал её отражением — луной этого мира. Хотя канонично луне приписывали покровительство женским энергиям, но... Альфэй давно смирилась, что у них с Сибиллом в распределении Инь и Ян была полная чехарда. Не стоило удивляться тому, что в своём мире она стала олицетворением солнца и богиней войны, а Сибилл — луной и богом плодородия.

Впрочем, как раз Альфэй в распределении между ними ролей всё устраивало. А спрашивать мнения Сибилла она не собиралась. Потерпит. И так отхапал себе часть её верующих. И, кстати, неплохо было бы выяснить, как ему это удалось.

— Почему тебя тут зовут Альфэй? Прямо как Верховную богиню... Хотя это и натолкнуло меня на мысль позвать этим именем. Или всё же?.. — отвлёк её от размышлений Сибилл.

— Потому что это я и есть. Альфэй — моё божественное имя.

— А как же Фэй? — бархатистые нотки в его голосе чуть дрогнули, обнажив уязвимость.

— Это моё смертное имя, которое дали родители при рождении. Божественным именем слабые вознёсшиеся боги не светят. Это рождённые боги могут себе такое позволить. Потому что, зная имя, можно проклясть бога или даже уничтожить его.

— Я-асно... Подожди. Если ты Верховная богиня Альфэй, то у тебя где-то там, в облаках есть гарем! Зачем тебе гарем?!

— А зачем ещё он нужен? Чтобы танцевать, петь песни, кормить, купать, одевать, услаждать взор. Делать уборку во дворце, наконец, — закатила глаза к своду пещеры Альфэй и только тут заметила, что сверху пещеру освещают свисающие, сияющие, как звёзды на ночном небе, кристаллы.

— Всё это могу для тебя делать и я.

— Нет уж, даже думать забудь о моих чертогах. Не пуцу! Мне нужно от тебя отдохнуть хоть иногда. И вообще, откуда ты узнал о моём гареме?

— Шисяйсан рассказал.

— Ах, Шисяйсан... Так вот где он от меня прячется. Как он у тебя оказался?

— Попросил благополучия и плодородия для своей расы. Ну, я и посоветовал, чтобы выбирали лучшие плоды и оставляли их на семена, а худшие употребляли в пищу. Селекция же. И так же с магическим даром. Нужно обеспечить условия тем, у кого есть магический дар, чтобы они плодили как можно больше потомства. Разрешить им создавать гаремы, например.

Альфэй немедленно перепроверила слова Сибиллы и правда увидела богатые урожаи змеелюдей и гаремы у магически одарённых представителей этой расы. В этом мире совет Сибиллы стал «словом божьим», так что змеелюди, последовавшие ему, действительно процветали.

— Паршивец, — буркнула Альфэй, ощутив угрозу вере в неё.

— Я что-то сделал не так? — обеспокоился Сибилл. — Вроде бы Шисяйсан и змеелюди не жаловались. Отстроили мне храм и урожаями делятся. Очень вкусно, кстати. Хочешь попробовать? Фрукты невероятно сладкие и рис благородно, нефритово-прозрачный. Да! Я же, как раз к обеду, курицу в листьях лотоса приготовил. Ты же любишь мясо.

Пока говорил, Сибилл успел накрыть на плоский выступ скалы, которым воспользовался вместо стола. Рядом обнаружили два выступа помельче, как раз чтобы присесть, как на стулья.

— Ты воруеть моих верующих, — немного утолив голод, потому что готовил Сибилл действительно отменно, Альфэй ткнула в него куриной ножкой. — Прекрати подрывать мой авторитет у смертных.

— Давай, я скажу им, чтобы молились тебе, а не мне? — пожал плечами Сибилл, наблюдая, как Альфэй уплетает за обе щеки приготовленную им курицу.

— Не сработает. Вера не рождается из-под палки. Искренность — вот её главный критерий. Ты же чувствуешь, что в этом мире стал сильнее?

— Думал это потому, что в прошлом мире выпил твои силы.

— Нет, тут совсем другие масштабы пополнения маны. Как собственно и сама энергия другая. Не знаю, как возможно, чтобы сердечный демон подпитывался силой веры смертных, но видимо и демоны бывают божественного уровня. Хотя я о таком не слышала. Это надо у наставника уточнить.

— Не нужно! Не говори обо мне с наставником, — внезапно закапризничал Сибилл.

— С чего вдруг? Я после каждого мира обязана делиться своими воспоминаниями. Отчёт наставнику — это часть божественной стажировки.

— Он скажет тебе, что меня нужно уничтожить.

— Не уничтожить, а принять. Никто в здравом уме не уничтожает сердечных

демонов, — нетерпеливо ударила ладонью по скале заменявшей стол Альфэй. — Лучше скажи, что там с твоей одержимостью. Избавился от филлиды?

— М... нет.

— Как это «нет»? Что у тебя в голове творится? — вскочила из-за стола-скалы Альфэй, яростно сжимая кулаки. — Ты сам опасен для моих миров. Ещё и паразита из мира в мир притащил. А если эта штука устроит тут конец света? У меня только получилось нормальный мир сотворить. Обязательно опять разрушать все мои старания? Я и так уже смирилась, что из-за тебя хорошего назначения мне не светит. А теперь ты ещё и какую-то заразу между мирами разносишь.

— Это Аи, и она не зараза, — обиженно засопел Сибилл, тоже поднимаясь и делая шаг навстречу.

— Твоя тигрица? Причём тут она?

Словно отвечая на вопрос, от Сибилла отделилась светящаяся мистическим синим пламенем тигрица и недовольно рыкнула на Альфэй.

— Я всё время пробовал позвать Аи, и в мире Оживших она пришла ко мне, правда в такой вот бестелесной форме. Но тут она стала ещё сильнее, даже материальное тело обретает в мире смертных. Здорово, правда? — с раздражающим обожанием поглядывая на свою любимицу, рассказал Сибилл.

— Не понимаю. Так филлида — это Аи?

— Ну, они похожи. Но филлиды какие-то... менее развитые что ли? Всего лишь шарики, даже без глаз и рта. Да и разумности у Аи намного-намного больше. И Аи меня узнала и помнит, правда? — обратился он к тигрице, и та отчётливо кивнула в знак согласия. — Но про Аи ты никому не говори, ладно?

— Ещё чего. Ты вообще какой-то совсем неправильный сердечный демон. Будет плохо, если у тебя может быть собственный сердечный демон или ещё что-то такое же опасное. Всё же в этом мире ты — бог, кто знает, какие ещё свойства и «болезни» богов ты мог перенять. Аи странно себя вела с самого начала, не подчинялась мне — своему богу-творцу и проявляла агрессию. Нет, такое нельзя утаивать от наставника.

Сибилл прикрыл глаза, скрыв всё ярче разгоравшийся и словно засветившийся синим пламенем, таким же, как его тигрица, взгляд, и страдальчески свёл брови.

— В любом случае это последний мир стажировки, в следующий раз мы встретимся, когда мне дадут назначение. Наверняка оно ещё не скоро произойдёт. Слышала, могут и обратно доучиваться отправить, хотя таких случаев не знаю. Может, это только страшилка для нерадивых и ленивых богов?

— Это твой последний мир? — встрепнулся Сибилл, резко распахивая пылавший насыщенно-синий взгляд.

— У меня было всего шесть попыток. Этот мир — последняя из них. От того, как тут всё будет, напрямую зависит моя дальнейшая судьба в качестве богини.

— Поэтому ты всё же прислушалась к наставнику и решила больше не ссориться со мной?

В уме Сибиллу не отказать, он быстро просчитал, что по собственной воле она едва ли стала бы мириться. Проницательный засранец! И это не могло не злить.

— Да, мне нужно твоё содействие, — сжав зубы, признала Альфэй.

— Я не намерен тебе мешать, — быстро заверил Сибилл. — Но что получу взамен? Пока что ты только избегала и пыталась убить меня.

— Чего ты хочешь, Сибилл?

Её прямой вопрос отчего-то заставил его сбиться и задуматься.

— Вряд ли я получу то, что хочу, если скажу «тебя»?

— Верно мыслишь, — сложила руки под грудью Альфэй.

Для сердечного демона заполучить своего бога — весьма характерное желание. Но это не значит, что она должна потакать ему.

— Тогда научи меня тому, что знаешь сама. Я же бог в этом мире. И ты сама сказала, что могу испортить твою работу.

— Знание о том, как сотворять миры бесполезно для тебя, — Альфэй дотронулась до подбородка, раздумывая о плюсах и минусах того, чтобы дать Сибиллу больше знаний о богах. — Даже у меня не хватит энергии сотворить мир с нуля и без посторонней помощи. К тому же только светлые боги способны на такое.

— Но ведь наверняка есть какие-то законы сотворения миров, важные моменты, основополагающие принципы? А если я по незнанию, нарушу равновесие в этом мире или каком-то другом? Если пойму, как устроены миры, то буду знать, что в них лучше не трогать, чтобы ничего не сломать.

— Или воспользуешься знаниями, чтобы разрушить намеренно, — возразила Альфэй.

— Разве я похож на того, кто сознательно обречёт целый мир живых существ на гибель? Фэй, ты же меня хорошо знаешь. Я не убийца.

— Война в мире зверолодей говорит об обратном, — напомнила она.

— Не мог же я просто дать остальным убить себя или тигриное племя. Ты бы этого хотела?

Альфэй тяжело вздохнула. Она не знала, как поступила бы на месте Сибиллы и на чью сторону встала в той войне. Всё же тот мир сотворила она, и все смертные были одинаково «её» и тигры, и лисы, и медведи. Истребление любого из племён не доставило бы ей удовольствия.

— Хорошо. Я буду учить тебя. И только попробуй испортить мне этот мир! — Альфэй ткнула в него и неожиданно для себя упёрлась пальцем в твёрдые грудные мышцы.

За время их споров Сибилл успел подкрасться к ней вплотную. От его тела ощущалось притягательное живое тепло.

— Начнём прямо сейчас? — Сибилл поймал её ладонь в захват и мягко улыбнулся.

Пульс зачастил, и Альфэй ощутила, как щёки налились жаром.

Этот паршивец!.. И его штучки, словно взятые из арсенала бывалого соблазнителя. Невероятно раздражает.

Часть 6

Глава 3. Манящая богиня

Даже после исчезновения Фэй из мира экзорцистов и филлид, всем существом Сибиллы владело настороженное счастье.

Фэй наконец приняла его.

Конечно, доверять её расчётливому расположению безоглядно он не собирался, по опыту зная, как больно потом будет разочаровываться. Сибилл предполагал, что она опять попробует от него избавиться, как только подвернётся такая возможность. Перспектива отдать все свои силы Фэй не вдохновляла. Сибилл хотел остаться самим собой: отдельной личностью с собственным телом, мыслями и желаниями.

После всего пережитого поверить в окончательное примирение с Фэй не получилось.

Сибилл словно вырвал у судьбы передышку перед новым раундом их противостояния. И он бесконечно дорожил самой возможностью быть рядом и говорить с любимой. Но также продолжал искать выход из их патовой ситуации. Видимо, эта черта была у них с Фэй общей — неумение сдаваться.

А вот информация, что Фэй слепила его из собственной женственности — казалась полной чушью. Ну, нравились ему в детстве красивые камушки и пёрышки, так это не повод подозревать его во всяком. Хотя в агрессивности он точно уступал Фэй, притом, что она ненавидела охоту и убийство живых существ. До сих пор в голове не укладывалось, как только решилась избавиться от него? Что-то подсказывало, что на этот вопрос ему не сможет ответить и сама Фэй. Тем более Сибилл уже спрашивал... и её ответы... Не стоило настаивать, он же знал, что правда ему не понравится. Больше всего случившееся походило, на импульсивный поступок в состоянии аффекта, что, в общем-то, соответствовало характеру Фэй, но не уменьшало его боль.

Порой логика Фэй ставила Сибилла в тупик. Как с последним поцелуем. Именно он воскресил болезненную надежду на лучшее. О поцелуях думать было намного приятнее. Фэй даже в его детстве такого себе не позволяла. Или это из-за филлид? Сибилл совсем не раскаивался в том, через что из-за него пришлось пройти Фэй. Информация и результат определённого того стоили. И как бы он ни гнал от себя воспоминания, поцелуи Фэй тоже стоили бесчестного, отвратительного поступка.

Жизнь вновь наладилась и это немного пугало, потому что такое с ним уже случалось. Фэй делала что-то для него, а потом бросала или пыталась уничтожить. Сибилл не хотел больше обманываться, что теперь у них всё будет хорошо. Наоборот заподозрил, что впереди его ждёт новое глубочайшее разочарование.

Несмотря на подозрения и переживания, он всё равно не мог отказаться от преподнесённого жизнью дара. Сибилл просто хотел получить свой маленький кусочек счастья. Ведь Фэй впервые пообещала встречу в новом мире, и одно это наполняло его лёгкостью, светом и теплом. Что значила будущая боль, по сравнению с этим мгновением безмятежности, без горечи прошлых обид и сожалений?

У экзорцистов Сибилл развил бурную деятельность: нашёл общий язык с Хэ Цуном, в чём немало помог его отец. Склонил на свою сторону эмпатов, которые работали на экзорцистов. Через Хэ Цуна вышел на военных. Пришлось признаться, что чувствует эмоциональную «направленность» филлиды — это было необходимо для легализации эмпатов и других одержимых. Да, они все угодили в армию, но и получили относительную свободу действия в поле закона относившегося к таким, как они, сурово.

Сибилл рассудил, что все, кто готов отказаться от блокировки эмоций — бойцы, которых, как правило, мало пугала смерть. Вот не успеть прожить свою жизнь, сколько бы её ни было отмеряно, и как того хотят такие люди действительно боялись. Так что сделать их сословием воинов оказалось самым рациональным решением. Всё же вариант с революцией, на котором настаивал Ву Лю — глава оппозиции, Сибиллу не нравился, особенно в свете того, что одной войны ему хватило, чтобы на всю дальнейшую жизнь навоеваться. И если можно было мирно договориться, то он предпочёл так и поступить.

Как и обещал Ву Чэну — своему другу в этом мире, Сибилл остался до самого конца легализации эмпатов и тех, кто хочет ими стать. С его помощью научный отдел нашёл способ подманывать к подопытным нужную филлиду посредством усилителя эмоций. Такой способ всё ещё оставался не стопроцентно безопасным, но шансы значительно повысились.

Ведь даже Сибилл, зная доминантную эмоцию филлиды и подопытного, не мог гарантировать их гармоничного сосуществования. Риск всегда присутствовал.

В новый мир Сибилл перешёл без долгов и сожалений. Оказалось это как никогда просто. То ли потому что концентрироваться ему стало легче, то ли потому что там ждала его Фэй. Потраченная на перенос энергия почти сразу восстановилась. А Сибилла выкинуло в пещеру, куда совершенно не попадал свет, но ему отчего-то не составляло труда ориентироваться даже в крошечной тьме. Его диапазон ощущений значительно увеличился, это напомнило о тигрином теле — сильном, выносливом и более чувствительном.

Впрочем, стоило подумать о неудобствах вызванных темнотой, как вокруг стал распространяться тусклый свет похожий на тот, который в мире Оживших излучали костюмы стражниц. Посмотрев на собственные руки, Сибилл оторопел от понимания, что источником света является он сам. Отросшие волосы тоже чуть светились. Постепенно в пещере из чёрного камня, разгораясь словно звёзды, заблестели прозрачные камни, свисавшие сверху.

На месте Сибилл оставался не больше пятнадцати минут, прежде чем предпринял попытку выбраться из-под земли. Он долго петлял по бесконечным протянувшимся под землёй переходам. От скуки выпустил Аи. И они всё шли, лишь раз остановившись, чтобы искупаться в подземном озере, дно которого было красиво подсвечено прозрачной породой.

Есть не хотелось, а усталость всё не наступала.

Когда Сибиллу окончательно надоело бродить в поисках выхода, он вдруг понял, что отлично чувствует запутанные переходы и всё подземелье целиком, а не только часть пещеры, в которой находится. После этого озарения, пришла внутренняя уверенность, что он легко может выбраться на поверхность. Так он и поступил, попросту пожелав оказаться на поверхности вместе с Аи.

Солнце болезненно резануло по отвыкшим от яркого света глазам. На новый мир Фэй Сибилл взирал сквозь пелену слез.

Буйная зелень и обилие живности напомнили ему первый мир Фэй. Доверившись чутью, Сибилл вышел к распростёртому в низине городу, построенному из дерева и камня. Внизу сновали люди и зверолюди, которых ему уже доводилось видеть прежде, а так же полулюди-полузмеи, люди с рогами и люди с крыльями.

Сибилл вспомнил о том, как ему понравилась форма зверочеловека, всё же тигром он ощущал себя намного сильнее, выносливее и куда более ловким. Как и в третьем мире, ему легко удалось влезть в полосатую шкуру, только теперь по собственному желанию. При обращении его волосы остались прежней длины, а вот одежда изменилась на более короткий вариант штанов и запашной рубахи, какие он увидел в городе на других зверолюдях.

— Аи, попробуй тоже стать зверочеловеком! — в голову ему пришла, как показалось, гениальная идея.

Но как бы Сибилл ни подпитывал подругу, переполнявшей его энергией, как бы ни настаивал, ни просил, объясняя плюсы своего нового тела, Аи делала вид, что не понимает его. Спокойно улеглась и жмурила глаза, сосредоточившись на принятии солнечных ванн. Она отлично умела игнорировать «лишние» на её взгляд телодвижения.

Присевший на корточки рядом с её мордой, Сибилл тяжело вздохнул.

— А как насчёт материального тела? Я хочу осмотреть город. Но вряд ли там спокойно воспримут твой нынешний вид, — эту просьбу Аи мгновенно выполнила, обретая плоть. Чем ещё раз подтвердила, как собственный ум, так и нежелание становиться зверочеловеком.

Похоже его подруга совсем не переживала, что не может встать на задние лапы и поговорить с ним. И Сибилл принял это её решение оставаться в привычном теле.

— Я так рад, что мы можем снова быть вместе, как в самом начале, — Сибилл обнял тигрицу, на мгновение зарываясь носом в её светлый мех. — Мы похожи в самом главном, и никакие различия не могут помешать нашей дружбе.

Теперь они стали почти одного вида. Не так как хотелось Сибиллу, но он уважал решение Аи. Тем более Сибилл, как никто, понимал желание оставаться самим собой.

В городе их полосатая компания привлекла много внимания, а за пару фокусов на площади, которые с учётом разумности Аи — ничего им не стоили, Сибиллу даже дали денег, на которые он купил вяленого мяса, честно разделив то пополам.

Таких городов Сибилл ещё не видел, хотя хижины окраины напомнили мир, из которого он был родом. Самым высоким и необычным зданием тут оказался храм, возведённый из камня. В прошлых мирах Фэй богам не поклонялись. Снаружи и внутри храм украшали изображения золотого солнца. Статуя Верховной богини облачённой в доспехи с занесённым для удара кулаком и свирепым лицом выглядела устрашающе. Имя богини ни о чём не сказало Сибиллу, и даже разочаровало. Всё же он надеялся увидеть тут Фэй.

Дальнейшее путешествие в поисках Фэй успеха не принесло. Мир оказался слишком большим и густонаселённым, а способы связи в нём несовершенными. Сибилл обнаружил, что может в любой момент вернуться обратно в пещеру, в которой впервые появился тут. Оттуда отчего-то он лучше чувствовал окружающий мир, но всё также не находил Фэй.

Однажды ему посоветовали попросить помощи в поисках у Верховной богини. И не успел Сибилл зайти в храм, как с небес ему наперерез спустился крылатый змеечеловек в богато украшенных одеждах. Ощущения от него были странные, словно от пылающего костра и бурлящего котла разом.

Застывший взгляд змеечеловека упёрся в Сибилла.

— Вы... бог?.. — вдруг выдал он и, спохватившись, склонил перед Сибиллом голову в низком поклоне. — Этот недостойный просит прощения, если был неучтив.

— Всё в порядке. Как тебя зовут? — как только Сибилл ответил, образ зверчеловека стёк с него, словно вода.

— Шисяйсан... Великий, — разглядывая его, неуверенно добавил тот.

— Почему ты решил, что я бог?

— Этот недостойный — жрец и понял, кто вы, только взглянув на вас.

— Ты жрец Верховной богини? Мне посоветовали обратиться к ней за помощью, чтобы найти одного человека... или зверчеловека?..

— Вы зря потратите время, Великий. Верховную богиню ничто не интересует, кроме её гарема, — горько усмехнулся Шисяйсан.

— Вот как, — не смог скрыть разочарования Сибилл.

— В свою очередь этот недостойный хотел бы спросить у Великого, как можно возвысить свой народ?

— Процветание народа зависит от богатых природных ресурсов и урожаев, развитости животноводства и общего благосостояния, — уверенно поделился Сибилл тем, чему его когда-то научили. — Высоких урожаев можно добиться, если сажать семена самых лучших овощей и фруктов, а за растениями во время их роста ухаживать. В животноводстве — оставлять на племя лучших животных.

— Возможно, Великий сможет сам найти того, кого ищет. Этот недостойный

предполагает, что сила бога зависит от количества храмов и верующих. Если ваш совет поможет змеелюдям получить лучший урожай, чем у других рас, этот недостойный будет повсюду прославлять Великого. Позволит ли Великий этому недостойному узнать своё имя?

— Меня зовут Сибилл.

Спустя полгода Шисяйсан построил храм Богу плодородия и стал его первым жрецом. С той поры Сибилла везде преследовали образы мужских гениталий. В мозг буквально ввинчивались настойчивые просьбы:

«Великий бог, ниспошли мне мужа одарённого по мужской части».

«Бог плодородия, позволь мне понести дитя».

«Молю, о Великий с самым большим мужским достоинством, поделиться этой радостью, чтобы у меня хоть чуть-чуть подрос, и Шанаса перестала надо мной смеяться».

Если бы Сибилл не знал, кому обязан своими слуховыми галлюцинациями, мог бы решить, что сходит с ума. Но Шисяйсан тоже бухтел внутри его головы: спрашивал совета, рассказывал о достижениях, молил о помощи. Приходилось отвечать, хотя Сибилл и просил не дёргать его по пустякам. Пока не догадался занять Шисяйсана поисками Фэй, и тот на время притих. Видимо, опасался сообщать о провале.

Своего первого жреца Сибилл слышал лучше других, прочие голоса практически сливались в общий гул, если не прислушиваться специально. Среди них, конечно, просьб о богатом урожае и приплоде скота было намного больше, чем всего остального, но такая банальщина почему-то запоминалась не так навязчиво. Подношения ему тоже приносили фруктами, овощами, зерном, забитым домашним скотом и птицей.

Чем больше росло число его храмов, тем сильнее становился Сибилл. Он прочесал весь мир смертных вдоль и поперёк, прежде чем убедился, что Фэй скорее всего, как и он тут, стала богиней, тем более что уж она-то богиня самая настоящая.

Как искать богов он не знал.

Сам став богом Сибилл не нуждался в пище и сне. Физическая усталость также покинула его. А чтобы отдохнуть ментально и морально он медитировал, в эти мгновения почти теряя связь с реальностью и переставая контролировать себя.

Закрытые глаза накрывают тёплые ладошки.

— Угадай кто? — шепчет Фэй, глубоким грудным голосом, который запомнился с разделённой на двоих точки в пещере.

Бесконечная нежность и обжигающая страсть накрывают с головой.

— Фэй, — отвечает Сибилл, кажется, и наяву.

— Угадал, милый, — выдыхает в ухо Фэй и прижимается к его спине грудью.

Сибилл судорожно вдыхает и, словно зверочеловек, чует запах возбуждения. Тело моментально откликается. Он сминая ханьфу на коленях в кулаки.

Ладонь Фэй ныряет за ворот ханьфу и, оглаживая грудь, спускается всё ниже.

В ушах грохочет кровь. Во рту сухо. Сибилла бьёт крупная дрожь желания, ещё и из-за необходимости сдерживаться, чтобы не спугнуть Фэй.

Её движения слишком смелые и настойчивые.

— Я сейчас... — предупреждает он, ощущая учащённое дыхание на своей щеке, а потом и быстрый поцелуй.

— Не сдерживайся, милый.

Кажется, он всё же дремал во время медитации. Видение столь реально, что кульминация настигает его и в действительности.

— Нужно искупаться, — вздохнул Сибилл и перенёлся к полюбившемуся подземному озеру, подсвеченному прозрачной породой покрывавшей дно.

Сон-фантазия о Фэй напомнил о том, что он давно ничего не ел. Фэй любила вкусно покушать, и еда всегда действовала на неё благотворно. Возможно, поэтому приготовление пищи ассоциировалось с чем-то хорошим. В дальней хорошо продуваемой части пещеры Сибилл устроил очаг с костром, на котором приготовил курицу в лotosовых листьях, но поесть не успел.

Трапезу прервало появление в его пещере целой толпы женщин.

— Приветствуем Великого Бога плодородия, — грянул хор мелодичных голосов.

— Нас отправил главный жрец Шисяйсан, чтобы мы стали гаремом Великого, — взяла слово женщина-змеечеловек с золотыми рогами, карими глазами и чуть коричневатой кожей, у которой оказалась особенно пышная грудь и бёдра, едва прикрытые полупрозрачным халатом.

— Какой ещё гарем? — сел голос Сибилла.

На вторгшихся к нему женщин даже смотреть было неловко от того, что их тела едва прикрывали тонкие ткани, лишь изредка закрывавшие стратегические места вышивкой или дополнительным слоем ткани.

— Главный жрец сказал, что у бога обязательно должен быть гарем, — хихикнула огненноволосая женщина из расы змеелюдей, на которой вообще не наблюдалось одежды, кроме каких-то цепочек и колец протыкавших острые пики сосков.

Сибилл гулко сглотнул, не представляя, что делать с толпой женщин и как в таких условиях искать Фэй. Его неловкость и скованность женщины, кажется, приняли за согласие на продолжение и, окружив, принялись стягивать одежду, что-то нащёптывая о его самой выдающейся части тела.

В панике Сибилл повторял имя Фэй, пока в голову не пришла странная мысль вызвать Верховную богиню.

Часть 6

Глава 4. Ревнивая богиня

Сибилл выпроводил свой гарем, отослав женщин прислуживать в храм к Шисяйсану и избавив Альфэй хотя бы от одного из раздражителей.

А их было не мало, потому что она не привыкла кого-то учить, да и не было у неё к этому призвания.

Сам Сибилл бесил невероятно: любую информацию схватывал на лету. Пусть сотворять миры он не мог, но суть интуитивно улавливал, что и зачем нужно вложить, чтобы получить желаемый результат. Особенно тщательно Сибилл выспрашивал у Альфэй о методах маскировки и сокрытия в сотворённых мирах, о способностях богов, их слабых и сильных сторонах, чем изрядно напрягал. А соврать любознательному «ученику» у неё не выходило, ложь Сибилл чуял не хуже бога. К ни го ед . нет

Альфэй готова была плевать кровью, когда тем, чему она училась годами, наглый паршивец овладевал, казалось, за считанные мгновения. Приходилось признать, что она ужасно завидует и ревнует. Среди соучеников на Небесах она была лучшей. Самой сообразительной и успешной. Делить собственный негласный пьедестал, даже мысленно оказалось невыносимо.

Время в мрачных подземельях Сибилла пролетело незаметно.

Когда Альфэй вернулась в свои чертоги, первым ей в ноги бросился Азур.

— Верховная богиня, вы наконец-то вернулись! Этот недостойный ни на что негоден и всё испортил, — тут же запричитал он.

— Что случилось? — напряглась Альфэй от его горячности.

— Мурасяй и Сиросюн покинули облачный остров, а они оставались последними жрецами-змеелюдми. Кроме того они убедили зверолодей так же отказаться от вас, — спина Азура горестно сторбилась, а перья на крыльях наоборот встопорщились, как у драчливого воробья. — Только птицелюди и людороги ещё остались верны Верховной богине.

Альфэй едва сдержалась от ругательств, вместо этого она подошла к краю облачного острова, чтобы убедиться в том, что храмов, как и зажжённых для неё свеч и благовоний стало значительно меньше.

Если бы она хуже знала Сибилла, самым логичным было бы заподозрить его в злонамеренном подрыве веры в неё. Однако поскольку Сибилл ничего от неё не утаивал, Альфэй отчётливо осознавала, кому должна сказать «спасибо» за «чёрный пиар». Шисяйсан так и не простил ей нежелания вмешиваться в межрасовые распри.

В храмах Сибилла служили самые красивые девушки, в том числе оказывая услуги сексуального характера, за что тот благословлял их магически одарёнными детьми. Культ мужского полового органа распространялся со скоростью срамной болезни, но в том и дело, что служительницы Сибилла были защищены и от болезней передающихся половым путём.

Альфэй не запрещала проституцию, но и не поощряла её. Из-за такой политики у любителей плотских утех она оказалась не в чести, и вся «порноиндустрия» сосредоточилась у Сибилла в руках. Вернее у его жрецов и их последователей.

— Так значит, паршивец? Пустил гарем вразнос, — зло зашипела Альфэй. Хотя понимала, что у Сибилла не было времени, чтобы проконтролировать этот вопрос, а вот у его жрецов это время нашлось.

— Этот недостойный виноват, — задыхаясь, застонал Азур.

— Да причём тут ты? Это всё из-за Бога плодородия, он переманил моих верующих. Вернее его жрец Шисяйсан.

— Шисяйсан?.. — выпрямился Азур, который вдруг обрёл душевное равновесие. — Этот неблагодарный посмел укунить руку, которая его вскормила. Верховная богиня, позволит со всем разобраться этому недостойному?

Альфэй задумалась. Сама она не умела договариваться, скорее могла треснуть от души. Азур тоже не производил впечатления мудрого переговорщика и дальновидного политика. Он был прямолинейным, ответственным и исполнительным.

Зато Шисяйсан показал себя изворотливым и хитроумным противником.

Всё указывало на то, что они с Сибиллом опять разделили «сферы влияния» этого мира нетрадиционным способом. Она стала отвечать за «мускулы» и грубую силу, а Сибилл и его последователи за ум и смекалку. Что значит, если она даст отмашку Азуру, велик риск того, что её верующие устроят настоящий священный поход на «неверных».

На горизонте замаячили война, смерти и общая свара, которые им с Сибиллом ни к чему. Проблем от такого безобразия намечалось больше, чем потенциальной пользы.

— Не обращай на них внимания, — решила Альфэй. — Пусть со своими последователями Бог плодородия разбирается сам.

— Верховная богиня общалась с этим... Богом плодородия? Он посетит облачный остров для урегулирования вопроса?

— Только тут его не хватало. Никаких посторонних богов в моих чертогах!

— Как прикажет, Верховная богиня, — повеселел Азур, кажется, вполне разделяя её стремление не допускать сильных условных союзников в святая святых.

* * *

Сибилл смирился, что она не пускает его на облачный остров, хотя ныть на этот счёт не переставал:

— Я только одним глазом посмотрю. Посижу тихо, пока ты медитируешь.

Нашлась ещё одна причина злиться на паршивца.

Альфэй переполняла сила. В таком состоянии бог мог не спать и не есть, но она всё равно регулярно делала и то, и другое. В отличие от Сибиллы, который обходился медитацией вместо сна, а о еде вспоминал только, чтобы порадовать её, сам же за компанию ел редко.

Наставник упоминал, что быстрее всех в плюсах божественной жизни разбираются заклинатели. Эти ребята всю свою смертную жизнь только и занимаются тем, что подтягивают свои физические, ментальные и духовные способности до божественного уровня. Обычным людям всё это приходится осваивать не постепенно, а единомоментно. Из-за чего многие не справляются, деградируют обратно или даже сходят с ума от свалившейся «силы бога».

Альфэй в собственном статусе богини даже спустя тридцать лет, прожитых на Небесах, всё ещё осваивалась. Тем более что из-за подпитки от верующих её сила многократно возросла. Возможно, только благодаря тому, что эта сила была разделена на двоих с Сибиллом, Альфэй всё же кое-как удавалось с ней совладать.

Скорость развития Сибиллы бесила до зубного скрежета. И да, Альфэй ревновала свою божественную силу. Почему её сердечный демон справлялся с той лучше? Это было так несправедливо и подло! Но, по крайней мере, сама Альфэй не деградировала и не сходила с ума. Умеренный рост тоже был хорошим результатом.

Сибиллу пришлось смириться с тем, что она уходит на облачный остров, чтобы отдохнуть, и возвращается в его подземелье, чтобы продолжить учить его.

— Значит, боги на Небесах живут в отдельных павильонах, которые закрывают на время своего отсутствия? — рассеявшегося напротив неё Сибилла как ничто другое интересовала жизнь на Небесах.

Дно пещеры с недавних пор укутывали удобные кучевые облака, плотные как подушка или надувной матрас. Их окрас варьировал от иссиня-чёрных до лавандово-фиолетовых с вкраплениями сияющих звёзд, которые так же играли роль дополнительной подсветки. Эти облака принимали образ кресла или дивана по желанию и служили заменой мягкой мебели.

— Всё так, но вообще-то любую защиту можно сломать, если задаться такой целью. А вот это легко обнаружить, и нарушитель будет пойман, — Альфэй устроилась в своём любимом облачке-кресле нежно лавандовом с закручивающимися рукавами яркой галактики по центру.

— И что там совсем-совсем никого кроме богов нет?

— Ну да... Даже питомцы должны быть божественного уровня, то есть в своём развитии самостоятельно вознестись на Небеса. Хотя контракт между животным и человеком, конечно, позволяет немного схитрить и разделить условный «уровень» на двоих. Только человеку в этой связке приходится фактически стараться за двоих. Именно по этой причине животные заключают контракты с заклинателями, их шанс на вознесение

увеличивается. А так-то дикие и свободолобивые они не очень горят желанием кому-либо подчиняться. Для бога же питомец божественного уровня — это невероятно круто. Особенно учитывая то, что на Небесах нет слуг. Тем, кто к этому не привык, приходится туго.

— А тебе из-за этого сложно?

— Я родом из простой семьи. Сама была чиновником, кем-то вроде «слуги народа». На Небесах меня скорее попрекают плебейским происхождением, чем завышенными требованиями в обслуживании моих нужд. Чаще всего угробить целую жизнь на самосовершенствование могут себе позволить далеко не простые люди, а кто-то уровня заклинателей, знати, а то и только императорская семья.

— Ты во всех своих мирах вела жизнь на уровне смертных, не наделённых властью, — задумался Сибилл. — Только тут всё иначе.

— Цель любого бога научиться сотворять миры населённые смертными способными осознать существование богов. Верховный бог такого мира практически всемогущ, его очень сложно уничтожить. Это мечта каждого вознёсшегося бога.

— И твоя.

— Верно. Жаль, что мы всего лишь в тренировочном мире. У меня нет столько сил, чтобы сотворить собственными мир без заготовки, которую предоставили рождённые боги — самые сильные из богов.

— Получается, ты достигла цели стажировки и получишь теперь этот свой высший балл. Ты рада?

— Высший балл мне, конечно, не светит. Всё же наличие сердечного демона сильно подпортило результат. Но да, я рада, что удалось сотворить мир, в котором я — Верховная богиня, — против воли Альфэй почувствовала на губах улыбку.

Сибилл шумно выдохнул и подался вперёд.

— Но ведь я совсем не мешал тебе. И впредь буду помогать, чем скажешь. Я же заслужил награду? — его взгляд налился ярким неоновым-синим свечением.

В другое время Альфэй разозлилась бы на такое вымогательство, но сейчас у неё было слишком хорошее настроение. Разделить с кем-то, пусть и с сердечным демоном, свой триумф оказалось упоительно. Лучше, чем в одиночестве признавать саму себя крутой богиней.

— В свои чертоги не пушу! — предупредила она, дальнейшие поползновения Сибилла.

— О... — подрастерял энтузиазм он. — А как насчёт поцелуя?

Домогательства вышли на новый уровень. Вспомнился «последний раз», когда она едва сдерживалась от желания наброситься на своего демона. Внутри, словно того и ждал, загорелся слабый огонёк неудовлетворённости. Кажется, Альфэй начала понимать мужчин, которые в каждом городе заводят по любовнице. Некстати на ум пришло щедрое разрешение Ежана не считать изменой интрижки в сотворённых мирах. И вообще связь с собственным сердечным демоном не считается...

Словно ведро холодной воды отрезвила мысль, что Сибилл попросту пытается ею манипулировать. Как же паршивец бесил её такими выкрутасами!

— В щёку! Как в прошлый раз, — уловил смену её настроения Сибилл.

Альфэй грубо схватила его за ворот ханьфу и потянула к себе.

— Будешь слишком назойливым, пожалеешь, — на всякий случай предупредила она, глядя в заслонившие всё вокруг демонические глаза.

Их разделяли несколько сантиметров. Кожа Альфэй горела под едва уловимой лаской чужого дыхания. Она облизнула губы от вдруг обрушившейся на неё жажды, и взгляд Сибилла немедленно метнулся ниже.

— Фэй, — имя сорвалось стоном мольбы, от которой внутри сладко заныло.

Альфэй подавила неуместный порыв, наклонилась, ощущая у самого уха судорожный вздох, и поцеловала приятно гладкую щёку.

— Такая благодарность тебя устроит?

— Да, — глухо прохрипел Сибилл.

* * *

Боги практически не пачкались. Частично это было связано с особым строением тела, которому и еда-то не требовалась. Но Альфэй не могла отказаться от купания в обществе прекрасных обнажённых мужчин. Под этим предлогом можно было беспрепятственно любоваться на оставшихся у неё мускулистых и не очень крылатых и рогатых красавцев.

В этот раз её созерцательный настрой под чашу вина был разбит донёсшимся снаружи звуком борьбы и лязгом железа.

— Ты не пройдёшь, подлый предатель! — заорал Азур.

— Пропусти нас к Ф... Альфэй, — разорвал мирную атмосферу в её чертогах обжигающий холодом голос Сибилла.

— Какого демона!.. — успела выдохнуть Альфэй прежде чем в купальню спиной вперёд влетел Азур, а за ним вошёл Сибилл, за плечом которого шуршал своим хвостом Шисяйсан.

Альфэй поднялась из воды, не сомневаясь, что тонкий халат уже изменяется на ханьфу и доспехи.

Её гарем оцетинился непонятно откуда возникшим оружием, впрочем её мужчины поголовно владели магией. Выбравшись из воды одним рывком, опередив всех, на Сибилла бросился обнажённый Саддат, чем, кажется, окончательно вывел Сибилла из себя. Во всяком случае, демон отшвырнул Саддата прочь взмахом руки, бросив сгусток сырой силы. Саддат улетел обратно в бассейн купальни, разбрызгивая повсюду кровь.

Альфэй переместилась, оказавшись между разъярённым, неистово сверкавшим взглядом Сибиллом и своим воинственно настроенным гаремом. Краем глаза она увидела, что с пола поднимается Азур, а Саддата из воды выловили сородичи.

— Что за представление ты тут устроил? Я же запретила тебе приходить сюда.

— А ещё ты говорила, что не используешь свой гарем... так, — от избытка чувств Сибилл потерял контроль над своей силой, и от него клоками поползла тьма.

Взросла сила притяжения. Воздух сделался более разреженным, отчего дышать стало тяжелее.

— Оставьте нас, — приказала Альфэй, беспокоясь о целостности своего гарема.

— Ты не отрицаешь!..

— Придурок, — почти ласково оборвала его она, когда их покинули даже задержавшиеся Азур и Шисяйсан. — Нужно быть очень неразборчивым богом, чтобы трахаться со смертными.

— Они были голыми.

— Ну по крайней мере получать наслаждение от вида красивых мужчин я всё ещё могу.

— Значит, ты не получаешь удовольствие от секса, если с тобой не бог? — Сибилл сник. — И когда была со мной?..

Альфэй так и подмывало соврать или промолчать, позволяя Сибиллу самому додумать,

как она его терпела. Нежелание разбираться с озабоченными порывами своего демона боролось с тошнотворной брезгливостью. Альфэй ненавидела манипуляции через доступ к телу или отказ в сексе.

— Тогда... В первый раз у меня была течка, так что чувственность и чувствительность зашкаливали. Во второй — не знаю, что сыграло, но... Возможно всё дело в том, что ты мой сердечный демон и как бы часть бога? Но это точно отличается от того что ощущаешь во время совокупления со смертным.

— Тебе всё же понравилось, — Сибилл оживился и, приблизившись, завладел её рукой.

— Да, но даже это не заставит меня прыгнуть в твою постель. Это ясно?

— Вроде бы ты говорила, что твой любовник не против делиться, — Сибилл прижался щекой к её ладони.

— Ты на его желания или на мои ориентироваться будешь?

— Я тоже могу раздеться и доставить тебе удовольствие... своим видом.

Сибилл потёрся щекой о её ладонь и втянул воздух у самого запястья, коснувшись кожи губами.

Вот именно того, что Сибилл будет напрашиваться в её гарем, Альфэй и опасалась.

— А исчезнуть не боишься?

— Я бы рискнул, — больше не таясь, он поцеловал её в центр ладони.

— Я бы тоже, если бы это помогло от тебя избавиться. Но не судьба, — Альфэй выдернула руку из нежного плена.

Сибилл помрачнел, но спорить и настаивать не стал. Сообразительный зараза!

Альфэй одинаково недолюбливала и уважала его за острый ум.

Часть 6

Глава 5. Упорствующая богиня

С момента посещения Сибиллом небесного острова, его нытьё стало особенно душным, как и навязчивые попытки показать стриптиз.

— Фэй, тебе же нравятся высокие и крупные мужчины с крыльями? Я вполне подхожу. Только крылья добавить и... — ханьфу поползло с плеч, чтобы оголить рельефную грудь и торс с кубиками пресса.

Крылья Сибилл сотворил из клубящейся тьмы с серебристыми искорками звёзд ближе к позвоночнику. И прежде чем Сибилл продолжил, Альфэй поторопилась втолковывать ему свою точку зрения:

— Крылья нужны только чтобы добраться до небесного острова и не свалиться с него. И качки — совсем не мой типаж! Просто так совпало из-за крыльев. Вообще-то мне нравятся мужчины азиатского типа внешности, более... изящные. Как Шисяйсан, — мстительно добавила она.

Из-за её запрета Сибилл действительно не смог сам пройти в её чертоги. Зато у Шисяйсана эта привилегия осталась, и именно он провёл к ней Сибилла, стоило тому пожаловаться на нехорошую Верховную богиню, бросившую его и развлекающуюся со своим гаремом.

Её счёт к этому змею всё рос.

Альфэй не соврала Сибиллу. Раньше она обращала внимание на мужчин отвечающих китайским канонам красоты: высоких, стройных, которые прекрасной внешностью затмевали даже женщин. Как тот музыкант из публичного дома в мире Сяои. К этому же типуажу относились Ежан и Шисяйсан.

Её бывшие парни были попроще, в своей смертной жизни Альфэй даже не думала засматриваться на красавчиков похожих на айдалов или небожителей. Только вознёсшись, она стала смелее и честнее с собой.

Не хотелось задумываться, почему вдруг в этом мире в её чертогах и гареме руководил всем Азур, так похожий внешне на Сибилла. Проблем с сердечным демоном и помимо романтического интереса хватало. Не стоило усложнять, чтобы потом, когда Альфэй заставит Сибилла исчезнуть, ей не было мучительно больно.

Всё же вняв её заверениям, Сибилл убрал крылья, но его ханьфу приобрели лёгкую прозрачность, создавая ощущение прилипшего к телу намокшего шелка. И смотрелось это... Слишком! Альфэй невольно залипала на каждой складочке ткани. После чего ловила лукавую улыбку довольного собой Сибилла.

— Так как ты получила божественное имя на Небесах? — допрос от Сибилла, примерившего роль рокового соблазнителя, Альфэй приняла куда как благосклоннее его прошлых попыток разузнать больше об устоях жизни на Небесах.

— Когда вознеслась, мне его дал привратник на Небесах. Это должность такая, но наставник потом сказал, что любой старший бог на Небесах может дать божественное имя. Вроде как, кто будет быстрее, тот и назовёт. Вознёсшиеся боги появляются за пределами защитного купола Небес, а это небольшой пятючок земли, на котором стоит павильон небесного привратника. К тому же он записывает имя в специальную книгу, её ещё называют Книгой судеб, потому что, узнав истинное имя бога, можно прочесть его судьбу. Говорят, эта книга лишь копия, настоящая хранится у рождённых богов, а через копию привратник только пополняет список тех, кто попадает на Небеса.

— Защитный купол?.. Что это?

— Помимо того, что купол поддерживает атмосферу, он, по сути, представляет собой защитное построение, скрывающее Небеса в пространстве и времени. Привратник может активировать дополнительную защиту при угрозе нападения, чтобы обеспечить абсолютную изоляцию.

— Твой павильон тоже находится за его пределами?

— Конечно же, он внутри. Небеса — точка, из которой можно попасть в любой сотворённый мир, своеобразный перекрёсток миров, созданный светлыми богами, чтобы связать свои миры. Без особой надобности боги не покидают Небеса.

— И ты всегда оказываешься в одном и том же месте после сотворения миров?

— Откуда уйду, туда и возвращаюсь, — подтвердила Альфэй.

Внимание Сибилла к любой мелочи, происходящей на Небесах, беспокоило. Впрочем, куда больше Альфэй волновало то, что он, кажется, всерьёз взялся её соблазнять, а на вялые попытки уйти в свои чертоги принимался капризничать.

— Зачем тебе возвращаться только для того, чтобы выспаться? Я специально для тебя обустроил спальню, обещаю, что не буду туда входить.

Свод пещеры в прожилках золотоносной руды подпирали прозрачные колонны светящегося изнутри камня. Сверху и снизу ставшую её спальней пещеру устилали синие, предгрозовые кучевые облака, которые приятно пружинили под ногой и простреливали зарницами в тёмной глубине. Кровать заменило гигантское облако, более тёмное и рыхлое, в которое можно было зарыться с головой.

Захотелось просто попробовать, каково это спать в такой постели. Опасение, что будет сыро и холодно не оправдалось. Наоборот, ощущение, что погружаешься в парное молоко из

тёплого и сухого воздуха, моментально убаявало.

Альфэй неплохо выпалась, а после озаботилась поиском ванной комнаты.

В неприметной нише располагался коридор, который неожиданно выходил в огромную пещеру с грохочущим и низвергающимся вниз водопадом. Вода собиралась в озере с подсвеченным всё тем же прозрачным камнем дном. Такой по разумению Сибилла стала ванная, и вход в неё обнаружился и из его спальни тоже. О чём Альфэй узнала во время купания.

— Какого демона?.. — она едва успела возмутиться, когда Сибилл в облици зверочеловека присоединился к ней.

Спасибо, что не в человеческом облике. Всё же у тигра имелась шерсть, которая весьма условно прикрывала шикарное тело. Сама Альфэй залезла в воду, не раздеваясь. Её одежды сами изменились на полупрозрачное нижнее одеяние приличествующее богине в купальне.

— Ты же уже выпалась? Значит, я могу присоединиться? Подумал, что будет здорово вместе искупаться, — радостно объявил Сибилл, рассекая воду и целеустремлённо топая к ней.

В подсвеченной снизу кристально чистой воде даже Альфэй было не скрыть реакции тела. Зверочеловек в полной боевой готовности выглядел впечатляюще, хотя раньше ей подобное не нравилось.

И всё же весь её гарем определённо уступал одному только жаркому взгляду Сибилла, которым тот окинул её с головы до ног.

— Никаких глупых игр, — постаралась придать твёрдости, внезапно севшему голосу Альфэй.

И Сибилл активно закивал. Расслабиться в его компании Альфэй не смогла, но гнать не спешила. Он сам нарывался и просился «услаждать её взор», а она что отказываться должна? Вот уж ложную скромность Альфэй лет тридцать как растеряла.

Но Сибилл не жаловался, а всё больше наглел, задабривая вкусной едой и талантом делать массаж. Спину Альфэй ему не доверила, а вот от массажа ног, оставлявшего ощущение контроля над ситуацией, отказаться не смогла.

Похоже, Сибилл открыл ещё одну её эрогенную зону, и реакцию скрыть не удалось. Дело даже не в том, что у Альфэй сбилось дыхание, и вырвался произвольный стон наслаждения. Всё же органы чувств богов куда острее, чем у смертных.

— В мире Оживших наравне с медитацией практикуют массаж, чтобы тело расслаблялось, и энергия Ци не застаивалась, — севшим голосом объяснил свои познания Сибилл.

Вероятно, он вступил на путь мазохиста, потому что упорно продолжил делать массаж, даже когда, задышав тяжело, упёрся в её колени лбом.

Немного раздражало, что Сибилл так резко реагирует на любую близость. Однако пока он мог держать себя в руках, Альфэй не собиралась ничего менять.

Но как бы хорош ни был Сибилл в массаже и создании комфортных условий для проживания, Альфэй всё же твёрдо была намерена проверить как обстоят дела у её гарема.

— Возьми меня собой. Обещаю больше ни с кем не драться, — в своей излюбленной манере заныл Сибилл.

— Нет. Тебе запрещено появляться в моих чертогах. Доступ Шисяйсана я аннулировала, так что даже не думай снова воспользоваться этим способом.

— Тогда возвращайся скорее. Без тебя тут ужасно скучно.

— Ведёшь себя как ребёнок, — упрекнула Альфэй.

На облачном острове её ждали плохие новости. Азур доложил, что Саддат увёл всех людорогов, которые отrekliсь от неё в пользу Сибилла.

— Этих-то он чем сманил? — взвыла Альфэй.

— Саддат сказал, что Бог плодородия пообещал сделать их сильнее, — понуро признался Азур.

И Альфэй вспомнила, что Саддат и её спрашивал о том, как можно стать сильнее. Но она отмахнулась от него, аргументировав тем, что людороги и так получились очень сильными.

К Сибиллу она вернулась с желанием убивать.

— Да сколько можно моих верующих тырить?! — не успел он и рта раскрыть, наехала на него Альфэй. — От меня теперь и людороги отвернулись. Что ты им наобещал?

— Я?.. — на мгновение задумался Сибилл, видимо проверяя свои храмы и верующих. — Только сказал Шисьясану, что усилить расу можно, если получать потомство от самых сильных. К примеру, устраивать отборочные соревнования, по результату которых дают или нет разрешение на брак. Теперь у людорогов появились их брачные бои... Я всё исправлю!

— Как ты это собираешься сделать? — Альфэй упала в своё любимое облако-кресло, которое удачно оказавшееся рядом. — Мне остались верны только птицелюди. Люди верят в тех, кто им на текущий момент выгоден. А остальные ушли к тебе, за исключением каких-то одиночек.

— Просто смотри. Хуже всё равно не станет, — улыбнулся ей Сибилл.

Он вышел на середину своей пещеры, в которой словно выкрутили подсветку на минимум, отчего сияние, исходящее от Сибилла, стало ещё ярче. Когда он заговорил глухо и рокошуще, его глаза загорелись неоновой-синевою:

«Дорогие верующие, к вам обращается Бог плодородия. Прошу вашей поддержки в моих чувствах к Верховной богине Альфэй. Отныне почитая меня, равно почитайте мою любимую. Не нужно чинить ссор и споров. Тех, кто нарушит мир между нами, я не прощу».

Альфэй судорожно вдохнула и только тогда поняла, что задерживала дыхание. Этот мелкий!.. Только признания в любви на весь мир ей не хватало. Сама бы она скорее объявила о желании убить паршивца — это, пожалуй, в их отношениях никогда не изменится.

— Больше никто не посмеет проявить к тебе неуважения, — удовлетворённо заявил Сибилл закончив транслировать своё послание смертным.

— После твоих угроз? Это нужно совсем не ценить свою жизнь, — согласилась с ним Альфэй. Если хорошо подумать, то и на признание в любви она совсем не обязана была что-то отвечать.

Объявление Сибилла, привело к росту её силы почти вдвое. Теперь с его поддержкой Альфэй могла больше не беспокоиться о непостоянстве смертных.

— Ты же не уйдёшь на Небеса прямо сейчас? — забеспокоился Сибилл.

Стоило признать, это было самым логичным решением в сложившейся ситуации.

— Давай побудем тут ещё немного. Ты обещала меня учить. Мы же только начали...

— Я смогу продолжить тебя учить и в мире, где получу назначение, — оборвала поток нытья Альфэй. — Но так и быть побуду тут ещё немного. И не из-за тебя, а ради своего гарема.

Последнее утверждение так фонило ложью, что Альфэй поморщилась, как от зубной боли.

— Конечно, как скажешь, — счастливо улыбнулся Сибилл.

Ей очень сильно захотела ударить его.

Все свои дела в этом мире, как и со стажировкой в целом Альфэй закончила. Это понимание словно ослабило перетянутую внутри неё струну. Впервые за очень-очень долгое время Альфэй позволила себе отдохнуть.

Они с Сибиллом болтали, ели местные деликатесы, купались, путешествовали среди смертных.

В какой-то момент Альфэй совсем забылась, ощущая сродство с сотворённым миром, гармонию в душе и счастье от того, что может всё это разделить с тем, кто рядом.

У них с Сибиллом даже хобби появилось, посещать всюду, где бы ни появлялись свои храмы.

— Какого демона?! — взывала Альфэй.

Статуя в храме изображала её саму, одной рукой собственнически обнимавшую неприлично счастливого и слишком очевидно влюблённого Сибилла, а другой показывающую кулак. По задумке скульптора, кулак, возможно, должен был быть занесён для удара, но смотрелось так, будто она грозила всем, кто посмеет посягнуть на её «добычу».

— М... Кажется, это храм любви из тех самых «парных», о которых Шисяйсан рассказывал. Место поклонения влюблённых и проведения свадебных обрядов, — улыбка Сибилла стала ехидной.

Они не объявляли себя парой. О свадьбе и речи не было! Но смертные решили иначе. Их давно уже сочетали браком и почитали как жену и мужа. Благо детей пока что не напридумывали.

От смущения и злости Альфэй затрясло.

— Не могу на это смотреть! Пойду, свой гарем навещу, — пришло решение.

Всё же громить собственные храмы и пугать смертных — идея плохая. А от увиденного разнести всё вокруг по камушку очень хотелось!

Альфэй ещё успела заметить тоскливый взгляд Сибилла, перед перемещением на облачный остров. Он всегда с трудом отпускал её к другим мужчинам, но, по крайней мере, перестал отговаривать от посещения гарема в обмен на обещание не уходить на Небеса, не попрощавшись.

— Приветствую, Солнцеликую! — первым как всегда встретил её Азур.

Альфэй заметила, что за его спиной никого больше нет. Количество мужчин в гареме с каждым её посещением становилось всё меньше, но...

— Неужели ты остался тут один? — ужаснулась она.

— Это мой долг верховного жреца. Верховная богиня позволила гарему уходить и приходить по желанию, поэтому всё больше жрецов обзаводились семьями... особенно в последнее время.

— И давно ты здесь совсем один?

— Несколько лет, — пожал плечами Азур, и, видимо, прочитав что-то по её лицу, поспешно добавил. — Но, конечно, я спускаюсь иногда вниз и могу в любой момент связаться с другими жрецами.

Альфэй слишком расслабилась и совсем не следила за временем.

— Так не пойдёт. Я хочу, чтобы ты был счастлив...

— Этот недостойный счастлив служить Солнцеликой, — впервые он перебил её.

— И я благодарна тебе за это. За веру и верность, за почитание и уважение. Но я

бессмертна, Азур. И рано или поздно я... покину облачный остров. Я не хочу, чтобы ты был одинок.

— Солнцеликая уходит к Богу плодородия? Этот недостойный плохо заботился о Верховной богине? Возьмите меня с собой, куда бы ни направились! Я... — Азур закусил губу до крови.

Альфэй словно прозрела.

Азур походил на Сибилла не только внешне, но и чем-то внутри. Он безропотно ждал её, выполняя всю скучную рутину. Никогда не упрекал, принимая как данность любое её решение. Манипулировать не умел, но и его взгляда преданного щеночка хватало, чтобы Альфэй прислушивалась к его желаниям.

Она ущипнула переносицу.

Даже с двойником Сибилла сложно. Будто ей одного надоеды мало!

— Я ухожу. Оставляю облачный остров для жрецов высшего ранга, вы можете сделать тут ещё один мой храм. Его могут посещать все, кто имеет крылья. Ты волен выбрать любой путь в жизни, но я надеюсь, что он сделает тебя счастливым.

— Солнцеликая больше не вернётся? — поник Азур, а его крылья опустились к самым ногам и обвисли, словно промокший до нитки плащ.

— Я не вернусь. Бог плодородия тоже отныне будет сюда допущен.

— Разве он не уйдёт вместе с Солнцеликой? — встрепенулся Азур.

— Конечно же, я буду с Альфэй, — возразил Сибилл, который немедленно воспользовался её дозволением пройти на облачный остров. — Идём, — протянул он руку.

— Просто будь счастлив, а остальное — мелочи, — Альфэй подошла к Азуру и под шумные вздохи обоих мужчин поцеловала его в щёку.

Сибилл, не выдержав, схватил её за руку и уволок в свою пещеру.

— Ты уходишь, — сразу всё понял он. — Я иду с тобой.

— Да сговорились вы тут все что ли? — застонала Альфэй.

— Небеса такой же мир, как и все прочие. У меня столько же божественной энергии, сколько и у тебя, её должно хватить. На этот раз я пойду с тобой, — упёрся паршивец.

— Ты останешься здесь, проследишь за этим миром. Переместишься, когда мне дадут назначение. Не упрямься.

— Мы больше не расстанемся.

— Что за ребячество! Я уйду. Ты остаёшься тут, — Альфэй ощутила, как от её злости начала повышаться температура в пещере.

— Нет, — взгляд Сибилла засиял ярче.

Она не стала больше тратить время на споры и сконцентрировалась для перехода на Небеса. Сибилл по какой-то причине не пытался ей помешать. Последнее что она запомнила: невероятно яркую неоновую-голубую радужку его потяжелевшего взгляда.

Часть 6

Глава 6. Преданная богиня

В момент перемещения на Небеса Альфэй увидела, что Азур всё же последовал её совету и сошёлся с женщиной из змеелюдей, которую представил ему Шисяйсан. Та была удивительно похожа на саму Альфэй. Видимо двойники сошлись, словно два отражения в кривом зеркале. Множество судеб смертных и самого мира обрушились на неё единым потоком.

Альфэй едва устояла на ногах от количества свалившейся информации.

— Осторожно, — поддержал её под локоть Сибилл.

Альфэй резко развернулась к нему.

— Как ты тут?.. — выдохнула она слабым голосом.

Их одежды остались теми же самыми что и в последнем мире. Сибилл сейчас ничем не отличался от других богов, его ханьфу вполне соответствовало негласной «моде» на Небесах.

«Тревога! На Небеса проник Тёмный бог! Всем богам срочно собраться на Триумфальной площади», — раздался громкий, словно говоривший находился рядом, сдержанный голос наставника У, который учил Альфэй основам боевых искусств.

Мысль о том, что сердечный демон не способен вырваться из мира своего бога пришлось оставить. Назрел более насущный вопрос.

— Тёмный бог? Что он тут может делать? И как вообще проник на Небеса? Тем более один, без поддержки и союзников, — прошептала Альфэй.

— Никому не говори обо мне, — попросил Сибилл, напряжённо всматриваясь в её лицо.

— Сердечные демоны довольно опасны. Обычно только для своего бога. Но Сяои напомнила, что мир, в котором сердечный демон пожрал своего бога, изолируют и уничтожают. Так что, нет. Ради безопасности окружающих, я обязана сообщить о тебе наставнику Ли.

— Аль...

— Не произноси здесь моё божественное имя, — Альфэй накрыла губы Сибилла ладонью.

— Фэй? — он чуть сдвинул её руку, чтобы можно было говорить.

— Да, так пойдёт, — Альфэй взяла Сибилла за руку и потянула прочь из своего павильона.

— А ты не хочешь дать мне другое имя?

— Чтобы получить божественное имя, нужно быть богом. Тем более имена дают старшие боги, а я отношусь к младшим, — закатила глаза Альфэй. — Идём на Триумфальную площадь. Сейчас все там, заодно и с тобой разберёмся.

Как только они переступили порог павильона, Сибилл отнял свою руку.

— Ты чего? — обернулась Альфэй, почувствовав, что он остановился.

— Я никуда не пойду с тобой, Фэй. Меня не оставят в живых. И, возможно, тебя тоже.

— Глупости. Наставник и остальные сами убеждали меня договариваться с тобой, а не нападать. Тем более всем сейчас не до тебя. Тёмный бог, проникший на Небеса, — проблема посерьёзнее сердечного демона. Но если ты беспокоишься, то просто надо вернуть тебя обратно в мой мир, тогда всё будет в порядке, — Альфэй показалось, что она нашла отличный выход из положения.

— Кто такие эти тёмные боги? Помню, ты так ругалась. До того, как твоим любимым высказыванием стало «какого демона», — криво усмехнулся Сибилл.

— Тёмные боги очень опасны, но Небеса и наши миры изолированы от них. Так что обычно мы с ними не сталкиваемся...

— Сяоа! — послышался голос Сяои, спешащей по тропинке утопающей в кустах пионов и петляющей между персиковыми деревьями.

— Аль... Стажёр А! — вторил ей Ежан, который обогнал Сяои на пару шагов.

— Я здесь, — отвлеклась на них Альфэй, а когда повернулась обратно к Сибиллу, его не оказалось рядом.

— Слава Небесам с тобой всё в порядке! — простонала Сяои, хватаясь за её руку. — Идём скорее! Тёмный бог на Небесах — хуже волка попавшего в овчарню.

— Ты в порядке? — обеспокоенно заглянул ей в глаза Ежан.

— Со мной всё хорошо. Я только вернулась из своего последнего мира. Что у вас тут вообще творится?

— Сами не знаем. Как услышали оповещение, поспешили к тебе. Идём на Триумфальную площадь, как раз всё и узнаем.

В саду вечноцветущих вишен Альфэй заметила среди деревьев старшую богиню До которую едва узнала. С их последней встречи женщина, словно помолодела. Возможно, всё дело было в лёгкой, мечтательной улыбке. Казалось, богиня До любит цветущей вишней, но момент для созерцания красот природы она выбрала явно неудачный.

— Старшая богиня До, сейчас опасно гулять в одиночестве. На Небеса проник Тёмный бог. Идёмте с нами, — позвала её Альфэй.

Ежан и Сяои ограничились приветствиями.

— Для моей прогулки сейчас самое время. Лепестки, вспорхнули словно бабочки. Воздух наполнила пронзительная горечь вишни. Жестокость — лишь одна сторона Смерти. Не всем открывается её милосердие, дарующее покой. Ты ещё не познала настоящей боли, дитя, поэтому не знаешь и милосердия.

— Поспешим, — потянул её за руку прочь Ежан.

— Она совсем спятила, — нахмурилась Сяои, когда они чуть отошли.

— Насколько мне известно, старшая богиня До хороша в предвидении. Думаю, с ней всё будет в порядке. Во всяком случае, возможностей избежать нежелательной встречи у неё больше чем у нас, — нейтрально заметил Ежан.

* * *

Триумфальная площадь оказалась забита до отказа. Альфэй впервые видела столько богов вместе. На возвышении у храма Бессмертия в окружении старших, самых уважаемых богов и богинь застыли двое похожих внешне, потрясающе красивых мужчин, чей лик и даже днём излучал видимый свет. Один выглядел, как чиновник, другой — как воин. От обоих мужчин ощущалась подавляющая, запредельная мощь.

Сердце пропустило удар.

Рождённых богов Альфэй раньше видеть не приходилось.

— Небеса были созданы, чтобы Светлые боги могли без страха жить и трудиться в покое и гармонии на благо всех сотворённых миров, — не повышая голос начал речь рождённый бог, похожий на чиновника.

— Это Тянбай — старший из двух богов-близнецов Лянь — семьи, которой подчиняются Небеса, — шепнул Ежан, развеивая её сомнения.

— Значит, второй — Лянь Хаотан, — догадалась Альфэй.

— Защитные артефакты сигнализируют об опасности. Кто-то из собравшихся здесь провёл на Небеса Тёмного бога. Мы непременно узнаем правду и найдём виновного. Сознаться, чтобы смягчить своё наказание, в противном случае пеняете на себя, — сильный голос Лянь Хаотана прервал перешёптывание Ежана и Альфэй.

После этого требования площадь накрыло единодушное молчание.

Оставалось только гадать, где кто-то из окружавших её богов повстречался с Тёмным богом. Альфэй склонялась к версии с «давним знакомым», ещё из смертной жизни бога. Потому что, как и сказал Лянь Тянбай, защитный купол Небес не пропускал Тёмных богов. А

в случае попытки прорыва привратник активировал дополнительную защиту.

Она не знала ни одного случая прорыва Тёмных богов на Небеса. О таком даже в шутку и шёпотом не говорили.

— Ты, — Лянь Хаотан указал на Альфэй, и её сердце встрепенулось от ужасного предчувствия. — Почему от тебя разит тёмным?

— Возможно из-за моего сердечного демона, Верховный бог? — предположила она. — Он прошёл вслед за мной на Небеса... Правда, я не знала, что сердечные демоны способны на такое.

Со всех сторон послышались удивлённые возгласы и перешёптывания. Место в три шага вокруг Альфэй с Ежаном и Сяои опустело.

— Сердечный демон может вырваться из мира своего бога, только если поглотит его, — вмешался в разговор Лянь Тянбай. — А ты ещё жива, значит, это никак не может быть твой сердечный демон.

— Но... Я же сама его создала... — растерялась Альфэй.

— А это уже интересно, — кивнул Лянь Тянбай, принимая информацию во внимание. — Подойти сюда вместе со своим ответственным наставником.

Альфэй мельком глянула на побледневшего Ежана и испуганную Сяои, искала взглядом наставника Ли и двинулась к нему. Боги на её пути поспешно отходили в сторону.

Вдвоём с наставником они поднялись по ступеням храма Бессмертия.

— Лянь Тянбай прав, сердечный демон не может прорваться на Небеса, не убив своего бога, — заговорил с ней наставник, пока они шли к рождённым богам.

— Но, наставник, вы же сами всё видели... Может, это потому, что демон стал богом в последнем моём мире. И так на него повлияла сила веры смертных?

От её слов наставник Ли споткнулся на ровном месте и остановился не дойдя до рождённых богов пяти шагов.

— Демон не может стать богом, — редкая бородка наставника затряслась от волнения.

— А это значит, что мы нашли ту, что притащила на Небеса Тёмного бога, — подошёл к ним Лянь Хаотан.

— Разве можно создать бога? — удивилась Альфэй, её учили, что это практически невозможно. Рождение бога требовало колоссальных затрат энергии, желания двух богов и их искренней, взаимной любви.

Братья-близнецы и наставник Ли переглянулись.

— В этой истории много неясных моментов. Чтобы во всём разобраться, переместимся в Нефритовый дворец, — предложил Лянь Тянбай.

Не дожидаясь её ответа, он схватил её за руку и перенёс в богато украшенную просторную комнату. Рядом появился Лянь Хаотан, наставника Ли с ним не было.

— Эта девчонка источник просочившейся на Небеса заразы, — услышала звонкий голос за своей спиной Альфэй.

Развернувшись, она столкнулась взглядом с невероятно красивой, словно высеченной из белого нефрита, богиней.

— Что ты видишь, сестра? — спросил Лянь Тянбай.

— Она — пустышка, дурочка, которой воспользовались. Зато Тёмного бога вскормила сильного. Его недооценивать глупо. Он довольно умён и дальновиден, — безразлично вывалила свои откровения-видения Лянь Юйхуа — младшая сестра богов-близнецов.

— Значит злоумышленник всё ещё на свободе? — уловил суть Лянь Хаотан.

— Не сопротивляйся. Дай взглянуть на свои воспоминания, — вместо ответа брату, велела Лянь Юйхуа и, приблизившись, завладела рукой Альфэй.

Чтению Альфэй не препятствовала. Тем более что богине с такой силой помешать очень сложно.

— Это её любовник. Стажёр Е, он же бог Ежан, — не напрягаясь выдала истинное имя Лянь Юйхуа.

— Ежан? Но зачем ему?.. — не могла поверить Альфэй.

Сердце пронзил острый шип боли, а горло сдавил спазм. Руки задрожали, и Альфэй прикрыла их широкими рукавами.

Ежан так заботился о ней. Он постоянно был рядом. Везде находил. Даже Сяои попросил подружиться с Альфэй.

Он не мог! Не мог же?.. Или...

— Зависть. Соперничество. Желание «спустить на землю» и возвысится самому. Ты уже и сама всё поняла, только уязвлённая гордость не даёт смириться с реальностью, — пожалала плечами Лянь Юйхуа.

— Я займусь этим богом. Старший бог Ли должен был уже собрать младших богов, знавших девчонку, — сообщил Лянь Хаотан и исчез.

— Твоя невиновность в умышенном создании Тёмного бога почти доказана, — обратился Лянь Тянбай к Альфэй. — Но ты всё равно виновна в том, что он появился на свет и попал на Небеса, а теперь угрожает жизни и благополучию всех нас. Поэтому ты должна принять наказание.

— Я понимаю, Старший Верховный бог, — Альфэй сжала руки в кулаки.

Если бы Сибилл оказался сердечным демоном, то в его появлении можно было винить только себя. Но она точно никак не могла создать бога. И неважно тёмного или светлого. Нужно было ещё уточнить, как вообще такое возможно, но не это сейчас главное.

Острое разочарование разлилось по венам разъедающей кислотой.

Альфэй поверила, что Ежан отличается от тех, мужчин с которыми она была в отношениях до него, но выходит, что опять обманулась. А ведь он ей даже начал нравиться.

Конечно, в этот раз она не хотела отношений, а думала только воспользоваться Ежаном также, как полагала, что он пользуется ею. Попользовалась, надо отдать должное, с удовольствием. Но получилось, что ни отношений у них не было, ни доверия, а сплошное «потребительство», у каждого в своих целях. Альфэй не любила, но считала, что они уважают друг друга и достигли взаимопонимания.

Как после случившегося верить мужчинам? Она только разобралась со своим недоверием и вот опять всё по новому кругу.

Смятение в мыслях и чувствах полностью поглотило её.

* * *

Лянь Хаотан вернулся не прошло и получаса или, как принято было измерять этот временной промежуток на Небесах, спустя одну палочку благовоний.

— Бог Ежан сознался в причастности к появлению Тёмного бога, — без подготовки вывалил он новость.

Альфэй вздрогнула.

— Я поместил его в темницу, остальное выяснят дознаватели. Но главное уже удалось установить, он применил заклятие раскалывающее сознание на чётках со связкой миров богини Альфэй.

— Хотел свести её с ума, — кивнул Лянь Тянбай.

— Вот только девчонка оказалась изначально с надломом, так что вместо раздвоения, получилось отделить Тень, — дотронулась указательным пальцем до губ Лянь Юйхуа.

— Мало того, перед наложением заклятия, Ежан и Альфэй синхронизировали свои потоки. После чего подпитка из Инь и Ян божественных источников породила Тёмного бога, — вслед за братом и сестрой дополнил картину случившегося Лянь Хаотан.

— Но разве возможно просто взять и создать бога? — глухо спросила Альфэй, с содроганием слушая, как Лянь Хаотан рассуждает о «синхронизации», которой они с Ежаном занимались в постели.

Она всё ещё отказывалась верить в предательство Ежана и то, что Сибилл — Тёмный бог. Происходящее казалось бредом воспалённого болезнью сознания. Кошмаром, который тянулся и никак не хотел заканчиваться.

— Создать бога можно, но только Тёмного бога, а они очень опасны из-за тьмы, с которой постоянно взаимодействуют. Рано или поздно разум не выдерживает. Поэтому распространять информацию о создании Тёмных богов на Небесах строжайше запрещено, — ответил ей Лянь Тянбай.

— Нужно узнать, что этому Ежану известно о Тёмных богах, — вставила Лянь Юйхуа.

— Он утверждает, что это случайность. Он ничего такого не планировал. Думаешь, за ним может стоять кто-то ещё? — остро глянул на сестру Лянь Хаотан.

— Мы должны рассмотреть любые возможные варианты. С Тёмными богами никогда и ни в чём нельзя быть уверенными...

— Что теперь будет с Ежаном? — не вежливо вклинилась в разговор рождённых богов Альфэй.

— Низвержение, — пожал плечами Лянь Тянбай. — Создание Тёмного бога — это слишком серьёзный проступок. Неважно умышленное или нет.

— Н-низвержение?.. А как же... Что будет со мной?

— То же самое. Лишение статуса богини, низвержение в родной мир, жизнь обычной смертной. Вашу судьбу окончательно решит совет Бессмертных. До этого момента тебе запрещается покидать Небеса. Впрочем, ты и не сможешь. Никто не сможет покинуть Небеса, пока Тёмный бог не будет пойман.

На место уязвимости, смятению, растерянности, чему-то хрупкому и дрожащему внутри, как промокший щенок, пришёл гнев.

Ногти больно впились в ладони. Кулаки чесались кому-нибудь врезать за «всё хорошее».

Ежан и Сибилл оба причастны к тому, что её мечты и стремления полностью разрушены. Они сломали всё, чего она добилась упорным трудом. Нет более или менее виноватого. Оба хороши!

Она столько узнала за стажировку. Многого достигла. Смогла понять свои основные сложности и измениться в лучшую сторону. Неужели всё это было зря?

Альфэй почти возненавидела Ежана и Сибилла.

— КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ —

Больше книг на сайте - Knigoed.net